A stylized black silhouette of an African man stands on the left side of the cover. He is holding a long spear in his right hand and has his left arm raised high with an open hand. He wears a beaded necklace and a loincloth. The background is a vibrant green with several thin, curved white lines. The title and author's name are printed in white and black Cyrillic letters on the right side.

ЭРНЕСТ
ХЕМИНГУЭЙ

ЗЕЛЕННЫЕ

ХОАМЫ

АФРИКИ

Путешествия Приключения Фантастика

Э. ХЕМИНГУЭЙ

ЗЕЛЕННЫЕ
ХОЛМЫ
АФРИКИ

Государственное издательство
географической литературы
Москва 1959

ERNEST HEMINGWAY
GREEN HILLS OF AFRICA

London, 1936

Сокращенный перевод с английского В. А. ХИНКИСА

Под редакцией М. Е. АБКИНОЙ

*Послесловие доктора биологических наук
проф. В. Г. ГЕПТНЕРА*

Оформление художника М. П. КЛЯЧКО

Выдающийся американский писатель Эрнест Хемингуэй (род. в 1899 г.) широко известен в Советском Союзе. На русский язык переведены многие его произведения.

Книга «Зеленые холмы Африки», публикуемая по-русски впервые, написана в 1934—1935 гг., после возвращения Хемингуэя из поездки по Африке.

Неутомимый и наблюдательный путешественник, страстный охотник и спортсмен, Хемингуэй с юношеских лет интересовался Африкой и, по его собственному выражению, «любил эту страну всю жизнь». Африке посвящены многие статьи писателя 30-х и 50-х годов, а также некоторые его рассказы («Снега Килиманджаро», «Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера»).

«Зеленые холмы Африки» — это очерк, в котором люди и события изображены по замыслу автора абсолютно правдиво, а свежие впечатления от недавнего путешествия преподносятся «без творческого вымысла», в том виде, в каком их сохранила память писателя.

В середине декабря 1934 г. маленькая экспедиция — Хемингуэй, его жена, друзья и следопыты африканцы — выехала на автомашинах из Момбасы и двинулась на северо-запад через плато Ссеренгети, откуда повернула на юг, к озеру Маньяра. Путешествуя по Африке, Хемингуэй и его друзья охотились на крупных зверей, хищных и травоядных, — львов, леопардов, антилоп, носорогов, газелей. В книге рисуются запоминающиеся картины природы, рассказывается о людях, с которыми встречался автор.

Книга «Зеленые холмы Африки» представляет несомненный интерес для читателя — она позволяет взглянуть на Африку глазами умного и наблюдательного путешественника, который любит и хорошо знает природу этой страны, ее людей, ее животный мир.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В отличие от большинства романов в этой книге нет ни одного вымышленного образа или события. Если кто-либо из читателей сочтет, что любви не уделено здесь подобающее место, то этот читатель, или читательница, вольны наделить героев моей повести теми чувствами, которые сами испытывали бы на их месте. Автор стремился создать абсолютно правдивую книгу, чтобы выяснить, может ли такое правдивое изображение событий одного месяца и страны, в которой они происходили, соперничать с творческим вымыслом.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОХОТА И РАЗГОВОРЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мы сидели в шалаше, который охотники племени вандеробо соорудили из веток и сучьев неподалеку от солонца*, как вдруг послышался шум грузового автомобиля. Сначала он доносился откуда-то издали и невозможно было разобрать, что это такое. Потом все стихло, и мы решили, что нам это почудилось или просто налетел порыв ветра. Но шум, теперь уже явственный, постепенно приближался, становился все громче, и, наконец, с оглушительным ревом и лязгом грузовик проехал позади нас по дороге. Один из наших двух следопытов, человек с манерами трагического актера, решительно встал.

— Теперь все пропало! — сказал он.

Я приложил палец к губам и знаком приказал ему сесть.

— Да, все пропало, — повторил он и широко развел руками. Он мне никогда не нравился, а в эту минуту — тем более.

— Подождем, — прошептал я. Но М'Кола покачал головой. Я взглянул на его голый темный череп, а он повернулся ко мне так, что стали видны жиденькие китайские усики в углах рта.

— Плохо, — возразил он, — хапана м'узури.

— Подождем немного, — повторил я. — М'Кола снова пригнулся, чтобы его голова не видна была над сухими ветками, и мы просидели в пыльной яме до самых сумерек; скоро стало невозможно различить в темноте даже мушку на моем ружье, но антилопы все не показывались. Наш «трагик» нетерпеливо ерзал на месте. Не успел померкнуть дневной свет, как он уже шепнул М'Кола, что теперь нельзя стрелять.

* Солонец — небольшой участок засоленной почвы, посещаемый копытными зверями. Они лижут соль или поедают небольшие порции земли, дополняя свою пищу нужными им минеральными веществами.

— Придержи язык,— ответил М'Кола.— Бвана * может стрелять, когда твои глаза уже ничего не видят.

Второй следопыт не преминул лишний раз щегольнуть образованностью: он нацарапал прутиком свое имя — Абдулла — на собственной черной ноге. На меня это не произвело никакого впечатления, и М'Кола тоже созерцал надпись с выражением полнейшего равнодушия. Немного погодя следопыт затер написанное.

Наконец, я попробовал еще раз прицелиться, вглядываясь в тусклый вечерний сумрак, но понял, что не смогу стрелять, даже если широко раздвинуть ветки. М'Кола внимательно наблюдал за мной.

— Ничего не выйдет,— сказал я.

— Что ж,— откликнулся он на языке суахили.— Вернемся в лагерь?

— Да.

Мы встали, вылезли из ямы и по слежавшемуся песку, ощупью пробираясь сквозь чащу, пригибаясь под низкими ветвями деревьев, вышли на дорогу. В миле от этого места стоял наш автомобиль. Увидев нас, шофер Камау включил фары.

Грузовик испортил нам охоту. В тот день мы оставили свою машину на дороге и подобрался к солонцу с крайней осторожностью. Накануне прошел небольшой дождь, который, однако, не затопил солонец — лесную полянку с клочком обнаженной земли, изрытой глубокими лунками и бороздами по краям, где животные вылизывали соль,— и мы обнаружили свежие сердцевидные следы четырех довольно крупных самцов куду **, побывавших здесь минувшей ночью, а также множество еще более свежих и мелких следов. Приходил и носорог, который, судя по следам и большой разбросанной куче похожего на солому помета, наведывался сюда каждую ночь. Тайник был устроен в перелете стрелы от солончака, мы сидели в этой яме, полной золы и мусора, откинувшись назад, высоко подняв колени и пригнув головы, и я увидел вдруг сквозь сухую листву и тонкие ветки, как из чащи на поляну, где была соль, вышел и застыл на месте небольшой самец куду, благородное серое животное с могучей шеей и витыми рогами, которые отчетливо рисовались в ярком солнечном свете, но, прицелившись ему в грудь, не решился выстрелить, боясь отпугнуть более крупных самцов, которые, без сомнения, придут сюда в сумерках.

А куду раньше нас услышал лязг и грохот грузовика и бросился под защиту деревьев, да и все другие звери, что шли к солонцу по равнине через кустарник или спускались с невысоких лесистых холмов, в тот же миг замерли на месте. Я знал,

* Бвана — господин (на языке суахили).

** Куду — винторогая антилопа.

что они придут потом, в темноте, но охотиться будет уже поздно.

Мы ехали по песчаной дороге, и в свете фар вспыхивали глаза ночных птиц, которые до последней секунды не двигались, припав к земле, а потом, в безмолвном страхе, взмывали из-под самых колес машины; мимо мелькали костры путников, расположившихся на почлег, чтобы утром вновь двинуться на запад, прочь из голодного края, лежавшего на нашем пути; я сидел в машине, уперев приклад в носок башмака и удерживая ствол согнутой левой рукой; зажав между коленями бутылку, я плеснул из нее виски в оловянную кружку и в темноте протянул ее через плечо М'Кола, чтобы тот долил воды из фляги; и, смакуя первый за этот день глоток чудесного напитка, я глядел на густые темные заросли, подставив лицо свежему ночному ветерку, вдыхал полюбившиеся мне запахи Африки и чувствовал себя совершенно счастливым.

Впереди показался большой костер, и, когда мы проезжали мимо, я заметил у дороги грузовик. Я велел Камау остановиться и дать задний ход, и когда мы снова очутились у костра, то увидели кривоногого коротышку в тирольской шляпе, кожаных штанах до колен и рубаше с открытым воротом; человек стоял у поднятого капота, окруженный толпой туземцев.

— Чем можем помочь? — спросил я.

— Ничем, — ответил он. — Разве что вы механик... Эта машина меня не взлюбила. Все они меня не любят.

— А что, зажигание шалит? Когда вы проезжали мимо, мы сразу это поняли по стуку в моторе.

— Боюсь, что дело куда хуже. Здесь пахнет серьезными неприятностями.

— Если сумеете добраться до нашего лагеря, там есть механик.

— А это далеко?

— Миль двадцать будет.

— Утром попробую. Сейчас боюсь ехать из-за этого предсмертного хрипа в моторе. Он норовит выйти из строя, потому что ненавидит меня. Ну что ж, я его ненавижу не меньше. Но если бы я вышел из строя, его бы это мало тронуло.

— Не хотите ли выпить? — я протянул ему бутылку. — Моя фамилия Хемингуэй.

— А моя — Кандиский. — Он поклонился. — Где-то я уже встречал такую фамилию — Хемингуэй. Но где? Где же я ее слышал? Ах, да! Это Dichter *. Вы знаете поэта Хемингуэя?

— А где вы читали его стихи?

— В «Квершнитте».

— Ну, тогда это я, — сказал я, очень польщенный. «Квершнитт» — немецкий журнал, в котором я поместил несколько

* Поэт (нем.).

довольно скверных стишков и длинный рассказ за много лет до того, как меня начали печатать в Америке.

— Вот так история! — удивился человечек в тирольской шляпе. — А скажите — какого вы мнения о Рингельнаце *?

— Великолепно пишет!

— Так. Значит, Рингельнац вам нравится. Отлично. Ну, а Генрих Манн?

— Плохой писатель.

— В самом деле?

— Во всяком случае, я его читать не в состоянии.

— Вы правы, он очень плохой писатель. Пожалуй, кое в чем мы с вами сходимся. Что вы здесь делаете?

— Охочусь.

— Надеюсь, не за слоновой костью?

— Нет. На куду.

— Чего ради люди охотятся на куду? Вы, мыслящий человек, поэт, — и убиваете куду.

— Я не убил еще ни одного, — ответил я. — А между тем мы гоняемся за ними высунув язык вот уже десять дней. Сегодня один нам попался, и мы подстрелили бы его, если бы не ваш грузовик.

— Ага, значит опять этот злосчастный грузовик виноват! Нет уж, извините, охотиться нужно не менее года. К концу этого срока человек успевает настрелять всякой всячины и начинает раскаиваться. Охота на какого-нибудь одного зверя — бессмыслица. К чему вам это?

— Мне это нравится.

— Ну, если *нравится*... А скажите-ка откровенно, что вы думаете о Рильке **?

— Я читал только одну его вещь.

— Что именно?

— «Корнет».

— Понравилось?

— Да.

— А я читать его не могу — терпения не хватает. Чистейший снобизм. Вот Валери *** — другое дело. Валери я понимаю, хотя у него тоже немало снобизма... Ну, слава богу, что вы хоть слонов не убиваете.

— Охотно убил бы какого-нибудь крупного.

— Что значит крупного?

— С бивнями фунтов на семьдесят или, может, чуть поменьше.

* И о а х и м Р и н г е л ь н а ц — псевдоним немецкого писателя-юмориста Ганса Боттихера.

** Р а й н е р М а р и я Р и л ь к е — известный немецкий лирический поэт конца XIX — первых десятилетий XX века.

*** П о л ь В а л е р и — современный французский поэт, последователь символистов.

— Видно, все-таки есть вещи, на которые мы смотрим по-разному. Но я рад познакомиться с одним из славной плеяды «Квершнитта». Скажите, что представляет собой Джойс? Его книга чересчур дорога — у меня нет таких денег. А Синклер Льюис — не бог весть что. Его книги я купил... Нет, нет, отложим этот разговор до завтра. Вы не возражаете, если я остановлюсь по соседству? Вы здесь с друзьями? Охотитесь один или с кем-нибудь из здешних белых?

— Со мной жена и один белый охотник. Мы вам будем очень рады.

— Почему же этот белый не ездит с вами?

— Он полагает, что на куду надо охотиться в одиночку.

— Лучше бы вовсе на них не охотиться. Кто он? Англичанин?

— Да.

— Наверно, сволочь какая-нибудь?

— Нет, он очень славный. Он вам понравится.

— Ну, поезжайте. Не хочу вас задерживать. Надеюсь, увидимся завтра. Как странно, что мы встретились!

— Да,— ответил я.— Завтра механик осмотрит ваш грузовик. Чем еще мы можем быть вам полезны?

— Доброй ночи,— сказал он.— Счастливого пути.

— Доброй ночи,— отозвался я. Наша машина тронулась, и я видел, как он шел к костру и уже издали махал рукой своим людям. Во время нашего разговора я не спросил, почему с ним двадцать туземцев из Центральной Африки и куда он держит путь. Собственно говоря, я не задал ни одного вопроса. Вообще я не имею привычки расспрашивать людей: там, где я вырос, это считается невежливым. Но мы целых две недели не видели белого человека, с тех самых пор как выехали из Бабаты к югу,— и вдруг здесь, на дороге, где непрерывно течет поток переселенцев, покидающих голодный край, да лишь изредка мелькнет индийский торговец, встретить человека в тирольском костюме, который точно сошел с карикатуры Бенчли, знает мое имя, называет меня поэтом, читает «Квершнитт», принадлежит к числу поклонников Иоахима Рингельнаца и не прочь потолковать о Рильке — это было что-то фантастическое! И как бы в довершение этой фантастики фары вырвали из темноты три высокие, конические, дымящиеся кучи. Я сделал Камау знак остановиться, и он затормозил почти у самых куч. Они достигали в высоту двух или трех футов. Я коснулся одной — она была еще совсем теплая.

— Тембо,— сказал М'Кола.

То был помет слонов, которые только что пересекли дорогу, и видно было, как он дымится в холодном вечернем воздухе.

Скоро мы добрались до лагеря. А наутро я встал еще до зари и поехал на другой солонец. Пробираясь меж деревьев, мы увидели самца куду: с лаем, очень похожим на собачий, но

более высоким и гортанным, он кинулся прочь, сначала бесшумно, а потом, когда отбежал подальше, — с треском ломая кусты, и больше мы его не видели. Нечего было и мечтать подойти к солонцу незаметно. Деревья обступали его со всех сторон, и тут уж сами животные как бы оказывались в засаде, а охотник вынужден был подбираться к ним по открытому месту. Тут пришлось бы красться в одиночку, ползком, да и то дальше чем с двадцати ярдов стрелять было нельзя — мешали густые ветви.

Конечно, за кордоном деревьев место для укрытия превосходное — ведь куду, чтобы выйти на солонец, должны пройти по открытой прогалине добрых двадцать пять ярдов. Но мы проторчали там до одиннадцати, — и никакого толку. Мы тщательно разровняли ногами землю вокруг солонца, чтобы завтра сразу увидеть свежие следы, и вернулись на дорогу, до которой было около двух миль. Горький опыт научил антилоп приходиться на солонец только ночью и покидать его до рассвета. Один самец замешкался, но утром мы спугнули его, что лишь осложнило дело.

Вот уже десять дней выслеживали мы крупных антилоп куду, а я еще ни разу не видел взрослого самца. Оставалось всего три дня, потому что с юга, из Родезии, надвигались дожди, и, чтобы не застрять здесь, мы должны были доехать по крайней мере до Хандени, прежде чем они начнутся. Мы назначили себе крайний срок — семнадцатое февраля. По утрам проходило не менее часа, прежде чем хмурое мохнатое небо очищалось от туч, и мы ощущали неуклонное приближение дождей так явственно, словно чья-то невидимая рука отмечала их путь на синоптической карте.

Погоня за зверем, на которого ты давно и страстно мечтаешь поохотиться, хороша, когда впереди много времени и каждый вечер после состязания в хитрости и ловкости возвращаешься хоть и ни с чем, но в приятном возбуждении, зная, что это только начало, что удача еще улыбнется тебе и желанная цель будет достигнута. Иное дело, когда времени в обрез, и если сейчас не убьешь куду, то, быть может, никогда не убьешь его, а то и не увидишь ни разу. Нет, это уже не охота! Тут охотник оказывается в положении тех юношей, которых родители посылают на два года в Париж, чтобы за это время они стали известными писателями или художниками, в случае же неудачи они бывают вынуждены вернуться домой и заняться тем же, чем их отцы. Настоящий охотник бродит с ружьем, пока он жив и пока на земле не перевелись звери, так же как настоящий художник рисует, пока он жив и на земле есть краски и холст, а настоящий писатель пишет, пока он может писать, пока есть карандаши, бумага, чернила и пока у него есть о чем писать, — иначе он дурак и сам это знает. Но сейчас время года было неподходящее, да и денег у нас оставалось мало, так

что занятие, которое могло бы доставлять мне каждый день массу удовольствия независимо от результатов, обращалось в то, что в жизни всего неприятнее, — необходимость делать что-либо наспех, в немыслимо короткий срок. В тот день я встал за два часа до рассвета, помня, что у меня в запасе всего три дня, и теперь, около полудня, подъезжая к лагерю, уже изрядно нервничал. А там под тентом сидел Кандиский в своих тирольских штанах и оживленно болтал. Я успел совершенно забыть о нем.

— Хелло! Хелло! — приветствовал он меня. — Не было удачи? Ничего не вышло? Где же куду?

— Фыркнул разок и удрал, — ответил я. — Добрый день, дорогая!

Жена улыбнулась. Она все время тревожилась за меня. Она и Джексон, которого мы называли «Старик», с рассвета напряженно прислушивались, ожидая моего выстрела. Прислушивались даже после того, как приехал гость; прислушивались, когда писали письма, когда читали, и все время, пока Кандиский болтал.

— И вы его не убили?

— Нет. Он больше не показывался.

Я заметил, что Старик тоже встревожен и мрачен. Видно, гость был не из молчаливых.

— Выпейте пива, полковник, — обратился он ко мне.

— Мы спугнули одного, — продолжал я. — Стрелять было нельзя. Там уйма следов. Но мы ждали напрасно. Ветер мешал. Спросите у проводников, если не верите.

— Я уже говорил полковнику Филипсу, — вмешался Кандиский, приподняв со стула свой обтянутый кожаными штанами зад и закидывая одну голую волосатую ногу на другую. — Нельзя вам здесь задерживаться! Поймите, надвигаются дожди. Когда они начнутся, местность станет непроходимой на двенадцать миль вокруг. Это безумие.

— Да, он говорил это, — подтвердил Старик. — Кстати, — это относилось к Кандискому, — называйте меня просто мистер Филипс. Военные звания у нас в ходу вместо прозвищ. Если вы сами полковник, не обижайтесь на нас. — Затем Старик повернулся ко мне. — Плюньте на солонцы. Перестаньте туда ездить, и вы добудете куду в два счета.

— Конечно, эти солонцы — одна морока, — согласился я. — Все кажется, что вот-вот подвернется удобный случай.

— Попробуйте счастья и на холмах.

— Ладно, попробую.

— В конце концов, на что вам убивать куду? — спросил Кандиский. — Не принимайте этого так близко к сердцу. Велика важность! За год можно настрелять штук двадцать.

— Об этом, пожалуй, лучше не заикаться в охотничьей инспекции, — заметил Старик.

— Вы меня не поняли,— возразил Кандиский.— Я говорю только, что это *возможно*. Но, разумеется, никто не захочет делать таких вещей.

— Да, конечно,— согласился Старик.— В стране куду это нетрудно: чаще всего здесь встречаются крупные антилопы именно этой породы. Но когда они нужны, их нет.

— А я вот не признаю охоты,— сказал Кандиский.— Почему бы вам не поинтересоваться лучше туземцами?

— Мы ими интересуемся,— заверила его моя жена.

— Право же, они прелюбопытный народ! Вот послушайте... — и Кандиский начал что-то ей рассказывать.

— Знаете, в чем беда? Когда я охочусь на холмах, меня мучает мысль, что эти твари внизу, на солонце,— сказал я Старiku.— Самки сейчас в холмах, но самцы вряд ли с ними. Приходишь на солонец вечером и видишь следы! Они *были* на этом треклятом месте! По-моему, они ходят туда во всякое время.

— Возможно.

— Я уверен, что там попадают все новые самцы. Вероятно, они приходят на солонец раз в несколько дней. Некоторые, безусловно, уже пуганые: ведь Карл убил одного. Если бы

он хоть уложил его с первого выстрела, а не гонялся за ним по всей округе! Бог мой, хоть бы раз он уложил зверя с первого выстрела! Ну, да ничего, придут другие куду. Остается только ждать: не могли же все они пронюхать о нас. А все-таки Карл здорово испортил нам охоту здесь.

— Он всегда так волнуется,— заметил Старик.— Но он славный малый. Помните, как ловко он уложил леопарда? Лучшего выстрела и желать нельзя. Подождем, пусть антилопы успокоятся.

— Правильно. Я на него и не сержусь.

— А не засесть ли вам у солончака на весь день?

— Ветер, черт бы его побрал, начал кружить и разнес наш запах во все стороны. Что толку теперь сидеть там? Разве что наступит затишье. Сегодня Абдулла захватил ведро золы.

— Да, я видел.

— Подобрались мы к солонцу, там ни ветерка, и уже совсем рассвело — можно было стрелять. Абдулла все время проверял золой, нет ли ветра. Я велел туземцам остановиться и вдвоем с Абдуллой двинулся вперед. Мы шли очень тихо. На мне были башмаки на войлочной подошве, а почва там черная и рыхлая. Но все-таки мы спугнули этого проклятого куду уже в пятидесяти шагах.

— А уши у куду вам ни разу не удалось разглядеть?

— Уши? Если бы мне удалось разглядеть уши какой-нибудь из этих подлых тварей, она была бы уже освежевана.

— Да, подлые твари! — согласился Старик. — Не по вкусу мне охота на солонцах. Куду вовсе не так уж хитры, как нам кажется. Но вы охотитесь на них там, где они всегда настороже: ведь их стреляют на солонцах с тех пор, как эти солонцы существуют.

— Это мне и любо, — ответил я. — Я готов охотиться здесь хоть целый месяц. Что может быть лучше засады? Не надо бегать, потеть. Сидишь себе, ловишь мух да скармливаешь их муравьиным львам. Хорошо! Только вот время...

— В том-то и беда. Времени мало.

— Так вот, — говорил между тем Кандиский моей жене, — вы непременно должны посмотреть эти большие «нгомы», пляски на празднествах туземцев. Это самые настоящие национальные танцы.

— Послушайте, — сказал я Старику. — Второй солонец, где я был вчера вечером, — самый надежный, только уж очень близко от этой мерзкой дороги...

— Если верить следопытам, туда ходят только мелкие куду. И потом — это слишком далеко. Восемьдесят миль туда и обратно.

— Знаю. Но ведь мы видели там следы четырех крупных самцов. Уверяю вас, если бы не вчерашний грузовик... А не засесть ли мне там сегодня с вечера? Просижу всю ночь и утро, а потом плюну на этот солонец. Там побывал еще и огромный носорог. Во всяком случае следы мы видели огромные.

— Ну что ж, — согласился Старик. — Может, заодно убьете и носорога. — Старик ненавидел всякое бессмысленное убийство — и убийство, совершаемое между прочим, ради эффекта, и убийство ради убийства, — мирясь с ним лишь тогда, когда страсть охотника сильнее отвращения к смерти или охотник этот стремится завоевать пальму первенства. И я видел, что он предлагает мне убить носорога только для того, чтобы сделать мне приятное.

— Я не стану убивать его, разве что он окажется очень уж хорош, — пообещал я.

— Ладно, убейте шельмеца, — расщедрился Старик.

— Эх, Старик...

— Да, убейте его. Вам доставит удовольствие расправиться с ним в одиночку. Рог вы сможете продать, если он вам не нужен. У вас ведь лицензия еще на одного носорога.

— Ну что? — вменялся Кандиский. — Разработали план кампании? Сговорились, как перехитрить бедных зверей?

— Да, — сказал я. — А как ваш грузовик?

— Грузовик отслужил свое, — ответил австриец. — И знаете, я даже рад этому. Слишком многое с ним связано. Грузовик — это все, что осталось от моей «шамбы». Теперь у меня ничего нет, и жить стало куда проще.

— Что значит «шамба»? — спросила моя жена. — Уж сколько времени я слышу это слово. Но почему-то стесняюсь спрашивать, что означают всякие местные слова.

— Шамба — это плантация, — пояснил Кандиский. — От моей ничего не осталось, кроме грузовика. На нем я последнее время возил рабочих на шамбу одного индийца. Это очень богатый индеец, он выращивает сизаль. Я служу у него управляющим. Индийцы, знаете ли, умеют извлекать прибыль из сизалевых плантаций.

— Давайте выпьем по стаканчику, — предложил я.

— Я не пью, — ответил Кандиский. — Пойду принесу из машины свежее масло к завтраку. Оно только что из Кандоа, не посоленное. Превосходное масло... А вечером я угощу вас на десерт одним венским блюдом. Мой повар отлично его готовит.

В то время как мы, сидя под зеленым тентом в тени развесистого дерева и наслаждаясь прохладным ветром, уплетали свежее масло, отбивные из газельего мяса с картофельным пюре, зеленую кукурузу и консервированные фрукты, Кандиский объяснял нам, почему здесь столько переселенцев из Восточной Индии.

— Видите ли, во время войны сюда были переброшены индийские войска. Из Индии их пришлось удалить, так как власти боялись нового мятежа. Ага-Хану * было обещано, что, поскольку индийцы воевали в Африке, они получат право свободно селиться здесь и приезжать по делам. Нарушить обещание уже нельзя, и теперь индийцы почти начисто вытеснили отсюда европейцев. Они здесь денег не тратят и все отсылают в Индию. Сколотят капиталец и возвращаются на родину, а вместо них приезжают их бедные родственники, чтобы продолжать эксплуатацию страны.

Старик слушал молча. Он никогда не позволял себе за столом вступать в спор с гостем.

* Ага-Хан — титул главы влиятельной мусульманской секты исмаилитов в Индии. Здесь речь идет об Ага-Хане Султане-Мухаммеде, поддерживавшем англичан.

— Это все Ага-Хан,— продолжал Кандиский.— Вы американец. Вы представления не имеете обо всех этих махинациях.

— Вы воевали под начальством фон Леттова *? — спросил Старик.

— С самого начала и до конца.

— Он был храбрый воин,— заметил Старик.— Я преклоняюсь перед ним.

— Вы тоже воевали? — спросил Кандиский.

— Да.

— Ну, а я невысокого мнения о фон Леттове,— сказал Кандиский.— Да, он сражался и сражался лучше других. Когда мы нуждались в хинине, он приказывал отбить медикаменты у противника. Провиант и снаряжение добывал так же. Но потом он перестал заботиться о солдатах. После войны я попал в Германию: ездил туда хлопотать о возмещении убытков. «Вы австриец,— сказали мне.— Обратитесь к австрийским властям». Я поехал в Австрию. «Зачем же вы воевали? — спросили меня там.— Мы не можем нести за это ответственность. А если завтра вам вздумается поехать на войну в Китай? Это ваше личное дело. Мы ничем не можем вам помочь».

«Но ведь я пошел на войну из патриотизма,— возражал я с дурацким упорством.— Я воевал, где было возможно, потому что я австриец и знаю свой долг». «Ну что ж,— ответили мне.— Это похвально. Но мы не можем оплачивать ваши благородные порывы». Меня долго посылали от одного к другому, но я так ничего и не добился. Все же я очень люблю Африку: я здесь все потерял, но у меня есть то, чего нет ни у кого в Европе. Мне здесь все интересно! Туземцы, их язык... У меня много тетрадей с записями. И, кроме того, я чувствую себя здесь настоящим королем. Это очень приятно. Просыпаясь утром, протягиваю ногу, и «бой» надевает на нее носок. Потом протягиваю вторую ногу, и он надевает второй носок. Я вылезаю из-под москитной сетки, и мне тут же подадут штаны. Разве это не роскошная жизнь?

— Да, конечно.

— Когда вы приедете сюда снова, мы станем путешествовать и изучать жизнь туземцев. И совсем не будем охотиться, разве только для пропитания. Глядите, я покажу вам один местный танец и спою песню.

Пригнувшись, то вскидывая, то опуская локти и согнув колени, он, напевая, засеменял вокруг стола. Получилось в самом деле очень мило.

— Это лишь один танец из тысячи. Ну а теперь я пойду. Вам надо поспать.

* Пауль фон Леттов-Форбек — немецкий генерал, командовавший во время первой мировой войны германскими войсками в Восточной Африке.

— Это не к спеху. Посидите.

— Нет. Ложитесь спать. Я тоже прилягу. Масло я возьму, чтобы оно не растаяло от жары.

— Увидимся за ужином,— сказал Старик.

— А теперь спите. До свидания.

Когда он ушел, Старик сказал:

— Я не верю тому, что он наболтал тут про Ага-Хана.

— Однако это похоже на правду.

— Конечно, он обижен. Ничего нет удивительного. Фон Леттов был дьявол, а не человек.

— Он очень умен, этот австриец,— сказала моя жена,— и так хорошо говорит о туземцах. А вот об американских женщинах он очень плохого мнения.

— Я тоже,— отозвался Старик.— В общем этот парень молодчина... А вам, пожалуй, не мешает вздремнуть. Ведь выезжать придется около половины четвертого.

— Да. Велите разбудить меня.

Моло поднял заднюю полу палатки, подпер ее палками, чтобы было больше воздуха, и я улегся с книгой. Свежий ветерок врывается внутрь под нагретую парусину.

Когда я проснулся, пора было ехать. По небу плыли темные тучи, и было очень жарко. Проводники упаковали в ящик из-под виски жестянки с консервированными фруктами, пятифунтовый кусок жареного мяса, хлеб, чай, небольшой чайник, несколько банок сгущенного молока и четыре бутылки пива. Кроме того, они прихватили брезентовый мешок с водой и подстилку, которая должна была заменить нам тент. М'Кола положил в машину двустволку.

— Не спешите возвращаться,— сказал Старик.— Мы будем терпеливо ждать.

— Хорошо.

— Наш грузовик доставит этого славного малого в Хандени. А своих людей он отправит вперед пешком.

— Вы уверены, что машина не сдаст? Надеюсь, вы делаете это не только потому, что Кандиский — мой знакомый?

— Надо же помочь ему выбраться. Грузовик вернется сегодня же вечером.

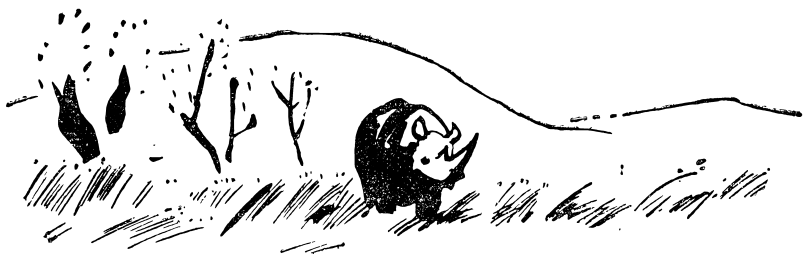
— А Мемсаиб все еще спит,— сказал я.— Может быть, она захочет прогуляться и пострелять цесарок?

— Я здесь,— отозвалась моя жена.— Не беспокойся о нас. Ох, как мне хочется, чтобы охота сегодня была удачна!

— До послезавтра не высылайте людей на дорогу искать нас,— сказал я.— Если найдем подходящее место, мы задержимся.

— Ну, счастливого пути!

— Счастливо оставаться, дорогая. До свидания, мистер Джексон.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мы покинули свой тенистый лагерь и по дороге, которая змеилась, точно песчаная река, двинулись вслед за вечерним солнцем на запад мимо густой чащи кустарника, подступавшей к самой обочине, мимо невысоких бугров, то и дело обгоняя группы людей, шедших на запад. Одни, совершенно голые, если не считать тряпки, завязанной на плече, несли луки и колчаны со стрелами. Другие были вооружены копьями. Те, кто побогаче, прикрывались от солнца зонтиками, а белая ткань, служившая им одеждой, ниспадала широкими складками; женщины брели следом, нагруженные горшками и сковородками. Впереди словно плыли в воздухе тюки и связки шкур на головах туземцев. Все эти люди бежали от голода.

Я выставил ноги из кабины, подальше от нагретого мотора, глубже надвинул шляпу, заслонив глаза от яркого солнца, и глядел из-под ее полей на дорогу, на путников, внимательно следил за просветами в кустарнике, чтобы не прозевать какого-нибудь зверя, а машина тем временем шла все дальше на запад.

В одном месте кустарник был выломан, и мы увидели на полянке трех небольших самок куду. Серые, брюхастые, с маленькими головами на высоких шеях и длинными ушами, они стремглав кинулись прочь и скрылись в чаще. Мы вылезли из машины и осмотрели все вокруг, но следов самца найти не удалось.

Чуть подальше стоя быстроногих цесарок пересекла дорогу, они бежали, как рысаки, высоко вскинув неподвижные головы. Когда я выскочил из машины и кинулся за ними, они

взмыли в воздух, плотно прижав ноги к грузным телам, хлопая короткими крыльями, и с громкими криками полетели к лесу. Я выстрелил раз-другой, и две птицы тяжело плюхнулись на землю. Они еще отчаянно трепыхались, но тут подоспел Абдулла и по мусульманскому обычаю отрезал им головы, чтобы мясо можно было есть правоверным. Он положил цесарок в машину, где сидел М'Кола, смеясь благодушным старческим смехом надо мной и над глупостью всех, кто стреляет птиц; так он смеялся всякий раз при моих постыдных промахах, которые очень его потешали. Хотя сегодня я не промахнулся, он все же и тут нашел повод для шуток и веселья, как и тогда, когда мы убивали гиену. М'Кола смеялся всякий раз, видя как падает убитая птица, а уж если я промазывал, он просто надрывался от смеха и отчаянно тряс головой.

— Спросите у него, какого черта он гогочет? — сказал я однажды Старика. — Что ему смешно?

— Бвана, — ответил М'Кола и затряс головой. — И птички.

— Это вы кажетесь ему смешным, — объяснил Старик.

— Ну, ладно, пусть я смешон. Однако он меня порядком злит.

— Вы кажетесь ему очень смешным, — повторил Старик. — А вот я и Мемсаиб никогда не стали бы над вами смеяться.

— Стреляйте теперь сами.

— Ну нет, ведь ты признанный истребитель птиц. Ты же сам себя им признал, — сказала Мемсаиб.

Так моя охота на птиц стала у нас поводом для шуток. Если выстрел был меткий, М'Кола насмеялся над птицами, тряс головой, хохотал и руками показывал, как птица перевернулась в воздухе. Но стоило мне промахнуться, как мишенью его насмешек становился уже я. М'Кола ничего не говорил, только смотрел на меня и корчился от смеха.

Лишь гиены казались ему забавнее.

Очень смешила его гиена, когда она среди бела дня бежала по равнине вприпрыжку, бесстыдно волоча набитое брюхо, а если ей всаживали пулю в зад, делала отчаянный скачок и летела вверх тормашками. М'Кола хохотал, когда гиена останавливалась вдалеке, около соленого озера, чтобы оглянуться назад, и, раненная в грудь, валилась на спину, вверх набитым брюхом и всеми четырьмя лапами. А сколько смеха вызывал этот отвратительный остромордый зверь, выскакивая из высокой травы в десяти шагах от нас! Гремел выстрел, и гиена начинала вертеться на месте и бить хвостом, пока не испускала дух.

М'Кола забавлялся, глядя, как гиену убивали почти в упор. Ему доставляли удовольствие веселое щелканье пули и тревожное удивление, с которым гиена вдруг ощущала смерть внутри себя. Еще занятнее было, когда в нее стреляли издали, и она, словно обезумев, начинала кружиться на месте в зной-

ном мареве, висевшем над равниной, кружиться с молниеносной быстротой, означавшей, что маленькая, никелированная смерть пропикла в нее. Но самая замечательная потеха для М'Кола — при этом он начинал махать руками, тряс головой, хохотал и отворачивался, словно стыдясь за подстреленного зверя, — истинный разгар веселья начинался, когда настоящая, классическая гиена, раненная на бегу в заднюю часть туловища, начинала бешено кружиться, кусая и терзая собственное тело до тех пор, пока у нее не вываливались внутренности, а тогда она останавливалась и жадно пожирала их.

— Физи, — говорил в таких случаях М'Кола и тряс головой, насмешливо сокрушаясь по поводу того, что на свете существуют такие мерзкие твари. Физи, гиена, двуполоая самоубийца, пожирательница трупов, гроза маток с телятами, хищница, перегрызающая поджилки, всегда готовая вцепиться в лицо спящему человеку, с тоскливым воем неотступно следует за путниками, вонючая, противная, с отвислым брюхом и крепкими челюстями, легко перекусывает кости, которые не по зубам и льву, рыщет по бурной равнине, то и дело оборачивая назад свою наглую морду дворняжки. Подстреленная из маленького манлихера, она начинает крутиться на месте — жуткое зрелище! «Физи, — смеялся М'Кола, стыдясь за гиену, и тряс своей черной лысой головой. — Физи. Сама себя жрет. Физи».

Гиена вызывала у него злорадные, а птицы — безобидные шутки. Мое виски тоже давало повод для шуток. В этом М'Кола был неистощим. О некоторых его выходках я расскажу позднее. Магометанство и все прочие религии также были предметом веселых насмешек. Чаро, мой второй ружье-носец, был серьезный и очень набожный человек. Весь Рамадан он не позволял себе до заката даже собственную слюну глотать, и когда солнце начинало клониться к горизонту, напряженно глядел на запад. Он носил при себе бутылку с чаем, то и дело трогал ее пальцами и поглядывал на солнце, а М'Кола исподтишка наблюдал за ним, притворяясь, будто смотрит в сторону. Тут уж смех приходилось сдерживать: то было нечто такое, над чем нельзя смеяться открыто, и М'Кола в сознании своего превосходства только удивлялся человеческой глупости. Магометанство здесь в моде, и те наши проводники, которые принадлежали к высшим сословиям, все были магометанами. Это считалось признаком знатности, давало веру в могущественного бога и ставило человека выше других, а ради этого стоило раз в год поголодать немного и мириться с некоторыми запретами в отношении еды. Я это понимал, а М'Кола не понимал и не одобрял. Он наблюдал за Чаро с тем безразличным выражением, которое появлялось на его лице всякий раз, когда дело

касалось вещей, ему чуждых. Чаро умирал от жажды, но, преисполненный благочестия, терпеливо ждал, а солнце заходило ужасно медленно. Как-то я взглянул на красный шар, висевший над деревьями, подтолкнул Чаро локтем, и он улыбнулся в ответ. М'Кола торжественно протянул мне флягу с водой. Я отрицательно покачал головой, а Чаро снова улыбнулся. М'Кола сохранял безразличие. Наконец, солнце село, и Чаро с жадностью припал к бутылке, его кадык заходил вверх и вниз. М'Кола поглядел на него и отвернулся.

Раньше, до того как мы подружились, М'Кола совершенно не доверял мне. Что бы ни произошло, он замыкался в своем безразличии. В то время Чаро нравился мне куда больше. Мы понимали друг друга, когда речь шла о религии; Чаро восхищался моей меткой стрельбой, всегда жал мне руку и улыбался, когда мне удавалось застрелить какую-нибудь редкую дичь. Это тешило мое самолюбие и было очень приятно. М'Кола же считал мои первые успехи случайными. Мы еще не добыли тогда ничего стоящего, и М'Кола, собственно говоря, не был моим ружьеносцем. Он был ружьеносцем мистера Джексона Филипса, а со мной охотился временно. Я его совершенно не интересовал. Он относился ко мне с полнейшим равнодушием, а к Карлу — с вежливым презрением. По-настоящему он любил только «Маму», мою жену.

В тот вечер, когда был убит первый лев, мы возвращались в полной темноте. Охота получилась не очень удачная, так как произошла путаница. Мы условились заранее, что первый выстрел сделает Мама. Но поскольку все мы охотились на льва впервые, а время было позднее, слишком позднее для такой охоты, то после первого попадания каждый имел право стрелять сколько угодно. Это было разумно: солнце уже садилось, и если бы раненый лев ушел в чащу, дело не обошлось бы без хлопот. Помню, каким желтым, большеголовым и огромным показался мне лев рядом с низкорослым деревцем, похожим на садовый куст, и когда Мама, вскинув ружье, опустилась на одно колено, я с трудом удержался, чтобы не посоветовать ей сесть и прицелиться получше. Затем раздался короткий выстрел из манлихера, и зверь побежал влево легко и неслышно, как огромная кошка. Я выстрелил из спрингфилда, зверь упал, завертелся, я снова выстрелил — слишком поспешно — и пуля подняла около него облачко пыли. Теперь лев лежал, распростершись на брюхе; солнце едва успело коснуться макушек деревьев и вокруг зеленела трава, когда мы приблизились, точно карательный отряд, с ружьями наготове, не зная, убит лев или только оглушен. Подойдя совсем близко, М'Кола швырнул в него камнем. Камень угодил льву в бок, и по тому, как он ударился о неподвижную тушу, можно было заключить, что хищник мертв. Я был уверен, что Мама не промахнулась, но

обнаружил только одно пулевое отверстие в задней части туловища, под самым позвоночником; пуля прошла почти на вылет и застряла в груди. Кусочек свинца нетрудно было нащупать под шкурой, и М'Кола, сделав надрез, извлек его. Это была четырнадцатиграммовая пуля от моего спринг-филда, она-то и поразила зверя, пробив легкие и сердце.

Я был так удивлен тем, что лев просто-напросто свалился мертвым от выстрела, тогда как мы ожидали нападения, геройской борьбы и трагической развязки, что чувствовал скорее разочарование, чем радость. Это был наш первый лев, мы не имели никакого опыта и ожидали совсем иного. Чаро и М'Кола пожали руку Маме, а затем Чаро подошел и мне тоже пожал руку.

— Хороший выстрел, Бвана,— сказал он на суахили.— Пига м'зури.

— Вы не стреляли, Карл? — спросил я.

— Нет. Вы опередили меня.

— А вы, Старик?

— Тоже нет. Вы бы услышали.— Он открыл затвор и вынул два патрона сорок пятого калибра.

— Я, конечно, промахнулась,— сказала Мама.

— А я был уверен, что это ты застрелила его. Да и сейчас так думаю,— возразил я.

— Мама попала в него,— сказал М'Кола.

— А куда именно? — спросил Чаро.

— Попала,— твердил свое М'Кола.— Попала.

— Нет, это вы уложили его,— сказал мне Старик.— Ей-богу, он свалился, как кролик.

— Мне просто не верится.

— Мама пига,— сказал М'Кола.— Пига симба.

Когда мы подошли к лагерю и в темноте увидели костер, М'Кола внезапно разразился потоком быстрых певучих слов на языке вакамба, закончив словом «симба». Кто-то в лагере издал короткий ответный крик.

— Мама! — закричал М'Кола. Затем опять последовала длинная певучая фраза. И снова: — Мама! Мама!

Из темноты появились все носильщики, повар, свежевальщик, слуги и старший проводник.

— Мама! — орал М'Кола.— Мама пига симба!

Туземцы приплясывали, отбивая такт ладонями, и горланно выкрикивали что-то,— из глубины их груди вылетали возгласы, похожие на львиный рык, и означали они примерно вот что: «Ай да Мама! Ай да Мама! Ай да Мама!»

Быстроглазый свежевальщик поднял Маму на воздух, великан-повар и слуги подхватили ее, остальные сгрудились вокруг, стараясь хотя бы поддержать ее, и все, приплясывая, обошли вокруг костра и направились к нашей палатке, распевая:

— Ай да Мама! Ха! Ха! Ха! Ай да Мама! Ха! Ха! Ха! — Они исполняли танец и песню о льве, подражая его глухому, одышливому рыку. У палатки они опустили Маму на землю, и каждый застенчиво пожал ей руку, причем проводники говорили «М'узури, Мемсаиб», а М'Кола и носильщики — «М'узури, Мама», с большим чувством произнося последнее слово.

Позже, когда мы сидели на стульях около костра и пили, Старик сказал моей жене:

— Этого льва застрелили вы. М'Кола убьет всякого, кто вздумает утверждать, будто это не так.

— Знаете, у меня такое настроение, словно и вправду его застрелила я, — ответила она. — А случись это на самом деле, я бы возгордилась невероятно. Ну до чего же приятно чувствовать себя победительницей!

— Милая, добрая Мама, — сказал Карл.

— Я уверен, что именно ты застрелила его, — подхватил я.

— О, не будем больше говорить об этом! До чего же мне приятно уже одно то, что все так думают. Вы знаете, дома меня никогда не носили на руках.

— Все американцы плохо воспитаны, — заметил Старик. — Ужасно некультурный народ.

— Мы отвезем вас на острова Ки-Уэст, — сказал Карл. — Бедная добрая Мама.

— Ну, поговорим о чем-нибудь другом, — попросила она. — Я слишком растрогана. Мне следовало бы щедро вознаградить их, не правда ли?

— Они и не думали об этом, — отозвался Старик. — Но, пожалуй, хорошо бы дать им что-нибудь по случаю торжества.

— О, мне хочется дать каждому много денег, — сказала Мама. — Ах, до чего же приятно слыть победительницей.

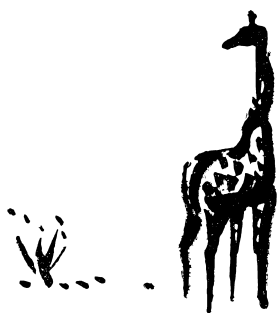
— Милая, добрая Мама, — промолвил я. — Но ты же в самом деле убила льва.

— Неправда, зачем ты меня обманываешь! Предоставь мне просто наслаждаться триумфом.

Да, М'Кола все-таки долгое время не доверял мне. Пока лицензия Мамы не была использована, он всюду следовал за нею, а на нас смотрел как на людей, которые только мешают ей охотиться. Когда же ее лицензия кончилась и она перестала ходить на охоту, его привязанность к ней ослабела. Потом мы начали гоняться за куду, и Старик всякий раз оставался в лагере, посылая Чаро с Карлом, а М'Кола со мной, и потому М'Кола утратил к нему прежнее уважение. Разумеется, лишь на время. М'Кола был ружьеносцем Старика, а чувства его к нам часто менялись и лишь после долгих совместных скитаний могли стать более или менее прочными. Так или иначе, с началом совместной охоты в наших отношениях произошла какая-то перемена.

Ч А С Т Ь В Т О Р А Я

**НАЧАЛО
ОХОТЫ**

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Дело было еще в то время, когда с нами охотился Друпси. Вскоре после того как я, оправившись от болезни, вернулся из Найроби, мы с Друпси пешком пошли в лес охотиться на носорогов. Друпси был настоящий дикарь, красавец с тяжелыми веками, почти совсем прикрывавшими глаза, наделенный своеобразной грацией, прекрасный охотник и непревзойденный следопыт. На вид ему было лет тридцать пять, и вся его одежда состояла из куска ткани, завязанного на плече, да подаренной кем-то фески. Он никогда не расставался с копьём. М'Кола носил старый армейский френч цвета хаки с двумя рядами пуговиц — френч этот был первоначально предназначен для Друпси, но тот долго пропадал где-то и поэтому остался ни с чем. Старик дважды привозил Друпси этот подарок, и, наконец, М'Кола сказал: «Отдай его мне».

Френч был ему отдан, и с тех пор М'Кола постоянно носил его. Этот френч, пара коротких штанов, пушистая шерстяная шапочка и вязаный свитер, который он надевал, когда стирал френч, составляли весь гардероб старого охотника до тех пор, пока он не завладел моей непромокаемой курткой. Обут он был в сандалии, вырезанные из старых автомобильных покрышек. Ноги у М'Кола были стройные, красивые, с крепкими лодыжками, как у Бейба Рута *, и помню, велико было мое удивление, когда он снял френч и обнажил дряблое, старческое тело. Оно имело такой же вид, как на фотографиях Джеффриза и Шарки в пожилом возрасте, — уродливые вялые бицепсы и впалая грудь.

— Сколько лет М'Кола? — спросил я у Старика.

* Бейб Рут — известный в свое время американский бейсболист.

— Должно быть, за пятьдесят. У него в туземной резервации взрослые дети.

— А какие у него дети?

— Никудышные бездельники. Он не умеет держать их в руках. Мы пробовали взять одного в носильщики, но он ни к чему не пригоден.

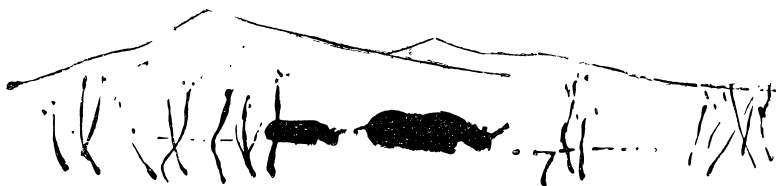
М'Кола не завидовал Друп. Он понимал, что Друп не чета ему: более искусный охотник, ловкий и находчивый следопыт, и за что ни возьмется, все делает мастерски. М'Кола, как и мы, восхищался Друп и никогда не забывал, что получил его френч, что был носильщиком, прежде чем стал ружьеносцем и начал новую жизнь; он считал, что мы с ним охотимся как равные, а Друп командует всем.

То была славная охота. В первый же день мы ушли за четиры мили от лагеря по глубокому следу носорога, который тянулся среди травянистых холмов между деревьями, такой прямой и ровный, словно проложенный по линейке, и глубиной в добрый фут. Когда он затерялся в ложбине между холмами, похожей на сухую оросительную канаву, мы, обливаясь потом, вскарабкались на невысокий, но крутой пригорок, сели там отдохнуть, прислонившись к скату, и стали осматривать местность в бинокль. Красивая зеленая равнина у подножия лесистой горы была усеяна холмами и чрезана руслами нескольких рек, бравших свое начало в лесной чаще на горе. Местами лес спускался к самому подножию, — и где-нибудь там, на опушке, следовало ожидать появления носорога. В стороне от лесистой горы взору открывались речные русла, и цепь отлогих холмов переходила в равнину, поросшую бурой, выжженной солнцем травой, а еще дальше темнела долина Рифт Велли и поблескивало озеро Маньяра.

Мы лежали на холме и зорко следили, не покажется ли носорог. М'Кола расположился пониже, а Друп на противоположном скате присел на корточки и вглядывался в даль. С востока тянул прохладный ветерок и по высокой траве пробегали зеленые волны. По небу плыли белые облака, а высокие деревья на склоне горы росли так тесно и листва у них была такая густая, что, казалось, можно шагать прямо по кронам. За горой было ущелье, а дальше — снова гора, вся синяя от одевавшего ее леса.

До пяти часов все было спокойно. Затем невооруженным глазом я разглядел вдаль какую-то точку, которая двигалась по краю долины к темной полосе леса. В бинокль было уже ясно видно, что это носорог, весь красный в лучах закатного солнца. Он бежал быстро, и в его движениях было что-то, напоминавшее повадки водяного жука. За ним из лесу вышли еще три носорога, темные в тени деревьев, и двое из них возле группы кустов вступили в бой, угрожающе нагнув головы. На таком расстоянии они казались крохотными, и пока

мы разглядывали их в бинокль, стало смеркаться. Мы не успели бы до темноты спуститься с холма, пересечь долину, взобраться по крутому горному склону и подойти к носорогам на выстрел. Поэтому мы осторожно спустились вниз и, нащупав ногами след, шли по этому глубокому следу, который петлял среди темных холмов, до тех пор, пока меж деревьев не блеснул огонь лагерного костра.

Весь вечер мы не могли успокоиться, потому что видели сразу трех носорогов, а рано утром, во время завтрака, явился Друпи и сообщил, что на опушке, менее чем в двух милях от лагеря, пасется стадо буйволов. Мы поспешили туда, еще ощущая во рту вкус кофе и лососины, полные того утреннего возбуждения, от которого сильнее бьется сердце. Туземец, которому Друпи поручил следить за буйволами, указал нам место, где они пересекли глубокий овраг и выбрались на лесную поляну. По его словам, в стаде было больше десятка голов и среди них два крупных самца. Мы бесшумно запагали по звериным тропам, раздвигая лианы; то и дело попадались следы, горки свежего помета, но, хотя мы все дальше углублялись в лес (слишком густой, а потому неудобный для охоты) и сделали большой круг, буйволов нигде не было и в помине. В одном месте мы услышали крики клещеедов, увидели, как они взлетели — и только. В лесу было много носорожьих следов, кучами лежал похожий на солому помет, но нам попадались лишь зеленые лесные голуби да обезьяны. Когда мы выбрались на опушку, до пояса мокрые от росы, солнце стояло уже высоко. День выдался жаркий, ветер еще не поднялся, и мы понимали, что все носороги и буйволы, которые ночью выходили из лесу, теперь забились в глухую чащу и отдыхают в холодке.

Спутники мои возвратились в лагерь, где оставались Старик и М'Кола. Я вспомнил, что у нас кончилось мясо, и решил вдвоем с Друпи обойти окрестность в надежде добыть что-нибудь. Я уже совсем оправился после дизентерии и для меня было наслаждением бродить среди невысоких холмов, просто так бродить, не зная, что попадется на пути, а при случае и поохотиться, добыть мяса. Кроме того, мне нравился Друпи, нравилось смотреть, как он ходит. Он шагал

вразвалку, легко переставляя ноги, а я любовался им, ощущал траву под мягкими подошвами башмаков да приятную тяжесть ружья, которое сжимал за шейку приклада, положив ствол на плечо; я обливался потом под горячим солнцем, быстро высушившим росу на траве, но скоро повеял ветерок. Казалось, мы идем по запущенному саду где-нибудь в Новой Англии. Я знал, что опять могу стрелять метко, и с нетерпением ждал случая показать Друпси свое искусство.

С пригорка мы увидели в какой-нибудь миле от себя двух конгои*, казавшихся желтыми на фоне холма, и я знаком дал понять Друпси, что намерен следовать за ними. По пути в ложине мы спугнули водяных козлов — самца и двух самок. Я знал, что водяной козел — единственная местная дичь, которая не годится в пищу, к тому же в моей коллекции был уже экземпляр получше. Помня об этом и о его несъедобном мясе, я держал козла под прицелом, пока он уносил ноги, да так и не выстрелил.

— Не стреляешь куро? — спросил Друпси на суахили. — Думи сана — хороший зверь!

Я попытался объяснить ему, что уже убил раньше козла получше этого, но его мясо невозможно было есть.

Друпси усмехнулся.

— Пига конгои м'узури.

«Пига» — выразительное словечко. Оно звучит точно так, как команда: «Пали!» или возглас: «Попа!» А слово «м'узури», означающее «хорошо», «здорово», «лучше», долгое время вызывало в моей памяти только название одного из наших штатов и часто во время переходов я составлял мысленно суахильские фразы со словами «Арканзас» и «М'усури». Теперь это слово уже не поражало слух, оно стало для меня привычным, так же как простыми и привычными стали все другие слова этого языка, а вытянутые мочки ушей, племенные шрамы и копья воинов не казались больше странными или безобразными. Напротив, теперь я находил эти племенные шрамы и татуировку естественными и даже красивыми, и сожалел, что у меня их нет. Все мои шрамы никуда не годились: они имели неправильную и расплывчатую форму — ну просто самые обыкновенные рубцы. Один красовался у меня на лбу, и меня до сих пор еще иногда спрашивают, не стукнулся ли я обо что-нибудь головой. А у Друпси были эффектные шрамы на шее и другие, симметричные на груди и животе. Один мой нарост казался мне подходящим, очертаниями напоминая рождественскую елку, но он находился на подошве правой ноги, никому не был виден и только носки мои из-за него протирались особенно быстро... Я как раз об этом размышлял, когда мы спугнули чету болот-

* Конгои — крупная антилопа, распространенная в Восточной Африке.

ных антилоп. Они отбежали шагов на шестьдесят, но остановились под деревьями, и как только стройный, грациозный самец повернулся, я выстрелил и угодил ему в бок чуть ниже лопатки. Он подскочил и пустился наутек.

— Пига.— Дружи улыбнулся. Мы оба слышали, как щелкнула пуля.

— Куфа,— сказал я.— Он убит.

Когда мы подошли к антилопе, лежавшей на боку, сердце ее все еще сильно билось, хотя, судя по всему, она была мертва. Дружи не захватил охотничьего ножа, у меня же был с собой только перочинный ножик. Я нащупал сердце около передней ноги, чувствуя, как оно трепещет под шкурой, всадил туда лезвие, но оно оказалось слишком коротким и

только слегка оттолкнуло сердце. Я ощущал под пальцами горячий и упругий комок, в который уперлось лезвие, повернул нож, ощупью перерезал артерию, и горячая кровь заструилась по моей руке. Затем я начал потрошить антилопу перочинным ножом, все еще стараясь произвести впечатление на Дружи, аккуратно извлек печень и, отделив желчный пузырь, положил печень на траву, а рядом с ней почки.

Дружи попросил у меня нож. Теперь и он захотел показать себя. Он искусно вскрыл и вывернул наизнанку желудок, выбросил из него траву, хорошенько встряхнул, затем положил туда печень и почки и, срезав ножом прутик с дерева, под которым лежала антилопа, скрепил им желудок, так что получился удобный мешочек. Затем вырезал палку, подвесил на нее мешочек и перекинул палку через плечо — точно так же во времена моего детства носили свои пожитки в носовом платке американские бродяги, изображенные на рекламе мозольного пластыря Блю Джей. Это был отличный способ, и я уже предвкушал, как покажу его когда-нибудь Джону Стэйбу в Вайоминге, а он будет улыбаться, как всегда, стесняясь своей глухоты (когда раздавался рев быка, в Джона приходилось швырять камешками, чтобы он остановился), и обязательно скажет: «Ей-богу, Эрнест, это здорово!».

Друпи передал мне палку, скинул кусок материи, заменявшей ему одежду, обвязал им тушу антилопы и взвалил ее себе на спину. Я хотел помочь ему и знаками предложил срезать сук, подвесить на него антилопу и нести тушу вдвоем, но Друпи отказался. Так мы и шли, — я с мешочком из антилопьего желудка на плече и с ружьем за спиной, а Друпи, весь потный, впереди, шатаясь под тяжестью туши. Я уговаривал его подвесить антилопу на дерево и потом прислать за нею носильщиков. Мы положили было тушу в развилину старого дерева, но Друпи, сообразив, что я готов уйти и бросить добычу только из страха, как бы он не надорвался, снова взвалил ношу на плечи, и мы поплелись к лагерю, где туземцы, сидевшие вокруг костра, встретили нас дружным хохотом при виде мешочка, болтавшегося у меня за спиной.

Вот такая охота была мне по душе! Пешеходные прогулки вместо поездок в автомобиле, неровная, труднопроходимая местность вместо гладких равнин — что может быть чудеснее! Я перенес тяжелую болезнь и теперь с наслаждением ощущал, как силы мои восстанавливаются с каждым днем. За время болезни я очень исхудал, изголодался по мясу, а теперь мог есть все без разбору. Каждый день под горячими лучами солнца я обливался потом, теряя таким путем всю жидкость, которую вечером, у костра, выпивал в обществе друзей, а в жаркую дневную пору я лежал с книгой в тени, овеваемый ветерком, радуясь, что не нужно ничего писать и в четыре часа мы снова пойдем на охоту. Я даже писем никому не писал. Единственный человек — не считая детей, — который мне по-настоящему дорог, был здесь со мной, и мне не хотелось делиться впечатлениями этой чудесной жизни с теми, кто был где-то далеко; хотелось просто жить, радоваться, испытывать блаженную усталость. Я гордился меткостью своей стрельбы, верил в себя, и мне было так хорошо и легко — право же, переживать все это самому куда приятнее, чем знать об этом только понаслышке.

В начале четвертого мы тронулись в путь, чтобы к четверем добраться до холма. Но было уже почти пять, когда мы, наконец, увидели первого носорога: неуклюже покачиваясь на своих коротких ногах, он перевалил через гребень холма почти там же, где мы увидели его накануне, и скрылся в лесу неподалеку от того места, где вчера у нас на глазах дрались два носорога. Спустившись с холма, мы пересекли заросшую лощину и двинулись по крутому горному склону к акации с желтыми цветами, служившей нам ориентиром.

Борясь с ветром, я старался идти как можно медленнее, не теряя из виду дерева, и заткнул носовой платок под шляпу, чтобы пот не заливал очки. Я знал, что, быть может, через секунду придется стрелять, и нарочно шел медленно, чтобы не вызвать сердцебиения. На охоте по крупному зверю, если охот-

ник умеет стрелять и видит, куда стрелять, не может быть промаха, разве что стрелок запыхался от бега, либо только что вскарабкался на крутой склон, либо очки его разбились или запотели, а у него не нашлось тряпки или бумаги, чтобы их протереть. Очки вообще доставляли кучу хлопот, и я носил при себе четыре носовых платка, перекладывая их из одного кармана в другой, когда они намокали от пота.

Мы осторожно приблизились к акации с желтыми цветами, словно к выводку перепелок, перед которым собака сделала стойку. Однако носорога там уже не оказалось. Мы обшарили всю опушку, видели множество следов и свежего помета, а носорога не было. Солнце уже садилось, начинало смеркаться, а мы все бродили по лесистому склону в надежде встретить зверя на какой-нибудь прогалине. Когда в темноте стрелять стало почти невозможно, Друпи вдруг остановился и припал к земле. Опустив голову, он рукой указывал куда-то вперед. Мы подползли к нему и увидели двух носорогов, большого и маленького — они стояли по грудь в кустарнике, отделенные от нас небольшой долиной.

— Самка с детенышем, — прошептал Старик. — Стрелять нельзя. Дайте-ка мне разглядеть ее рог. — И он взял у М'Кола бинокль.

— Видит она нас? — спросила Мама.

— Нет.

— Далеко до них?

— Ярдов пятьсот.

— Боже, какая крупная! — сказал я шепотом.

— Да, крупная самка, — подтвердил Старик в радостном возбуждении. — Интересно, куда девался самец? Слишком темно, стрелять можно, только если столкнемся нос к носу.

Носороги, повернувшись к нам задом, мирно ципали траву. Мне кажется, эти животные никогда не ходят медленно. Они либо бегут, либо стоят на месте.

— Отчего они такие красные? — спросила Мама.

— Вывалились в глине, — пояснил Старик. — Надо торопиться, пока еще не совсем стемнело.

Солнце уже село, когда мы выбрались из леса и увидели внизу тот холм, откуда накануне наблюдали за носорогами в бинокль. Вместо того чтобы спуститься, пересечь ложину и выйти к лагерю прежней дорогой, нам неожиданно взбрело в голову пройти лесной опушкой прямо по горному склону. И вот в темноте, придерживаясь намеченного пути, мы двинулись через глубокие предательские ущелья, издали похожие на рощицы, скользили, цеплялись за лианы, спотыкались, карабкались и снова скользили все ниже и ниже, потом опять с невероятными усилиями взбирались по круче, а лес был полон ночных порохов, слышалось рычание леопарда, который охотился на бабуинов; я боялся змей и со страхом

прикасался в темноте к каждому подозрительному корню или ветке.

На четвереньках мы одолели два глубоких ущелья, а затем при свете луны перевалили через длинный и невероятно крутой отрог, на который взбирались, цепляясь за камни, подтягиваясь, цепляясь и снова подтягиваясь, черепашным шагом, смертельно усталые, с трудом неся тяжелые ружья. Наверху мы вздохнули с облегчением. Перед нами расстиралась долина, озаренная лунным светом; потом мы снова шли вниз, вверх и напрямк через невысокие холмы; мы изнемогали от усталости, но впереди уже показались огни, а там, наконец, и лагерь.

И вот я уже сижу у костра, зябко поеживаясь от вечернего холода, и попиваю виски с содовой в ожидании, пока брезентовая ванна наполнится на одну четверть горячей водой.

— Купати, Бвана.

— Черт побери, никогда не смогу больше охотиться на горных баранов,— говорю я.

— А я и раньше не могла,— отзывается жена.— Это вы все меня заставляли.

— Ну, ну, ты лазаешь по горам почище любого из нас!

— Как вы думаете, Старик, сможем мы опять когда-нибудь охотиться на них?

— Не знаю,— отозвался Старик.— Все зависит от обстоятельств.

— Противнее всего езда на этих ужасных машинах.

— Если б мы каждый вечер совершали такой переход, мы незаметно для себя прошли бы весь путь за какие-нибудь трое суток.

— Конечно. Но я не перестану бояться змей, даже если целый год буду каждый вечер совершать такие прогулки.

— Это пройдет со временем.

— Ну, нет. Я боюсь их панически. Помните, что со мной было, когда вы стояли за деревом, а я, не видя вас, наткнулся на вашу руку?

— Еще бы,— ответил Старик.— Вы отскочили на добрых два ярда. Вы действительно так боитесь змей или только притворяетесь?

— Ужасно боюсь. С детства.

— Что это с вами сегодня? — спросила моя жена.— Почему вы не рассуждаете о войне?

— Мы слишком устали. А вы были на войне, Старик?

— Какой из меня вояка,— ответил он.— Куда же запропастился этот парень с нашим виски? — И, дурачась, он позвал тоненьким фальцетом: — Кэйти! Эй, Кэйти-и!

— Купати,— тихо, но настойчиво повторил Моло.

— Я устал.

— Мемсаиб, купати,— произнес Моло с надеждой.

— Сейчас иду,— сказала Мама.— А вы пейте быстрее свое виски. Я проголодалась.

— Купати,— сурово сказал Кэйти Старик.

— Сам купати,— буркнул Старик.— Не приставай!

Кэйти отвернулся, и в свете костра на его лице мелькнула улыбка.

— Ну, ладно, ладно,— сказал Старик.— Хотите выпить? — обратился он ко мне.

— Выпьем по стаканчику,— ответил я,— а потом будем «купати».

— Купати, Бвана М'Кумба,— сказал Моло. Мама подошла к огню в своем голубом халатике и высоких сапогах, защищающих от москитов.

— Что же вы? — сказала она.— Ступайте скорее. После купанья выпьете еще. Здесь отличная, теплая илистая вода.

— Вот пристали с этим купаньем,— пожаловался Старик.

— Помнишь, когда мы охотились на горных баранов, у тебя слетела шляпа и чуть не упала прямо на одного из них? — спросил я у Мама, так как под действием виски вспомнил Вайоминг.

— Ступай-ка лучше в ванну,— ответила она.— А я пока выпью стаканчик.

На другое утро мы встали чуть свет, позавтракали и вышли на охоту. Обшарили опушку и глубокие долины, где Друпи перед восходом солнца видел буйволов, но их уже и след простыл. После долгих поисков мы вернулись в лагерь и решили послать грузовики за носильщиками, а затем пешком двинуться туда, где в русле реки, бравшей начало на горном склоне, рассчитывали найти воду,— это было чуть подальше того места, где произошла накануне наша встреча с носорогами. Неподалеку от горы мы хотели разбить лагерь и оттуда обследовать новые места на краю леса.

Грузовики должны были привезти Карла, который охотился на куду отдельно от нас. Его там, кажется, одолела хандра или отчаяние, или то и другое вместе, и надо было его выручать; на следующий день ему предстояло отправиться в Рифт Велли, чтобы добыть мяса и поохотиться на сернобыка. А если бы мы выследили хорошего носорога, то сразу дали бы ему знать. В пути решено было стрелять только при встрече с носорогами, чтобы не распугать их заранее. А между тем наши мясные запасы подходили к концу. Носороги, видимо, очень пугливы, а я еще в Вайоминге убедился, что все пугливые звери покидают удобные для охоты места — небольшую долину или гряды холмов — после первых же выстрелов. Старик посоветовался с Друпи, мы разработали план действий и отправили Дэна на грузовиках вербовать носильщиков.

К вечеру грузовики привезли Карла, все его снаряжение и сорок мбулусов, красивых туземцев, во главе с их спесивым

вождем — единственным обладателем пары коротких штанов. Карл осунулся, побледнел, в глазах появилось усталое выражение, почти отчаяние. Он провел на охоте восемь дней, упорно выслеживая антилоп в холмах, лишенный возможности перекинуться с кем-либо хоть словом по-английски, и за все время видел только двух самок куду да спугнул одного самца, не успев подойти к нему на выстрел. Проводники уверяли, что видели и второго самца, но Карл решил, что это конгоны, или вообразил, будто они сказали ему, что это конгоны, и не выстрелил. Он был очень раздражен, сердился на своих помощников, — словом охота была неудачна.

— Я не видел у него рогов. Не верю, что это был самец, — твердил Карл. Охота на куду была теперь его больным местом, и мы поспешили переменить тему.

— Там в долине он убьет сернобыка и успокоится, — решил Старик. — Неудача расстроила ему нервы.

Карл одобрил план, по которому мы должны были перейти на новое место, а он — отправиться на добычу мяса.

— Будь по-вашему, — сказал он. — Я на все согласен.

— Он постреляет немного и воспрянет духом, — промолвил Старик.

— Мы убьем носорога. А потом — вы. Тот, кто убьет первого, может отправиться на равнину за сернобыком. А быть может, сернобык попадется вам завтра же, когда пойдете добывать мясо.

— Будь по-вашему, — повторил Карл. Он с горечью думал о тех восьми днях, когда карабкался по холмам под палящим солнцем, выходил на охоту чуть свет, возвращался вечером, преследовал зверей, чье суахильское название ему никак не удавалось запомнить, пользовался услугами следопытов, которым не доверял, обедал в одиночестве, не имея с кем слова сказать, тосковал о жене, от которой его отделяло девять тысяч миль и три месяца разлуки, и думал, думал без конца: как там его собака и как там на службе, и будь они все неладны, эти звери, куда они попрятались, и неужели он промахнулся, когда стрелял, нет, не может этого быть, в ответственный момент невозможно промахнуться, просто невозможно, в это он свято верил... ну а вдруг он от волнения все-таки промахнулся? И писем все нет и нет... Но проводник ведь сказал тогда, что это конгоны, ну, конечно, все они так сказали, он точно помнит. Однако в разговоре с нами Карл ни словом не обмолвился насчет этого, а сказал только «Будь по-вашему» довольно безнадежным тоном.

— Эй, дружище, не унывайте!

— Я и не унываю. С чего вы это взяли?

— Выпейте виски.

— Не хочу виски. Хочу антилопу.

Позже Старик заметил:

— А я-то думал, что он вполне справится сам, если никто не будет подгонять и тормозить его. Ну, да все наладится. Он молодчина.

— Нужно, чтобы кто-нибудь точно указывал ему, что делать, но не раздражал его,— сказал я.— Для него самое мучительное — стрелять на глазах у других. Он человек скромный, не то что я.

— Он уложил леопарда прекрасным выстрелом,— заметил Старик.

— Двумя,— поправил я.— И второй был не хуже первого. Черт возьми, он отличный стрелок. Любому из нас даст сто очков вперед. Но он нервничает, а я все время подгоняю его и только еще больше расстраиваю.

— Да, иногда вы слишком к нему суровы,— заметил Старик.

— Но ведь он же меня знает. И знает, как я к нему отношусь. Он не обижается.

— И все же, по-моему, из него выйдет толк,— сказал Старик.— Главное — надеяться на себя. Ведь глаз у него верный.

— Еще бы, он убил лучшего буйвола, лучшего водяного козла и лучшего льва,— отозвался я.— Ему грех жаловаться.

— Лучшего льва убила Мемсаиб. Тут не может быть двух мнений.

— Рад это слышать. Но и Карл убил великолепного льва и крупного леопарда. Вся его добыча самого высшего качества. Впереди еще масса времени. Ему нечего огорчаться. Чего же он ходит как в воду опущенный?

— Давайте выйдем завтра спозаранку, чтобы добраться до места, прежде чем станет слишком жарко для маленькой Мемсаиб.

— Она бодрее всех нас.

— Она прелесть. Ходит за нами, как маленький терьер.

Днем мы с холмов долго обозревали местность в бинокль, но не увидели ничего интересного. После ужина все сидели в палатке. Мама была возмущена, что ее сравнили с терьером. Если уж походить на собаку — что ей вовсе не улыбалось,— она предпочла бы поджарую, длинноногую овчарку, породистую и красивую. Мужество Мама было так естественно, в нем было столько непосредственности, что она даже не думала об опасности; кроме того, от опасностей нас оберегал Старик, а к нему она питала безграничное доверие и откровенно обожала его. Старик был для нее идеалом мужчины — храбрый, великодушный, умный и не лишенный чувства юмора, чуткий и терпимый, он никогда не выходил из себя, не хвастал, не жаловался — разве что в шутку,— любил выпить лишнего, как и положено пастоящему мужчине, и, по ее мнению, был очень красив.

.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Наутро мы вновь зашагали впереди носильщиков вверх и вниз по холмам, по глубокой лесистой долине, потом вверх и вниз по длинному склону, поросшему высокой, мешавшей идти травой, — все вперед, то вверх, то вниз, иногда отдыхая в тени деревьев и снова шагая под палящим солнцем, с трудом продираясь сквозь густую траву. Обливаясь потом, мы все пятеро шли гуськом: Друпи и М'Кола с тяжелыми ружьями, обвешанные сумками, флягами и фотоаппаратами, Старик и я — тоже с ружьями, а позади всех шествовала Мемсаиб, копируя походку Друпи, сдвинув набекрень шляпу, очень довольная прогулкой, радуясь, что башмаки сегодня совсем не жмут. Так мы шли до тех пор, пока не добрались, наконец, до целой рощи акаций над ущельем, тянувшимся от гряды холмов к ручью; здесь, прислонив ружья к деревьям, мы улеглись в густой тени. Мемсаиб достала из сумки книги, и пока они со Стариком читали, я побрел вниз по ущелью, к ручейку, бежавшему со склона горы, где обнаружил свежие львиные следы и множество ходов, проложенных носорогами в буйной траве, которая была здесь выше человеческого роста. Изнемогая от жары, я поднялся назад по песчаному дну ущелья и уселся под тенистым деревом с книгой — я читал «Севастопольские рассказы» Льва Толстого.

По небу бежали белые облака, гонимые ветром, и, глядя на них сквозь ветви, я в эту минуту так горячо любил Африку, что чувствовал себя счастливым, как после встречи с любимой женщиной, когда, опустошенный, чувствуешь, что сейчас снова нахлынет счастье, — и вот оно уже захлестывает сердце, и хотя ты никогда не сможешь владеть им вполне, но то, что ты имеешь

сейчас, у тебя нельзя отнять, и ты жаждешь все большего и большего, жаждешь обладать и жить, жить только этим всегда — ах, это «всегда», которое кажется столь долгим, а кончается так скоро и внезапно! Время останавливается, покорное тебе, порой оно совсем замирает, и тогда ты уже ждешь, чтобы оно снова начало свой бег, а оно все медлит. Но ты не одинок: ведь если ты когда-нибудь любил женщину настоящей, счастливой и светлой любовью, она тоже будет любить тебя всегда; куда бы она ни ушла от тебя, кого бы ни полюбила — все равно тебя она любит сильнее. И если ты когда-нибудь так любил женщину или страну, ты счастливiec, и то, что ты потом умрешь, уже не имеет значения.

Очутившись в Африке, я жаждал узнавать ее все больше и больше, и мне все было интересно — смена времен года, дожди, когда можно оставаться на месте, неудобства, которыми расплачиваешься за подлинное знакомство со страной, названия деревьев, зверей и птиц, даже самых мелких: я хотел изучить язык и неторопливо бродить повсюду, имея довольно времени, чтобы вникнуть во все. Я люблю природу — ведь она лучше людей. Круг близких мне людей всегда бывал очень узок.

Жена моя спала. На нее, спящую, было приятно смотреть — она свернулась клубком, как зверек, и в ее спокойном сне не было и следа той безжизненной неподвижности, которую я замечал у спящего Карла. Старик тоже спал спокойно, но я чувствовал, что душе его тесно в теле. Тело словно уже не было ему в пору. С годами оно изменилось, приобрело новые формы — местами раздалось вширь, утратив прежние линии, местами обрюзгло, под глазами появились мешки, но душой он остался молодым, стройным, статным и крепким, как в те дни, когда близ Вами преследовал львов. И теперь, спящий, он представлялся мне таким, каким Мама видела его всегда. М'Кола и во сне оставался обыкновенным стариком, человеком без прошлого и без загадок. Друпн не спал. Он сидел на корточках и высматривал наших носильщиков.

Мы увидели их издалека. Сначала над высокой травой показались ящики, затем вереница голов, потом носильщики спустились в ложину, и уже только кончик копья кое-где поблескивал на солнце, затем они поднялись на плоскогорье, и я увидел приближавшуюся цепочку людей. Они забрали было слишком влево, но Друпн помахал им рукой. Когда они подошли и стали разбивать лагерь, Старик предупредил их, что шуметь нельзя; мы удобно расположились под тентом и беседовали в ожидании обеда. Потом пошли на охоту, но вернулись ни с чем. Наутро отправились снова, но не встретили ни одного зверя, вечером — тот же результат. Это были увлекательные, но бесплодные прогулки. Ветер упорно дул с востока, а местность пересекали короткие гряды холмов, подступавшие к самому лесу, и стоило перевалить через них, как ветер донес

бы до животных наш запах, и они были бы предупреждены об опасности. Заходившее солнце слепило глаза, а когда оно, наконец, садилось за холмами на западе, все окутывала густая непроглядная тень в тот час, когда носороги обычно выходят из леса: таким образом, вся полоса к западу от лагеря бывала по вечерам потеряна для охоты, а в других местах ничего не попадалось. Носильщики, посланные к Карлу, вернулись обратно с мясом — они притащили разрубленные на части пыльные туши газелей и антилоп-гну. Солнце высушило мясо, и носильщики радовались, ползали вокруг костров и поджаривали его на прутьях. Старик недоумевал, куда запропастились носороги. С каждым днем они попадались все реже, и мы

гадали, в чем дело: то ли в полнолуние они пасутся по ночам и возвращаются в лес до рассвета, то ли почуяли нас или услышали шум, или просто они так пугливы и прячутся в глубине леса. Я строил различные догадки, а Старик критиковал их с присущим ему остроумием, иногда выслушивая их лишь из вежливости, иногда же с интересом — как, например, догадку насчет полнолуния.

Мы легли спать рано, ночью прошел дождь, вернее, не дождь, а короткий ливень с гор, а наутро мы встали до рассвета, перевалили через высокую гряду над нашим лагерем, спустились в долину реки и взобрались на крутой противоположный берег, откуда видны были все холмы и опушка леса. Над нашими головами пролетело несколько диких гусей, но еще не настолько рассвело, чтобы можно было ясно видеть опушку в бинокль. В разных местах, на вершинах трех холмов, сидели наши дозорные, и мы ждали, пока рассеется мгла и станут видны их сигналы.

Вдруг Старик воскликнул: «Поглядите-ка на этого шельмеца!» — и велел М'Кола подать ружья. М'Кола запрыгал по склону, а мы увидели на другом берегу ручья, прямо против нас, носорога, бежавшего рысью. Вот он ускорил бег и, срезая угол, повернул к воде. Он был бурый, с хорошо развитым рогом,

и в его стремительных точных движениях не было ничего тяжеловесного. Я задрожал от волнения.

— Он перейдет ручей,— сказал Старик.— Вот будет отличная мишень!..

М'Кола сунул мне в руки спрингфилд, и я открыл затвор, чтобы убедиться, что ружье заряжено пулями. Носорог уже скрылся из виду, но путь его легко было угадать по колыханию высокой травы.

— Сколько до него, как по-вашему?

— Каких-нибудь три сотни ярдов.

— Вот сейчас я этого подлеца разделаю под орех!

Пристально всматриваясь, я усилием воли подавил возбуждение, словно закрыл какой-то клапан, чтобы прийти в то бесстрастное состояние, которое необходимо при стрельбе.

Вот он снова появился, ступил на усеянное галькой дно неглубокого ручья. Думая только о том, что передо мной верная добыча, я прицелился, навел мушку чуть впереди носорога и спустил курок. Я слышал цоканье пули и видел, как носорог пошатнулся. С оглушительным фырканием он рванулся вперед, разбрызгивая воду.

Я выстрелил еще раз и поднял небольшой фонтанчик позади него, потом еще, когда он выходил на траву,— видимо, опять мимо.

— Пига,— сказал М'Кола.— Пига!

Друпи был того же мнения.

— Вы попали в него? — осведомился Старик.

— А как же! — ответил я.— Мне кажется, он не уйдет.

Друпи уже бежал за носорогом, а я перезарядил ружье и кинулся вслед за ним. Половина обитателей нашего лагеря мчалась по холмам, крича и размахивая руками. Носорог пробежал прямо под ними и пустился вдоль реки, туда, где лес подступал к самой долине.

Подожли Старик и Мама. Старик держал в руках свою двустволку, а М'Кола — мой карабин.

— Друпи найдет след,— сказал Старик.— М'Кола клянется, что вы ранили этого носорога.

— Пига! — подтвердил М'Кола.

— Он пыхтел как паровик,— сказала Мама.— А как он был великоленен, когда бежал!

— Он спешил домой с молоком для своих детишек,— сострил Старик.— Вы уверены, что не промахнулись? Он был чертовски далеко.

— Совершенно уверен. Он ранен насмерть.

— Лучше помалкивайте об этом — вам все равно не повесят... Глядите! Друпи нашел следы крови.

Внизу, под нами, Друпи сорвал какую-то травинку, затем быстро пошел по кровавому следу.

— Пига,— сказал М'Кола.— М'узури!

— Мы пойдем поверху, оттуда будет видно, если Друпиды собьются со следа, — сказал Старик. — Поглядите-ка на него!

Друпиды сдернул с головы феску и держал ее в руке.

— Другие предосторожности ему ни к чему, — заметил Старик. — Мы преследуем носорога с тяжелыми ружьями, а у Друпиды в руках только его головной убор.

Друпиды шел по следу носорога вместе с одним туземцем, и вдруг оба остановились. Друпиды поднял руку.

— Они слышали его, — сказал Старик. — Скорее!

Мы поспешили вниз. Друпиды пошел нам навстречу и что-то сказал Старика.

— Он здесь, — шепотом пояснил Старик. — Они слышат крики клещеедов. Один из туземцев говорит, что слышал также и «фаро». Мы пойдем с подветренной стороны. Вы с Друпидой ступайте вперед, а Мемсаиб пусть идет за мной. Возьмите двустволку. Вот так.

Носорог укрылся в высокой траве, где-то за кустарником. Приближаясь, мы услышали низкий и протяжный звук, похожий на стон. Друпиды глянул на меня через плечо и усмехнулся. Звук повторился — на этот раз носорог вздохнул, видимо, захлебываясь кровью. Друпиды смеялся. «Фаро», — прошептал он и приложил ладонь к щеке, желая показать, что зверь «заснул». Затем мы увидели, как стайка остроклювых птичек — клещеедов — снялась с места и улетела. Теперь мы точно знали, где носорог, и медленно двинулись туда, раздвигая траву, пока не увидели зверя. Он лежал на боку — мертвый.

— На всякий случай не мешает пальнуть в него еще разок, — сказал Старик. М'Кола подал мне спрингфилд. Я заметил, что курок взведен, бросил уничтожающий взгляд на М'Кола, стал на колено и выстрелил носорогу в шею. Зверь не шелохнулся. Друпиды пожал мне руку. М'Кола последовал его примеру.

— Вообразите, он взвел курок, — сказал я Старика.

Мысль о том, что М'Кола нес за моей спиной ружье со взведенным курком, приводила меня в ярость.

А М'Кола это несколько не смущало. Он радовался, поглаживал рог убитого животного, меряя его растопыренными пальцами, искал пулевое отверстие.

— Оно на том боку, на котором он лежит, — сказал я.

— Вам падо было видеть, как М'Кола охранял Маму! — сказал Старик. — Для этого он и взвел курок.

— А он разве умеет стрелять?

— Нет. Но все-таки выстрелил бы.

— И продырявил бы мне штаны! Проклятый романтик!

Когда подоспели остальные, мы общими усилиями приподняли носорога, поставили его так, что казалось, будто он стоит на коленях, и срезали вокруг траву, чтобы сделать несколько снимков. Пуля попала под лопатку, чуть позади легких.

— Это был удачный выстрел,— сказал Старик.— На редкость удачный! Но не вздумайте о нем рассказывать.

— Придется вам выдать мне свидетельство.

— Ну, тогда мы оба прослышем лгунами. А странные твари эти носороги, правда?

Вот оно, наконец, длинное, неуклюжее, тяжеловесное существо доисторического вида. Кожа как вулканизированная резина и словно слегка просвечивает, на ней не вполне зажившая рана, которую разбередили птицы, хвост толстый, круглый и заостренный на конце, по всему телу ползают многоногие плоские клещи, уши волосатые, глазки крошечные, как у свиньи, рог у основания порос мхом. М'Кола посмотрел на носорога и только головой покачал. Я его понял: в самом деле, замечательный экземпляр!

— Как вам нравится рог?

— Недурен,— ответил Старик.— Но ничего особенного. А вот выстрел ваш — это действительно чудо из чудес.

— М'Кола очень доволен носорогом,— сказал я.

— Ты и сам доволен не меньше,— заметила Мама.

— Да, я просто без ума от него. Но лучше не заводите разговора об этом, а то меня не остановить. Не все ли вам равно, что я думаю? Я могу поразмыслить об этом как-нибудь ночью, когда вы будете спать.

— К тому же вы отличный следопыт и здорово бьете птиц влет,— сказал Старик.— Ну, а еще что?

— Отстаньте! Я сказал это только один раз, когда был пьян.

— Слышите — один раз! Да разве он не повторяет этого каждый вечер? — воскликнула моя жена.

— Честное слово, я и в самом деле бью птиц влет.

— Поразительно,— сказал Старик.— Никогда бы не подумал. А еще что вы умеете?

— Идите к черту!

— Лучше не говорить ему, что это был за выстрел, а то он станет просто невыносим,— сказал Старик Маме.

— Мы с М'Кола сами это знаем,— возразил я.

М'Кола подошел к нам.

— М'узури, Бвана,— сказал он.— М'узури Сана.

— Он думает, что это не случайно,— пояснил Старик.

— Не разубеждайте его.

— Пига М'узури,— продолжал М'Кола.— М'узури.

— Кажется, вы с ним сходитесь во мнениях,— заметил Старик.

— Мы с ним друзья.

— Видно, что друзья.

На обратном пути к лагерю я из любви к искусству застрелил болотную антилопу с двухсот шагов, перебив ей шею. М'Кола был доволен, а Друп — тот просто пришел в восторг.

— Пора остановить его, — сказал Старик моей жене. — Куда вы целились, скажите правду?

— В шею, — солгал я. На самом деле я целил под лопатку.

— Прелестно! — сказала Мама. — Пуля щелкнула словно бейсбольная бита при ударе о мяч, и антилопа свалилась как подкошенная.

— По-моему, он бессовестный лжец, — вставил Старик.

— Ни один из нас, великих стрелков, не дождался при жизни заслуженного признания. Но увидите, что будет, когда мы умрем.

— По его мнению, признать — это значит нести его на плечах, — сказал Старик. — Удачный выстрел окончательно вскрыл ему голову.

— Ну, ладно, увидите сами. Честное слово, я всегда стрелял хорошо.

— А я припоминаю одну газель, — поддразнил меня Старик.

Я тоже помнил эту газель. Я гонялся за ней целое утро, много раз подкрадывался, но, одурев от жары, все время стрелял мимо, потом заполз на муравейник, чтобы выстрелить уже по другой, куда худшей газели, отдышался, промазал с пятидесяти шагов, увидел, что газель все еще стоит неподвижно и смотрит на меня, подняв голову, и выстрелил ей в грудь. Она присела на задние ноги, но как только я сделал несколько шагов, вскочила, и, спотыкаясь, отбежала в сторону. Я выждал, когда газель остановилась, видимо не в силах бежать дальше, и, не вставая, продев руку в ремень ружья, стал стрелять ей в шею, медленно, старательно, и промазал восемь раз кряду, в порыве безудержной злости стреляя в одно и тоже место и тем же манером; ружьеносцы смеялись, потом подъехал грузовик с туземцами, которые удивленно пялили на меня глаза. Старик и Мама молчали, а я все сидел, в холодном бешенстве упрямо пытаясь перебить антилопе шею, вместо того чтобы подойти поближе и прогнать ее с этой раскаленной солнцем равнины. Все молчали. Я протянул руку к М'Кола за новой обоймой, старательно прицелился, но промахнулся, и лишь на десятом выстреле перебил эту проклятую шею. Затем я отвернулся, даже не поглядев на свою жертву.

— Бедный Папа, — сказала моя жена.

— Солнце в глаза, да и ветер мешает, — заметил Старик (в то время мы с ним еще не были близко знакомы). — Все пули попадали в одно место. Я видел, как они вздымали пыль.

— Я вел себя как упрямый осел, — сказал я.

Так или иначе, я научился стрелять. Мне почти всегда везло, и я выходил из положения с честью.

Мы остановились недалеко от лагеря и стали кричать. Никто не откликнулся. Наконец, из палатки вышел Карл. Завидев нас, он скрылся, потом выглянул наружу.

— Эй, Карл! — крикнул я. Он помахал мне рукой и снова

скрылся в палатке. Затем вышел и зашагал к нам. Он дрожал от волнения, и я догадался, что он отмывал с рук кровь.

— Что у вас там?

— Носорог,— ответил он.

— Случилась беда?

— Нет. Мы застрелили его.

— Вот здорово! Где же он?

— Вон за тем деревом.

Мы прибавили шаг. Возле дерева лежала только что отрезанная голова носорога, и какого носорога! Он был вдвое крупней моего. Глаза были закрыты, и в уголке одного из них, точно слеза, рдела капелька крови. Голова была огромная, рог красиво изогнут. Шкура в целый дюйм толщиной свисала складками позади головы и на месте среза белела, как свежий сок кокосового ореха.

— Какой длины рог? Дюймов тридцать?

— Ну нет, тридцати не будет,— возразил Старик.

— И все же превосходная добыча, мистер Джексон,— вмешался Дэн.— Красавец!

— Да, хорош,— согласился Старик.

— Где вы убили его?

— У самого лагеря.

— Он стоял в кустах. Мы слышали, как он фыркает.

— Мы даже подумали, что это буйвол,— сказал Карл.

— Красавец! — повторил Дэн.

— Я очень рад за вас,— сказал я Карлу.

Так и стояли мы все трое. Мы искренне желали поздравить товарища, великодушно похвалить его носорога, чей малый рог был длиннее большого рога у зверя, добытого нами*,— этого громадного, великолепного носорога с кровавой слезкой в глазу, обезглавленного сказочного великана, но вместо этого разговаривали точно пассажиры на корабле перед приступом морской болезни или люди, потерявшие крупную сумму денег. Мы стыдились своего поведения, но ничего не могли с собой поделать. Я хотел сказать Карлу что-нибудь приятное и сердечное, но вместо этого спросил:

— Сколько раз вы стреляли в него?

— Право не знаю. Мы не считали. Кажется, пять или шесть раз.

— По-моему, пять,— сказал Дэн.

Бедный Карл, принимая поздравления от трех друзей с такими постными лицами, уже чувствовал, как его радость победителя постепенно испаряется.

— А мы тоже убили носорога,— сказала Мама.

— Вот это здорово! — промолвил Карл.— Крупнее моего?

* У африканских носорогов два рога — передний большой и позади него второй, значительно меньший.

— Нет, что вы! Он просто жалкий недомерок по сравнению с вашим.

— Мне очень жаль,— сказал Карл просто и искренне.

— Вот еще, о чем вам жалеть, когда вы подстрелили такого? Это же настоящий красавец. Пойдите, я схожу за аппаратом и сфотографирую его.

Я отправился за аппаратом. Мама шла рядом, взяв меня под руку.

— Папа, пожалуйста, старайся вести себя по-человечески,— сказала она.— Бедный Карл! Вы испортили ему все удовольствие.

— Знаю. Я ведь стараюсь как только могу.

Старик догнал нас и, услышав мои слова, покачал головой.

— Никогда еще я не чувствовал себя так глупо,— сказал он.— Но успех Карла ошеломил меня, как удар под ложечку. Разумеется я от души рад за него.

— Я тоже. Мне даже хотелось, чтобы он перещегоолял меня. Право же! Вы сами это знаете. Но почему он не мог подстрелить отличного зверя с рогом на один, два, ну, пускай на три дюйма длиннее, чем у моего? Почему он непременно должен был посрамить меня? Наш носорог теперь просто смешон.

— Зато вы можете гордиться своим выстрелом.

— К черту выстрел! Проклятая судьба! Господи, до чего хорош этот его носорог!

— Послушайте, возьмем себя в руки, и докажем, что мы цивилизованные люди.

— Мы вели себя ужасно! — сказала Мама.

— Верно,— согласился я.— А между тем я все время старался быть любезным. Вы же знаете, что я от всей души рад его успеху.

— Да, вы были любезны... оба,— протянула Мама.

— А видели, что сделал М'Кола? — спросил Старик.

М'Кола мрачно оглядел носорога, покачал головой и ушел.

— Носорог и впрямь замечательный,— сказала Мама.— И если мы будем держать себя как порядочные люди, Карл быстро повеселеет.

Но было уже поздно. Карл так и не повеселел, и от этого нам самим долгое время было совсем невесело. Носильщики наши вернулись в лагерь, и мы видели, как они, да и все остальные туземцы, пошли туда, где в тени деревьев лежала голова носорога. Все молчали. Только свежевальщик не скрывал своего восторга, увидев у нас в лагере такую добычу.

— М'узури сана,— сказал он мне, измеряя рог растопыренными пальцами.— Кубва сана!

— Ндио. М'узури сана,— согласился я.

— Это Бвана Кабор его убил?

— Да.

— М'узури сана...

— Да, подтвердил я. — М'узури сана.

Свежевальщик оказался единственным джентльменом среди нас. Мы старались никогда не соперничать на охоте. Карл и я уступали друг другу лучшие места. Я искренне любил его, а он вообще был чужд эгоизма и всегда готов на самопожертвование. Я знал, что стреляю лучше Карла, да и на погу я легче его, а все же моя добыча ничто перед его трофеями. У меня на глазах он сделал несколько невиданно скверных выстрелов, а я за все время осрамился лишь дважды — когда стрелял по той газели и еще по дрофе на равнине, но все-таки Карл всегда брал надо мной верх. Сначала мы над этим подшучивали, и я не сомневался, что возьму реванш. Однако мне это не удавалось. И вот теперь, охотясь на носорога, я решил попытать счастья

на новом месте. Мы отправили Карла за мясом, а сами двинулись туда.

Карла мы не обижали, но и не баловали — и теперь он все-таки затмил меня. И если бы только затмил, это бы еще куда ни шло! Но после его удаchi собственный носорог казался мне таким жалким, что я не мог теперь украсить его головой свой дом в городке, где мы оба жили. Успех Карла зачеркнул все мои достижения. Мне оставалось лишь вспоминать об отличном выстреле, этого ничто не могло у меня отнять, но слишком уж хорош был выстрел, и я знал, что рано или поздно начну сомневаться: а вдруг это всего лишь случайная удача и для моей самоуверенности нет никаких оснований? Да, Карл всех нас заставил призадуматься. Теперь он писал письмо в своей палатке, а мы со Стариком сидели под тентом и обсуждали план дальнейших действий.

— Так или иначе, он уже подстрелил носорога. Это сэкономит нам время. Но теперь вы не сможете ограничиться сегодняшней добычей.

— Нет.

— Отсюда нам лучше убраться. Тут что-то неладно. Дружи говорит, что знает отличное место — туда три часа езды на грузовике и еще около часа ходьбы. Мы можем отправиться се-

годня вечером налегке, потом отошлем грузовики обратно, а Карл пусть едет с Дэном к Муту-Умбу и там охотится на сернобыка.

— Прекрасно.

— Кроме того, у него есть шансы сегодня вечером или завтра утром приманить леопарда на тушу носорога. Дэн говорит, что слышал рычание. А мы постараемся убить носорога в тех местах, о которых говорит Друпи, и потом вы все втроем будете охотиться на куду. Надо, чтобы на это осталось побольше времени.

— Ладно, так и сделаем.

— Если даже сернобык вам не попадется — это неважно. Рано или поздно случай представится.

— Если даже и не представится — наплевать. Я согласен. С сернобыком можно подождать. А вот куду я очень хочу добыть.

— И добудете. Можете не сомневаться.

— Хоть бы одного, только одного, но зато хорошего! Плевал я на носорогов, на них только охотиться удовольствие, а так на что они мне? И все-таки хотелось бы убить такого, чтобы он был не хуже, чем у Карла.

— Ну, разумеется.

Мы изложили свой план Карлу, он сказал:

— Ладно, будь по-вашему. Желаю вам убить носорога вдвое больше моего.

Видно было, что он говорит искренне. И настроение у него улучшилось, как и у всех нас.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Когда мы после долгой езды под палящим солнцем среди красноватых холмов, поросших чахлым кустарником, к вечеру достигли места, указанного Друпи, оно показалось нам отвратительным. Все деревья по соседству были окольцованы для уничтожения мухи цеце. Мы разбили лагерь напротив пыльной и грязной туземной деревушки. Почва здесь была красная и до того выветрелая, что казалось, вот-вот вся она рассеется в воздухе. Наши палатки стояли на самом ветру, возле нескольких засохших деревьев над ручьем, неподалеку от глиняных хижин туземцев. Еще засветло мы с Друпи и двумя местными проводниками сделали вылазку за деревню, на высокий каменистый кряж, за которым лежала глубокая долина, почти каньон. В него с противоположной стороны крутыми зигзагами сбегали боковые долины. Они были покрыты густыми рощами и отделены друг от друга зелеными буграми, а выше, на горном кряже, раскинулся частый бамбуковый лес. Каньон спускался к Рифт Велли, сужаясь в дальнем своем конце, где он рассекал скалистую стену этого ущелья. Дальше над отлогими кряжами высились холмы, сплошь одетые лесом. На первый взгляд местность была для охоты совсем не подходящая.

— Если мы заметим какого-нибудь зверя вон на том склоне, придется лезть на самое дно каньона. А потом добираться до леса через эти чертовы овраги. При этом мы потеряем из виду зверя и легко можем свернуть себе шею. Здесь слишком круто. Эти лощины, такие безобидные с виду, похожи на ту, в которую мы как-то угодили ночью по дороге в лагерь.

— Да, кажется, дело дрянь, — согласился Старик.

— В совершенно такой же местности я охотился на олений, — это было к югу от Лесной речки в Вайоминге. Склоны

слишком крутые и неровные. Просто жуть! Завтра мы поплатимся за свое безрассудство.

Мама не жаловалась: Старик привел нас сюда, он нас отсюда и выведет. У нее была одна забота — как бы башмаки не натерли ноги. Уже сейчас она ощущала легкую боль, и это было единственное, что ее беспокоило.

Я продолжал распространяться о предстоящих трудностях, и мы вернулись обратно в темноте, угрюмые, сердясь на Друпи. Костер ярко пылал, раздуваемый ветром, а мы сидели у огня, наблюдали восход луны и слушали вой гиен. После нескольких стаканчиков виски будущее представилось нам уже в менее мрачном свете.

— Друпи клянется, что это хорошее место, — сказал Старик. — Правда, вел он нас не сюда, а куда-то дальше. Но он уверяет, что и здесь ничуть не хуже.

— Я люблю Друпи, — сказала Мама. — Я ему доверяю.

Друпи подошел к костру в сопровождении двух туземцев с копьями в руках.

— Ну, в чем там дело? — спросил я.

Туземцы что-то залопотали, а потом Старик сказал:

— Один из этих молодцов уверяет, что сегодня за ним гнался огромный носорог. Конечно, в такую минуту всякий носорог покажется огромным.

— Спросите у него, какой длины был рог.

Туземец показал, что рог был длиной с его руку. Друпи ухмыльнулся.

— Ну ладно, ступайте, — сказал Старик.

— Где это произошло?

— Ах, где-нибудь «в той стороне», — ответил Старик. — Вы же знаете. Там, где всегда происходят подобные вещи.

— Ну и чудесно. Мы ведь тоже собираемся куда-то «в ту сторону».

— Самое главное, что Друпи не унывает, — сказал Старик. — Он, видимо, уверен в успехе. Это его затея, ему и отвечать за нее.

— Да, но лазать по горам придется нам с вами!

— Подбодрите же вашего супруга, — обратился Старик к Маме. — Он даже меня способен привести в уныние.

— Может, поговорим о том, как метко он стреляет?

— Нет, еще рано. И я вовсе не расстроен. Просто я уже бывал в подобных переделках. Ну, да ничего, нам это на пользу. А вы, батенька, поменьше бы хорохорились!

На другой день я убедился, что был совершенно неправ, когда ругал местность.

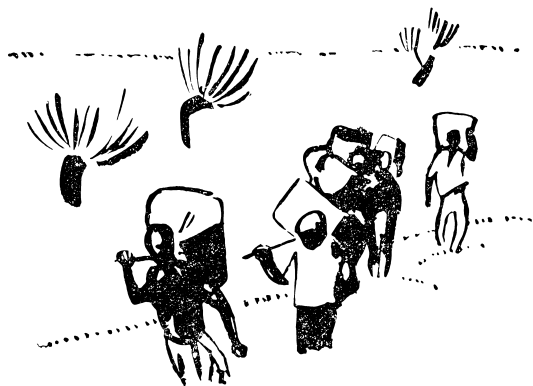
Мы позавтракали спозаранку и двинулись в путь еще до восхода солнца. На холм за деревушкой мы поднялись гуськом — впереди шел местный проводник с копьем, за ним Друпи

с моим ружьем и флягой, за Друпи — я со спрингфилдом, Старик с манлихером, Мама, довольная тем, что она, как всегда, идет налегке, М'Кола с двустволкой Старика и второй флягой, а в самом хвосте — два местных жителя с копьями несли брезентовые мешки с водой и ящик с провизией. Мы решили переждать полуденную жару где-нибудь в тени, а в лагерь вернуться только поздно вечером. Приятно было взбираться на этот холм по утреннему холодку — совсем не то, что вчера на закате, когда раскаленные камни и земля еще дышали дневным зноем. Тропинка, по которой, видимо, постоянно ходил скот, прежде очень пыльная, сейчас была влажной от росы. Вокруг виднелось много гиенных следов, а когда тропинка вывела нас на серую каменистую гряду, с которой открывался вид на глубокое ущелье, и дальше пошла по его краю, мы заметили на одной из пыльных площадок под скалой свежий след носорога.

— Он только что прошел, — сказал Старик. — Должно быть, они бродят здесь по ночам.

Внизу виднелись макушки высоких деревьев, росших на дне ущелья, а в просвете между ними блеснула вода. Впереди был крутой холм и лощины, уже обследованные нами накануне. Друпи и местный проводник, тот самый, за которым гнался носорог, о чем-то пошептались, потом начали спускаться по крутой тропе на дно ущелья.

Мы остановились в тени деревьев с мощными гладкими стволами, от которых понизу, точно артерии, расходились круглые, толстые корни: желтоватая зелень этих деревьев напоминала омытый дождем лес в зимний день где-нибудь во Франции. Но здесь деревья были развесистые, одетые пышной листвой, а под ними со дна ручья, подобно папирусу, тянулся тростник высотой футов в двенадцать, густой, как ишеница в поле. Вдоль ручья шел звериный след, и Друпи, нагнувшись, стал его разглядывать. К нему подошел М'Кола, тоже всмотрелся, и оба

они прошли немного вперед, низко склонившись к земле, затем возвратились к нам.

— Ньюати,— тихо сказал М'Кола.— Буйвол.— А Друпн шепнул что-то Старiku, и тот своим негромким, хрипловатым от виски голосом сказал нам:

— Стадо буйволов прошло вниз по реке. Друпн говорит, что среди них есть несколько крупных. Обратно они не возвращались.

— Выследим их,— сказал я.— Убить второго буйвола мне хочется больше, чем носорога.

— С таким же успехом мы можем наткнуться и на носорога,— заметил Старик.

— Что за дивные места! — воскликнул я.

— Превосходные,— подтвердил Старик.— Кто бы мог подумать!

— Деревья, как на картинах Андре*,— сказала Мама.— Какая красота! Взгляните на эту лужайку. Чем не Массон**?

Жаль, что здесь нет хорошего художника.

— Как твои башмаки, не жмут?

— Ничуть.

Мы шли по следу буйволов очень медленно и бесшумно. Ветра не было, но мы знали, что когда он поднимется, то будет дуть с востока, вверх по ущелью, нам в лицо. Мы двигались по звериной тропе вдоль ручья, и чем дальше, тем трава становилась выше. Дважды приходилось ложиться и ползти, а тростник рос так густо, что уже в двух футах ничего не было видно.

Друпн обнаружил в иле свежий след носорога. Я уже гадал, что будет, если огромный и неуклюжий носорог появится в этом узком проходе и что сделает тогда каждый из нас. Волнующая встреча, но мне она была не по душе! Слишком уж это место похоже на западню, а ведь со мной жена.

Вскоре мы достигли излучины реки, вышли из высокой травы на берег, и я отчетливо уловил звериный запах. Я не курю, и во время охоты на родине мне несколько раз случалось учуять лосей в брачную пору, еще не видя их. Я могу также без труда найти в лесу по запаху лежбище какого-нибудь старого самца: лось-самец распространяет резкий, но приятный аромат мускуса, хорошо мне знакомый. Но здесь я учуял какой-то совсем новый для меня запах.

— Я чую их,— шепнул я Старiku. Он сразу поверил мне.

— А кого?

— Не знаю, но запах очень сильный. Вы его не чувствуете?

— Нет.

— Спросите у Друпн.

Друпн кивнул и усмехнулся.

* Жюль Андре — французский художник XIX века, известный своими пейзажами.

** Антуан Массон — французский художник и гравер XVII века.

— Туземцы здесь нюхают табак,— сказал Старик.— Так что не знаю, могут ли они слышать звериные запахи.

Тут тростник был выше человеческого роста, и мы шли с величайшей осторожностью, бесшумно, точно во сне. Теперь я уже все время чуял запах каких-то неизвестных животных совершенно явственно, но он становился то сильнее, то слабее. Мне это очень не нравилось: мы стояли у самого берега, а след уводил прямехонько в длинное болото, поросшее еще более высоким тростником, чем тот, сквозь который мы продирались.

— Я чувствую, что они совсем рядом,— шепнул я Старiku.— Серьезно! Можете мне поверить.

— Да я верю! — ответил Старик.— Может, нам лучше подняться на берег и поверху обойти это место?

— Пожалуй.

Когда мы взобрались наверх, я сказал:

— Этот высокий тростник меня в ужас приводит. Не хотелось бы мне охотиться там!

— А что, если бы вам пришлось охотиться там на слона?

— Нет, на это я бы не решился.

— Неужели на слонов охотятся в таких высоких зарослях? — спросила Мама.

— Бывает,— ответил Старик.— И тогда, чтобы стрелять, залазаешь к кому-нибудь на плечи.

«Есть же такие молодцы! — подумал я.— Но это не по мне».

Мы двинулись вдоль правого берега, по открытому месту, огибая болото с высоким сухим тростником. На другом берегу росли могучие деревья, а над ними высилась крутая стена ущелья. Ручей был скрыт от нас. Справа громоздились холмы, местами поросшие кустарником. Впереди, за болотом, русло ручья суживалось и ветви деревьев почти смыкались над ним.

Вдруг Дружи схватил меня за плечо, и мы оба присели. Он сунул мне в руки двустволку, а сам взял спрингфилд, потом указал вперед, и за излучиной я увидел голову носорога с великолепным длинным рогом. Голова поворачивалась из стороны в сторону, и мне удалось разглядеть настороженно шевелившиеся уши и маленькие, как у кабана, глазки. Я отвел предохранитель и знаком приказал Друпи лечь. Но тут М'Кола сказал: «Тото! Тото!» и вцепился мне в руку. Дружи тоже быстрым шепотом твердил: «Манамуки! Манамуки! Манамуки!» — оба они умоляли меня не стрелять, так как это была самка с детенышем. Когда я опустил ружье, она фыркнула и побежала прочь через тростник. Детеныша я так и не увидел. Заметно было, как колышется тростник там, где оба зверя продирались сквозь него, потом все стихло.

— Экая досада! — пробормотал Старик.— А какой рог!

— Я чуть ее не ухлопал,— отозвался я.— Не разглядел, что это самка.

— М'Кола видел детеныша.

М'Кола что-то шептал Старiku и выразительно кивал головой.

— Он говорит, что там есть еще один носорог, — объяснил Старик. — Он слышал фыркание.

— Поднимемся выше, оттуда будет видно, если они вылезут, и швырнем что-нибудь в тростник.

— Неплохо придумано, — согласился Старик. — Быть может, там и самец.

Мы прошли берегом чуть повыше, оттуда можно было оглядеть заросли тростника. Старик держал ружье наготове, я тоже взвел курок, после чего М'Кола швырнул палку туда, где услышал шум. Ответом было звучное фыркание, но тростник не дрогнул, не шелохнулся. Затем вдали раздался треск и тростник заколыхался — наверное, какое-то животное бежало к противоположному берегу, но какое именно, мы не видели. Через минуту мне удалось разглядеть черную спину и широко раскинутые, остроконечные рога буйвола, избежавшего на крутой берег. Он двигался быстро, вытянув шею и подняв увенчанную рогами голову, холка его напряглась, как у разъяренного быка. Я прицелился, но Старик неожиданно остановил меня.

— Это слишком мелкий буйвол, — сказал он тихо. — На нашем месте я не стал бы его убивать — разве только на мясо.

Но мне казалось, что буйвол очень большой. Он стоял боком, повернув голову в нашу сторону.

— У меня лицензия еще на трех буйволов, а там, куда мы скоро переберемся, они не водятся, — возразил я.

— Мясо-то у него превкусное, — буркнул Старик. — Ну что ж, стреляйте. Но будьте начеку, после выстрела из тростника может выскочить носорог.

Я присел, ощущая в руках непривычную тяжесть двустволки, прицелился буйволу под лопатку, нажал на спуск, но выстрела не последовало. У спрингфилда спуск легкий, безотказный, а тут мне показалось, будто курок заклинился. Это было похоже на кошмарный сон, когда пытаешься выстрелить и не можешь. Мне не удалось выжать спуск, но я встряхнулся, затаил дыхание и снова потянул за крючок. Внезапный рывок — и ружье выпало с оглушительным грохотом. Однако буйвол и не думал падать, он кинулся влево, вверх по склону. Тогда я выстрелил из второго ствола, и у задних ног буйвола брызнули каменные осколки. Прежде чем я успел перезарядить ружье, он был уже вне выстрела. И тут-то мы услышали фыркание и треск — это еще один носорог выскочил из дальнего конца тростниковых зарослей и кинулся к высоким деревьям на нашем берегу, лишь на секунду мелькнув у нас перед глазами.

— Это самец, — сказал Старик. — Он ушел вниз по ручью.

— Ндио. Думи! Думи! — настойчиво твердил Друпи, стараясь уверить нас, что это самец.

— А ведь я рапил проклятущего буйвола, — сказал я. Не знаю только куда. Ох уж эти мне двустволки! Слишком тугой спуск.

— Из спрингфилда вы бы убили его, — заметил Старик.

— Или по крайней мере знал бы точно, куда попала пуля. Я-то думал, что из двустволки либо уложу его наповал, либо промахнусь. А оказывается, я его только ранил.

— Далеко ему не уйти, — сказал Старик. — Выждем.

— Боюсь, что я прострелил ему брюхо.

— Как знать! Хоть он и мчался что есть духу, но мог свалиться через какую-нибудь сотню шагов.

— Проклятое ружье! Не умею я стрелять из него. Спуск действует, как консервный ключ, когда открываешь коробку сардин.

— Пойдемте, — сказал Старик. — Здесь бродит уйма носорогов.

— А как же буйвол?

— Никуда не денется. Пусть потеряет силы и свалится где-нибудь.

— Вообразите, вдруг мы оказались бы внизу, когда все эти звери выскакивали из тростника!

— М-да, — хмыкнул Старик.

Все это говорилось шепотом. Я взглянул на жену. У нее был вид человека, который наслаждается интересным спектаклем.

— Ты не заметила, куда он ранен?

— Не заметила. Как ты думаешь, в тростнике прячется еще кто-нибудь?

— Их там тысячи. Ну так как же, Старик?

— Может, ваш буйвол лежит где-нибудь за излучиной. Пойдем, поищем его.

Мы зашагали берегом, взвинченные до крайности, и когда подошли к узкому краю тростниковых зарослей, услышали, что какое-то грузное животное продирается среди высоких стеблей. Я вскинул ружье и ждал его появления. Но оно не показывалось, только тростник все колыхался. М'Кола сделал мне знак не стрелять.

— Это детеныш, — сказал Старик. — Должно быть, их было два. Но куда же запропастился чертов буйвол?

— Откуда вы знаете, что это детеныш? Ведь его не видно.

— Сужу по треску в зарослях.

Мы стояли, оглядывая воду, тенистый берег с высокими деревьями и уходящее вдаль русло ручья, как вдруг М'Кола указал на холм справа от нас.

— Фаро, — пробормотал он и протянул мне бинокль.

Там, на скате холма, подняв голову, глядя в нашу сторону, насторожив уши и поводя носом, стоял носорог. В бинокль он показался мне огромным. Старик тоже разглядывал его в свой бинокль.

— Он не лучше того, которого вы убили раньше,— сказал он тихо.

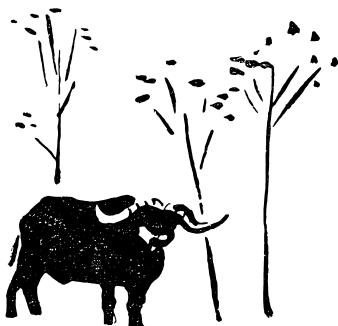
— Сейчас я могу всадить ему пулю прямо в шею!

— Вы имеете право убить еще только одного,— возразил Старик.— И вам нужен хороший экземпляр.

Я протянул Маме бинокль, но она не взяла его:

— Мне и так хорошо видно. Экая громадина!

— Как бы он на нас не бросился,— сказал Старик.— Тогда уж вам волей-неволей придется стрелять.

Тем временем из-за большого дерева с кудрявой верхушкой показался еще один носорог. Этот был чуточку помельше.

— Ей-богу, детеныш,— сказал Старик.— А вон то самка. Хорошо, что вы не выстрелили. Она бы наверняка бросилась на нас.

— Неужели опять та же самка?

— Нет. У той был здоровенный рог.

Нами овладело нервное возбуждение, какая-то почти хмельная веселость, как всегда при виде чрезмерного до нелепости обилия дичи. Такое чувство может появиться у человека в любую минуту, когда редкий зверь или рыба вдруг попадает в таком невероятном количестве.

— Поглядите на нее. Она подозревает неладное, хотя не видит и не чувствует нас.

— Так ведь она слышала выстрелы.

— Она уже догадывается, что люди близко, но не может понять, где.

Самка, такая большая и потешная, что ею можно было любоваться, стояла на самом виду, и я прицелился ей в грудь.

— Вот бы сейчас выстрелить!

— Еще бы,— согласился Старик.

— Что вы намерены делать? — спросила практичная Мама.

— Обойдем ее,— отвечал Старик.

— Если проберемся низом, не думаю, чтобы она нас учуяла.

— Как знать? Еще чего доброго нападет!

Но она на нас не напала, только опустила голову и побрела вверх по холму вместе со своим почти взрослым детенышем.

— Теперь пусть Друпидет вперед и поищет следы самца. А мы пока посидим тут, — сказал Старик.

Мы сели в тени. Друпид и местный проводник, обследовав оба берега, вернулись и сообщили, что носорог ушел вниз по ручью.

— Не заметил кто-нибудь, какой у него рог? — спросил я.

— Друпид говорит, что большой.

М'Кола сделал несколько шагов вверх по холму. Вдруг он пригнулся и стал подавать нам знаки.

— Ньюати, — сказал он, приставив руку к глазам.

— Где? — спросил Старик. М'Кола указал, пригнулся еще ниже и, когда мы подползли к нему, протянул мне бинокль. Животные были ниже по ручью, далеко от нас, на верхнем выступе крутого склона в дальнем конце ущелья; мы насчитали сначала шесть, а потом и восемь буйволов, черных, с массивными шеями и блестящими рогами. Одни паслись, другие стояли, подняв головы, и осматривались.

— Вон тот — самец, — объявил Старик, глядя в бинокль.

— Который?

— Второй справа.

— А по-моему они все самцы.

— На таком расстоянии ошибиться не мудрено. А тот справа — очень хорош. Теперь давайте перейдем ручей и попробуем подкрасться к ним сверху.

— А они не уйдут?

— Нет. Вернее всего спустятся к воде, когда станет жарче.

— Хорошо, идем.

Мы перебрались на другой берег, перескакивая с бревна на бревно, а там обнаружили плотно утопанную звериную тропу, которая тянулась над берегом в густой тени деревьев. Мы зашагали по ней быстро и бесшумно; ручей под нами почти скрывала завеса ветвей. Было раннее утро, но уже поднимался ветерок и листья шелестели над нашими головами. Миновав овраг, сбегавший в ручей, мы укрылись в кустарнике, чтобы животные нас не заметили, затем, пройдя за деревьями, очутились на небольшой прогалине и под прикрытием широкой скалы взобрались на холм, чтобы подойти к буйволам сверху. Мы остановились за этой скалой и я, обливаясь потом, заткнул платок под шляпу и послал Друпид на разведку. Вскоре он вернулся и сообщил, что буйволы скрылись. Сверху мы не могли их видеть, поэтому пересекли овраг и скат холма, чтобы отрезать им путь к воде. Склон соседнего холма был выжжен, у его подошвы торчал горелый кустарник. На пепле виднелись следы буйволов, которые ушли в густые заросли. Непролазная чаща, плотно перевитая лианами, заставила нас отказаться от преследования. Вниз по ручью следов не было, из чего мы заключили, что

буйволы на берегу, в том месте, которое мы осматривали со звериной тропы. Старик сказал, что здесь у нас ничего не выйдет: деревья растут так густо, что если даже мы выгоним животных, стрелять все равно бесполезно. Мы не сможем отличить самцов от самок, сказал он. Видна будет только сплошная черная масса. Старого самца узнают по серой шкуре, но хороший стадный самец бывает так же черен, как самка. А поэтому не имеет смысла спугивать их здесь.

Было уже десять часов, и под открытым небом становилось очень жарко, солнце пекло, а ветер поднимал вокруг нас тучи пепла. Все живое в эту пору забирается в чащу, под защиту ветвей. Мы тоже решили отыскать тенистое местечко, полежать там в холодке и почитать, а потом позавтракать и таким образом скоротать жаркое время дня. Пройдя мимо лесного пожарища, мы спустились к ручью и сделали привал у купы могучих деревьев. Вынули из тюков кожаные куртки и плащи и разостлали их на траве под деревьями, чтобы можно было сидеть, прислонясь спиной к стволам. Мама достала книги, а М'Кола развел небольшой костер и принялся кипятить воду для чая.

Подул ветерок и зашумел высоко в листве. В тени было прохладно, но стоило высунуть нос на солнце или случайно, когда тень передвинется, подставить горячим лучам руку или ногу, как жара сразу же давала себя знать. Дружи ушел вниз по ручью на разведку, а мы лежали и читали; я чувствовал, как надвигается зной, он сушил росу и нагревал листья, а солнце огненными стрелами пронзало воду ручья.

Мама читала книгу, которая ей не нравилась — «Испанское золото» Джорджа А. Бирмингама*, а я все еще наслаждался «Севастопольскими рассказами» Толстого, и в том же томике прочитал превосходную повесть «Казачьи».

.....

— Эй, М'Кола, пива! — крикнул я.

— Ндио, — выразительно произнес он и достал из ящика, который один из туземцев все время нес на голове, оплетенную соломой бутылку немецкого пива, одну из тех шестидесяти четырех бутылок, что Дэн привез с немецкого торгового склада. Горлышко ее было обернуто серебряной фольгой, а на черно-желтой этикетке красовался всадник в доспехах. Пиво еще не успело нагреться, и когда я открыл бутылку и наполнил три кружки, оно запенилось, тяжелое и густое.

— Нет, — сказал Старик. — Это яд для печени.

— Пейте, ничего с вами не случится!

— Ну, так и быть.

Мы все выпили, но когда М'Кола открыл вторую бутылку, Старик отказался наотрез.

* Джордж Бирмингам — псевдоним английского романиста Джеймса Хэнни. Приключенческий роман «Испанское золото» (1908 г.) — наиболее известное из его произведений.

— Пейте сами, раз вы его так любите. А я, пожалуй, вздремну.

— А тебе палить, старушка?

— Только одну капельку.

— Что ж, мне больше достанется.

М'Кола улыбался и качал головой, глядя на нас. Я сидел, прислонясь к дереву, глядел на облака, гонимые ветром, и тянул пиво прямо из бутылки. Так оно дольше оставалось холодным, это превосходное пиво. Скоро Старик и Мама уснули, а я опять принялся за Толстого и стал перечитывать «Кзаков». Прекрасная повесть!

Когда они проснулись, мы позавтракали хлебом и холодным мясом с горчицей, открыли банку консервированных слив и выпили третью, последнюю, бутылку пива. Потом почитали еще немного, и уже все трое улеглись спать. Я проснулся от жажды и стал отвинчивать пробку у фляги с водой, как вдруг послышалось фыркание носорога и треск кустов около ручья. Старик не спал и тоже услышал это, мы схватили ружья и, ни слова не говоря, бросились к тому месту, откуда доносился шум. М'Кола отыскал след: носорог шел вверх по ручью. Очевидно, он почуял нас только шагах в тридцати и побежал прочь. Мы не могли идти по следу, так как ветер дул бы нам в спину, а потому сделали крюк в сторону и вернулись к гари, после чего осторожно, с подветренной стороны, двинулись к ручью через густой кустарник. Однако носорога не было уже и в помине. После долгих поисков Друпи определил, что он перебрался на другой берег и ушел в холмы. Судя по следу, он был не особенно крупный.

До лагеря было еще добрых четыре часа ходьбы в гору, после того как мы выбрались бы из ущелья; кроме того, нужно было выследить раненого буйвола, и поэтому, снова вернувшись к гари, мы решили взять с собой Маму и отправиться дальше. Зной еще держался, но солнце начинало уже клониться к западу, и большая часть нашего пути лежала по высокому тенистому берегу ручья. Когда мы пришли, Мама притворилась возмущенной тем, что мы бросили ее, но, разумеется, она хотела только подразнить меня и Старика.

Друпи и туземец с копьём повели нас по затененной тропке, которую солнце, пробиваясь сквозь листву, кое-где испещрило яркими пятнами. Вместо свежего утреннего лесного запаха нас встретила здесь мерзкая вонь, словно где-то нагадили кошки.

— Что это так смердит? — шепотом спросил я у Старика.

— Бабуины, — ответил он.

Целое стадо этих обезьян побывало здесь незадолго перед нами, и помет их попадался на каждом шагу. Мы пришли туда, где высочили из тростника носороги и буйвол, и я отыскал место, где, по моему мнению, находился буйвол в момент выстрела. М'Кола и Друпи шныряли вокруг, как ищейки, и мне

казалось, что они забрали по крайней мере на пятьдесят ярдов выше, чем следует, как вдруг Друпи, подобрав какой-то листок, издали показал его нам.

— Он увидел кровь,— сказал Старик. Мы подошли. На траве было много крови, уже почерневшей, и отчетливо заметный след. Друпи и М'Кола двинулись по этому следу, торжественно указывая длинными былинками на каждое пятно крови. Мне всегда казалось, что одному следопыту лучше двигаться медленно, а другому уйти вперед, но они шагали бок о бок, по обе стороны следа, опустив головы, указывая на каждую капельку крови, и всякий раз, когда, сбившись со следа, вновь находили его, наклонялись, чтобы сорвать листок или травинку с темным пятнышком. Я шел позади со спрингфилдом в руках, за мной Старик, за Стариком Мама. Друпи нес мою двустволку, а Старик не выпускал из рук свой карабин. У М'Кола за спиной висел манлихер Мамы. Все молчали, как люди, занятые серьезным делом. Там, где буйвол прошел по высокой траве, на ней виднелись пятна крови — значит, пуля прошла навывлет. Сейчас уже трудно было определить первоначальный цвет крови, и вначале я льстил себя надеждой, что прострелил буйвола легкие. Однако мы заметили на камнях помет с кровью, и дальше такой кровавый помет буйвол оставлял всюду, где ему приходилось взбираться по склону. Похоже было, что пуля пробила кишки или желудок. Я не мог избавиться от чувства стыда.

— Если он кинется на нас, не тревожьтесь за Друпи и остальных,— сказал Старик, понизив голос.— Они успеют спастись. Сразу же стреляйте и остановите его.

— Пальну ему прямо в нос,— отозвался я.

— Только, пожалуйста, без фокусов,— предупредил он. След уводил нас все выше, потом дважды описал круг и некоторое время беспорядочно петлял между скалами. Дальше он неожиданно спускался к речке, пересекал один из ее притоков и, снова возвращаясь на берег, тянулся среди деревьев.

— Буйвола мы, наверное, найдем уже мертвым,— шепнул я Старику. Видя, какой бесцельный крюк сделал буйвол, я представил себе, как он плелся здесь, тяжело раненый, изнемогающий, готовый вот-вот свалиться.

— Надеюсь,— отозвался Старик.

Но след вел все дальше и дальше, а трава постепенно редела, и находить его становилось все труднее. Я совсем перестал различать отпечатки копыт, угадывая путь буйвола лишь по темным брызгам запекшейся крови на камнях. Несколько раз мы совершенно сбивались со следа, и тогда три человека начинали рыскать вокруг, потом кто-нибудь снова находил этот след, шепотом бросал: «Даму», и мы шли дальше. Наконец, след, спускаясь по скалистому откосу, освещенному последними лучами солнца, привел нас к широкой полосе необычайно высокого сухого тростника. Здесь, у ручья, тростник был даже выше

и толще, чем на болоте, откуда утром выскочил буйвол, и мы заметили в зарослях несколько звериных троп.

— Мемсаиб лучше туда не ходить, — сказал Старик.

— Пусть останется здесь с М'Кола, — согласился я.

— Ей вовсе незачем туда идти, — повторил Старик. — И зачем только мы вообще взяли ее с собой!

— Друпси хочет, чтобы мы шли вперед. А она может подождать нас здесь. Друпси не хочет останавливаться.

— Правильно. Надо взглянуть, что там дальше.

— Подожди здесь с М'Кола, — бросил я жене через плечо.

Мы двинулись вслед за Друпси через густой тростник, который был футов на пять выше нас, осторожно шагая по тропе, затаив дыхание, и я вспоминал буйвола, которого видел в тот раз, когда мы убили сразу трех: старый самец выскочил тогда из кустарника, качаясь как пьяный, и я разглядел его рога, выступ на голове, вытянутую вперед морду, маленькие глазки, видел, как на серой шее под редкой шерстью перекатываются мускулы и комки жира, — в нем чувствовалась могучая сила и ярость, и я глядел на него с восхищением и даже некоторым почтением; но бежал он медленно и при каждом выстреле я чувствовал, что пуля попадает в цель и ему не уйти. Сейчас все происходило не так: пули не сыпались на ошеломленного буйвола, его даже не было видно; я помнил, что если он высунется, я должен хладнокровно выстрелить в него. Он, конечно, сразу пригнет рога, как всегда делают быки, и откроет самое уязвимое место, а я выстрелю снова, затем должен буду отскочить в сторону, и если при этом не смогу удержать в руках ружье, придет черед Старика. Впрочем, я не сомневался, что успею выстрелить и отскочить, если только у меня хватит терпения выждать, пока из чащи высунется голова буйвола. Я знал, что сумею сделать это и выстрел будет смертельным. Но сколько еще ждать? В этом было все дело. Сколько ждать? Я шагал вперед в уверенности, что он здесь, и испытывал самое приятное из всех чувств — воодушевление перед решительной схваткой, в которой мне предстоит сыграть не последнюю роль, и все казалось таким простым: я убью его, убью, не думая об опасности, а потому без всякого страха и чувства ответственности, никого этим не опечалив: нужно лишь сделать то, что я безусловно могу сделать. И я бесшумно двигался вперед, упершись взглядом в широкую спину Друпси и не забывая протирать очки. Вдруг сзади послышался шум, я обернулся. Моя жена и М'Кола шли следом за нами.

— Это еще что! — воскликнул Старик. Он был вне себя.

Мы отвели Маму на берег ручья и объяснили, что она должна оставаться там. Оказалось, раньше она не поняла, чего мы от нее хотим. Она слышала, как я прошептал что-то, и решила, что я ей велю идти за М'Кола.

— Как я перепугался! — сказал я Старiku.

— Она бежит за нами, как верный маленький терьер, — ответил он. — Это никуда не годится.

Мы выглянули из-за тростника.

— Дружи хочет идти еще дальше, и я от него не отстану; когда он скажет «довольно», мы прекратим погоню. В конце концов я же прострелил брюхо этой подлой зверюге.

— Только не делайте глупостей.

— Я уложу его первым же выстрелом. Только бы он появился!

Все еще не оправившись от испуга, пережитого из-за жены, я в рассеянности заговорил слишком громко.

— Идем, — сказал Старик. Мы пошли дальше за Дружи, а заросли становились все гуще и гуще; не знаю, что чувствовал Старик, но я уже на полпути взял у М'Кола двустволку и взвел курки, держа палец на спуске; нервы мои были напряжены до крайности, когда Дружи, наконец, остановился, покачал головой и пробормотал: «Хапана».

Тростники стали настолько густыми и так переплелись между собой, что мы не могли ничего видеть уже на расстоянии фута. Дело было плохо, и притом солнце освещало теперь уже только склон холма. Но мы оба были довольны тем, что Дружи выпущен по собственному почину прекратить погоню, и я вздохнул с облегчением. В этих зарослях план охоты, который я рисовал себе, оказался бы просто нелепостью, и оставалось только надеяться, что если я промахнусь, то уж Старик непременно пристрелит зверя: у него отличный карабин, у меня же — дрянное ружье сорок седьмого калибра, единственное достоинство которого, как я успел убедиться, — громоподобный бой.

Мы искали тропу, когда с холма послышались крики носильщиков и мы, прокладывая себе путь в тростниках, кинулись наверх, туда, откуда удобно было стрелять. Носильщики махали нам руками и кричали, что буйвол вышел из тростника и пробежал мимо них, потом М'Кола и Дружи стали указывать куда-то, а Старик, схватив меня за рукав, потащил на другое место, откуда я мог видеть, что происходит. В лучах заходящего солнца почти у вершины холма я разглядел на фоне каменистого ската двух буйволов. Их черные шкуры блестели, один был гораздо крупнее другого и, помнится, я подумал, что это, должно быть, наш буйвол, он встретил самку, а она увлекла его за собой. Дружи протянул мне спрингфилд, я продел руку в ремень и, вскинув ружье, увидел сквозь прорезь всего буйвола. Внутри у меня все замерло, и я прицелился ему под лопатку, но только хотел нажать спуск, как буйвол бросился прочь; выстрел опередил его. Я видел, как он, нагнув голову, взвился на дыбы, словно лошадь, потом метнулся вверх по холму, а я выбросил гильзу, рванул рукоятку затвора и послал еще одну

пулю вдогонку зверю, уверенный, что этот выстрел для него смертелен. Мы с Друпси побежали за ним, и я услышал низкий рев. Я приостановился и крикнул Старика:

— Вы слышите? Он мой!

— Вы ранили его,— ответил Старик.— Это верно.

— Говорю вам, я убил его. Разве вы не слышали этот рев?

— Нет.

— Так слушайте.— Мы стояли, насторожившись, и вот снова раздался протяжный, жалобный рев.

— Ей-богу, вы правы,— сказал Старик, услышав эти тоскливые звуки.

М'Кола схватил меня за руку, а Друпси хлопнул по спине, и все мы со смехом побежали на холм, обливаясь потом, ныряя под ветви деревьев, перелезая через скалы. Сердце мое бешено колотилось, я остановился, чтобы перевести дыхание, отер пот с лица, протер очки.

— Куфа! Мертв! — сказал М'Кола, придав этому слову такую выразительность, что оно прозвучало, как выстрел.— Ндио! Куфа!

— Куфа! — с улыбкой подтвердил и Друпси.

— Куфа! — повторил М'Кола. Мы снова пожали друг другу руки и полезли дальше. Наконец, впереди показался буйвол: он лежал на спине, вытянув шею и почти повиснув на своих рогах, которые вонзились в дерево. М'Кола засунул палец в пулевое отверстие у самой лопатки и радостно потряс головой.

Подожли Старик и Мама, за ними носильщики.

— Честное слово, он лучше, чем мы думали,— сказал я.

— Это другой. Вот уж буйвол так буйвол! А с ним, наверное, был и наш.

— Мне казалось, что с ним была самка. Но с такого расстояния трудно разобрать.

— Да, до них было ярдов четыреста. Клянусь богом, вы в самом деле умеете стрелять этих малюток.

— Когда я увидел, как он пригнул голову и встал на дыбы, я уже знал, что ему крышка. Освещение было превосходное.

— Я видел, что вы не промахнулись и что это другой буйвол. Ну, думаю, теперь нам придется иметь дело с двумя подранками. Но вначале я не слышал рева.

— Удивительное впечатление производит этот тоскливый рев! — сказала Мама.— Словно зов рога в дремучем лесу.

— А мне он показался очень веселым,— возразил Старик.— Право, следует выпить по такому случаю. Вот это выстрел! Послушайте, отчего вы до сих пор скрывали от нас, что умеете стрелять?

— Идите к черту!

— А известно вам, что он к тому же прекрасный следопыт и без промаха стреляет птиц влет? — обратился Старик к моей жене.

— А буйвол просто красавец, не правда ли? — подхватила она.

— Да, замечательный, хоть и молодой еще.

Мы пытались сфотографировать зверя, но у нас был только маленький ящичный аппарат, да и затвор заклинился, что вызвало ожесточенные пререкания. А день тем временем угасал, и я стал нервничать, в раздражении читал всем нотации, бранился, досадуя, что нельзя сфотографировать добычу. Человек не может долго оставаться на грани такого возбуждения, какое я испытал сегодня; убив живое существо, пусть всего лишь буйвола, он внутренне весь как-то сжимается. Не такое это чувство, чтобы им можно было делиться с окружающими, и я, выпив воды, сказал жене только, что сожалею о своем поведении. Она ответила: «Ладно, все в порядке», — и я почувствовал, что все снова пришло в порядок. Стоя рядом, мы глядели, как М'Кола снимает шкуру с головы буйвола, и чувствовали нежность друг к другу, и все стало понятно — недоразумение с фотоаппаратом и прочее. Я выпил виски, но оно показалось мне безвкусным и недостаточно крепким.

— Дайте мне еще, — сказал я. Вторая порция подействовала.

В лагерь нас повел тот самый туземец, за которым якобы гнался носорог, а Друпси остался — ему нужно было снять кожу с головы буйвола и вместе с другими, разрубив тушу, подвесить куски на деревьях, чтобы они не достались гиенам. Туземцы боялись идти в темноте, и я разрешил Друпси оставить у себя мое ружье. Он сказал, что умеет стрелять. Я вынул патроны, поставил затвор на предохранитель, протянул ружье Друпси и предложил ему выстрелить. Он приложился, зажмурил не левый, а правый глаз и рванул спуск, потом еще и еще. Тогда я показал ему, как обращаться с предохранителем, заставил поупражняться и несколько раз щелкнуть затвором. В то время как Друпси пробовал стрелять из ружья, поставленного на предохранитель, М'Кола смотрел на него свысока, а Друпси под его взглядом весь как-то съезжился. Я оставил ему ружье и две обоймы, и туземцы занялись мясом, а мы в сумерках двинулись за проводником по следу второго буйвола, на котором не было ни капли крови, до вершины холма, а оттуда к лагерю. Мы карабкались по склонам, переходили ущелья, спускались в овраги и, наконец, достигли главной гряды, которая в полумраке казалась темной и холодной; луна еще не взошла, и мы брели во тьме, изнемогая от усталости. Один раз М'Кола, который нес тяжелое ружье Старика, а также фляги, бинокли и сумку с книгами, крикнул проводнику, быстро шагавшему впереди, какую-то фразу, звучавшую как брань.

— Что он сказал? — спросил я у Старика.

— Сказал, чтобы проводник не очень-то шеголял резвостью своих ног, потому что среди нас есть пожилой человек.

— Кого он имел в виду — себя или вас?

— Обоих.

Наконец, над бурными холмами взошла дымно-красная луна, и мы прошли через мерцавшую тусклыми огоньками деревню мимо наглухо закрытых глиняных хижин, возле которых пахло хлебом, а потом перешли ручей и двинулись вверх по голому склону, туда, где перед нашими палатками горел костер. Ночь была холодная и ветреная.

Утром мы снова отправились на охоту, около родника напали на след носорога и прошли по этому следу через всю местность, похожую на плодовый сад, до самого ручья, круто спускавшегося в каньон. Было очень жарко, и тесные башмаки, как и накануне, натерли ноги моей жене. Она не жаловалась, но я видел, что ей больно. Все мы испытывали сладостную, умиротворяющую усталость.

— Черт с ними, с этими носорогами,— сказал я Старика.— Буду стрелять, только если встретится очень крупный. А такого, пожалуй, не найдешь и за неделю. Хватит с нас и того, которого я уже убил, уйдем отсюда и отыщем Карла. На равнине можно поохотиться на сернобыков, добыть шкуры зебр, а там подумать и о куду.

Мы сидели теперь под деревом на вершине холма, откуда видна была вся окрестность — ущелье, спускавшееся к долине Рифт Велли, и озеро Маньяра.

— Хорошо бы взять носильщиков с легким багажом и поохотиться в той долине и вокруг озера,— сказал Старик.

— Отличная мысль! А грузовики подождут нас... как бишь называется это место?

— Майи-Мото.

— Почему бы нам в самом деле не сделать так? — заметила Мама.

— Спросим у Друпси, что представляет собой эта долина.

Друпси не знал, но один из туземцев сказал нам, что долина каменистая и почти непроходима в том месте, где река низвергается в ущелье. Он уверял, что с багажом там не пройти. Пришлось отказаться от этого плана.

— И все-таки именно так надо путешествовать,— заметил Старик.— Носильщики обходятся дешевле, чем бензин.

— А в самом деле, почему бы нам после этой охоты не побродить пешком,— подхватила Мама.

— Это можно,— согласился Старик.— Но за носорогом пужно отправиться на гору Кения. Там водятся настоящие красавцы. Здесь и куду — редкость, не то что в Кении, в Калале. Поедем туда. А потом, если все будет хорошо, успеем еще спуститься в Хандени за черными антилопами.

— Пора в путь,— сказал я, не двигаясь с места.

Мы уже давно перестали завидовать успеху Карла. Мы были довольны тем, что он убил носорога, и все стало на свое место. Быть может, он уже застрелил и сернобыка. Славный парень

был этот Карл, и я от души радовался, что ему удалось настроелять больше, чем мне.

— Как ты себя чувствуешь, моя милая, добрая Мама?

— Прекрасно. Разумеется, я не прочь бы отдохнуть, очень ноги устали. Но мне нравится такая охота.

— Давайте вернемся, поедим, а к вечеру пойдем на равнину.

Вечером мы остановились на месте нашего старого лагеря в Муту-Умбу, под большими деревьями, неподалеку от дороги. Тут мы когда-то разбили наш первый лагерь в Африке. Деревья были такие же высоченные, развесистые, ярко-зеленые, ручей — все такой же прозрачный и быстрый, а местность — так же хороша, как и в тот день, когда мы впервые пришли сюда. Только ночи стали жарче, дорога покрылась толстым слоем пыли, а мы успели повидать множество новых мест.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Чтобы добраться до Рифт Велли, мы проехали по красноватой песчаной дороге через высокое плато, затем вверх и вниз через холмы, поросшие кустарником, и по лесистому склону до края ущелья; у наших ног расстилась равнина, дремучий лес и длинное, обмелевшее у берегов озеро Маньяра, в дальнем конце своем усеянное сотнями тысяч розовых точек — это сидели на воде фламинго. Дальше дорога круто бежала вниз, потом по ровному дну долины, через тесные лесом возделанные участки, где зеленел маис, бананы и какие-то неизвестные мне деревья, потом мимо индийской лавки и многочисленных хижин, через два моста над прозрачными быстрыми ручьями, и снова лесом, теперь уже более редким, с широкими прогалинами; наконец, мы свернули на другую дорогу, пыльную и ухабистую, которая через заросли кустарника привела нас к тенистому лагерю Муту-Умбу.

В сумерках фламинго снялись с места. Воздух наполнился шумом, похожим на посвист утиных крыльев, когда стая летит в предрассветной мгле, но более громким, протяжным и мерным. Мы со Стариком слегка подвыпили. Мама была очень утомлена, а Карл опять хмурился. Мы отравили ему радость победы над носорогом, а теперь, когда это было позади, он боялся неудачи в охоте на сернобыка. Кроме того, в прошлый раз им пришлось иметь дело не с леопардом, а с великолепным львом, огромным, темногривым, — он не желал расстаться с тушей носорога, когда они пришли к ней на другое утро, а стрелять в него было нельзя, потому что там был какой-то львиный заповедник.

— Этакая досада! — сказал я, искренне стараясь настроиться на мрачный лад, но мне было слишком весело, чтобы я мог сочувствовать чужим неприятностям. Мы со Стариком, разбитые усталостью, сидели, попивая виски с содовой, и оживленно болтали.

На другой день мы выслеживали сернобыков в сухой и пыльной долине Рифт Велли и, наконец, заметили стадо довольно далеко, за холмами, выше масайской деревни. Сернобыки отличались от местных ослов только изумительными, косо поставленными черными рогами; на первый взгляд все они были одинаково хороши. Но, присмотревшись внимательнее, я заметил, что два или три самца выгодно отличаются от остальных; сидя на земле, я выбрал одного — как мне казалось, самого красивого — и, когда стадо растянулось вереницей, прицелился и выстрелил. Я слышал цоканье пули, видел, как сернобык, отделившись от стада, стал описывать круги все быстрее и быстрее, и понял, что теперь он мой. Больше я не стрелял.

Как оказалось, Карл наметил себе ту же жертву. Я, не зная этого, прицелился тщательно, эгоистически стремясь хоть на этот раз завладеть лучшей добычей; впрочем, Карлу удалось все же убить другого сернобыка, ничуть не хуже моего, прежде чем стадо скрылось, оставляя за собой облако серой пыли. Если бы не чудесные рога, охота на этих животных была бы не более увлекательной, чем охота на домашних ослов, и как только подъехал грузовик, а М'Кола с Чаро сняли кожу с голов и разделали туши, мы двинулись к лагерю сквозь тучи пыли, от которой наши лица быстро посерели, а долина слилась в бесконечное знойное марево.

Мы провели в этом лагере два дня. Предстояло добыть несколько зебровых шкур, обещанных друзьям в Америке, а свежевальщику требовалось время, чтобы как следует обработать их. Охота на зебр оказалась скучным делом; теперь, когда трава выгорела, равнина после холма казалась однообразной, жаркой и пыльной, и я помню, как мы сидели у муравейников: вдалеке, в сероватой дымке проносилось галопом стадо зебр, поднимая пыль, а по желтой равнине, где над какими-то белыми пятнами кружили птицы, мчался к нам грузовик с туземцами, которые должны были разделать мясо и отвезти его в поселок. Из-за этой жары я сделал несколько неудачных выстрелов по газели, которую туземцы попросили убить на мясо, — после трех-четырех промахов я ранил ее на бегу, а потом почти до полудня гонялся за ней по равнине, прежде чем настиг и добил ее.

В тот день мы проехали через селение мимо лавки какого-то индийца — стоя на пороге, он улыбался нам заискивающей улыбкой, в которой было и братское дружелюбие, и робкая надежда незадачливого торговца, — свернули влево по узкой тропе, окаймленной кустарником, в густой лес, потом через ручей по шаткому деревянному мостику; дальше лес поредел,

и мы очутились на травянистой саванне, простиравшейся до поросшего тростником озера — оно почти все высохло, только в дальнем конце его поблескивала вода и розовели фламинго.

На опушке, в тени деревьев, ютилось несколько рыбацких шалашей, а дальше колыхалась под ветром трава саванны; дно высохшего озера казалось беловато-серым от множества животных, которые при появлении нашего автомобиля тревожно закопошились. Эти животные, показавшиеся нам сначала такими мелкими, были боютные антилопы, которые, издали, когда двигались, выглядели странно неуклюжими, а вблизи, когда стояли на месте, — стройными и грациозными.

Мы выехали из густой невысокой травы и покатали по сухому дну озера; всюду справа и слева от нас текли ручьи, образуя тростниковое болото со множеством протоков, и над ним

летали утки; видели мы и большие стаи гусей, рассеявшихся на травянистых кочках посреди болота. Дно было плотное и твердое, но дальше оно стало влажным и мягким; мы вышли из машины и уговорились, что Карл с Чаро и я с М'Кола пойдем по обе стороны болота, стреляя и спугивая птиц, а Старик и Мама отправятся к высокому тростнику у левого берега озера, где ручей тоже образовал болотце — на это болотце, по нашим расчетам, и должны были перелететь утки.

Мы видели, как шли по открытому месту эти двое — рослая, грузная фигура в выцветшей вельветовой безрукавке и маленькая в штанах, серой защитной куртке, походных башмаках и широкополой шляпе; потом, пригнувшись, они исчезли в сухом тростнике, и мы тронулись с места. Но едва мы добрались до ближайшего ручья, выяснилось, что наш план никуда не годится. Даже тщательно выбирая место, прежде чем поставить ногу, мы проваливались по колено в прохладный ил, а когда грязи поубавилось и кочек, окруженных водой, стало больше, я несколько раз провалился по пояс. Утки и гуси не подпускали нас на выстрел, а как только первая стая перелетела туда, где засели наши охотники, грянул резкий короткий дублет из ружья Мамы, утки метнулись в сторону и полетели к озеру, остальные же мелкие стайки и все гуси тоже перекочевали на открытую воду. Стая черных ибисов, походивших своими загнутыми книзу

клювами на огромных караваек, поднялась с болота по ту сторону ручья, где шел Карл, и, окружив высоко над нами, опять села в тростник. Всюду попадались бекасы, черные и белые кулики, и, потеряв надежду подобраться к уткам, я начал стрелять бекасов, к великому неудовольствию М'Кола. Мы прошли все болото, затем я перебрался еще через ручей, где вода была мне по плечи, так что пришлось держать над головой ружье и охотничью куртку, а затем встретилась глубокая и быстрая речка, над которой летали чирки, и я убил трех.

Уже смеркалось, когда я нашел Старика и Маму на другом берегу этой речки, у самого озера. Вода везде была слишком глубока, чтобы идти вброд, а дно мягкое, но в конце концов я обнаружил сильно размытый след бегемота, который вел в реку. Здесь дно было плотное, но вода доходила мне до шеи. По этому следу я перешел на другой берег. Когда я выбрался на сушу и стал отряхиваться, стая чирков стремительно пролетела над моей головой, я схватил ружье и выстрелил почти наугад в сумерках; то же самое сделал Старик, и три птицы тяжело плюхнулись в высокую прибрежную траву. После тщательных поисков мы нашли всех трех. С разгона они пролетели гораздо дальше, чем можно было ожидать, а так как тем временем почти стемнело, мы двинулись по серому высохшему илу к нашей машине; я был весь мокрый, башмаки полны воды. Жена моя радовалась, что мы добыли уток — впервые со времени охоты в Серенгети: мы все помнили, какое вкусное у них мясо. Впереди уже виднелась машина, казавшаяся издали очень маленькой, за ней полоса грязи, затем травянистая саванна, а дальше лес.

На другой день мы вернулись в лагерь с охоты на зебр, покрытые серой смесью пота и пыли после езды через равнину. Мама и Старик оставались в лагере, им нечего было делать на охоте и незачем было глотать пыль, а мы с Карлом целый день провели на солнцепеке, и теперь наше раздражение вызвало одну из тех перепалок, которые обычно начинаются так:

— Чего же вы зевали?

— Они слишком далеко.

— Но раньше вы упустили момент.

— А я вам говорю — слишком далеко.

— Вы только спугнули их.

— Стреляли бы сами!

— С меня хватит. Нам нужно всего-навсего двенадцать шкур. Ну, пошевеливайтесь.

Потом кто-нибудь нарочно стреляет раньше времени, чтобы показать, что его зря торопили, встает из-за муравьиной кучи и, сердито отвернувшись, подходит к товарищу, а тот самодовольно спрашивает:

— Ну, в чем же дело?

— Слишком далеко, я же вам говорил. — В этих словах звучит безнадежное отчаяние.

Самодовольный снисходительно отвечает:

— А взгляните-ка на них.

Зебры, отбежав подальше, заметили приближающийся грузовик с туземцами, описали круг и теперь стоят боком к охотникам, совсем близко.

Незадачливый охотник молчит, слишком взбешенный, чтобы стрелять. Потом бросает:

— Что ж, стреляйте вы!

Но самодовольный — на высоте принципиальности. Он отказывается:

— Стреляйте сами.

— Нет уж, с меня хватит, — возражает другой. Он понимает, что в таком раздражении нельзя стрелять, и подозревает во всем какой-то подвох. Вечно его что-нибудь подводит! Приходится все делать черт знает в каких условиях, указания дают неточные, не учитывая обстановки, и стрелять приходится на глазах у людей или в спешке.

— У нас целых одиннадцать штук, — говорит самодовольный, уже раскaiваясь. Теперь ему ясно, что не следовало торопить товарища, надо было оставить его в покое — ведь, подгоняя, он только раздражает его. Опять он вел себя по-свински, щеголяя своей принципиальностью!

— Мы в любое время можем убить еще одну зебру. Едем в лагерь. Эй, Бо, подгони сюда машину!

— Нет уж, давайте продолжим. Стреляйте вы.

— Нет, едем.

Подают грузовик, и во время езды по пыльной равнине раздражение проходит, и снова просыпается неугомонное ощущение, что время не ждет.

— О чем вы думаете? — спрашиваете вы у товарища. — О том, какой я сукин сын?

— Я думаю о сегодняшнем вечере, — отвечает товарищ, сморщив в улыбку пыльную корку на лице.

— Я тоже.

Наконец, наступает вечер, и снова трогаешься в путь.

На этот раз надеваешь высокие брезентовые сапоги, которые легко вытащить из грязи, перескакиваешь с кочки на кочку, пробираясь через болото по протокам, барахтаясь в воде, а утки, как и прежде, улетают на озеро, но ты забираешь далеко вправо и тоже выходишь прямо на озеро; убедившись, что дно плотное и твердое, ты по колена в воде пробираешься к большим стаям, гремит выстрел, ты пригибаешься, М'Кола тоже; весь воздух наполняется утками, ты сбиваешь двух, потом еще двух, потом одну высоко над головой, потом упускаешь утку, пролетевшую низко, у самой воды, а стая, свистя крыльями, возвращается так быстро, что не успеваешь заряжать и стрелять; затем, решив использовать раненых уток как подсадных, стреляешь уже только на выбор, зная, что здесь можно настрелять столько,

сколько хватит сил унести, бьешь по утке, пролетающей высоко, прямо над головой,— это настоящий *coeur de roi* *, и крупная черная птица плюхается в воду рядом с М'Кола, он хохочет, а тем временем четыре подранка уплывают прочь, и ты решаешь добить их. Приходится бежать по колена в воде, чтобы настичь последнюю утку; ты, поскользнувшись, падаешь лицом вниз, и, довольный тем, что, наконец, совершенно вымок, садишься прямо в грязь, которая холодит тело, протираешь очки, выливаешь воду из ружейного ствола, прикидывая в уме, удастся ли расстрелять все патроны, прежде чем картонные гильзы разбухнут, а М'Кола все хихикает, его рассмешило это падение. Не выпуская из рук охотничью куртку, наполненную битыми утками, он вдруг припадает к земле, и стая гусей пролетает совсем низко, а ты тем временем пытаешься загнать в ствол мокрый патрон. Наконец, это удается, гремит выстрел, но гуси уже далеко, мы опоздали, и вслед за выстрелом в воздух поднимается целая туча фламинго, окрашивая багрянцем небо над озером. Потом птицы садятся. Но теперь после каждого выстрела мы, обернувшись, видим мгновенный взлет этого феерического облака и вслед за тем его неторопливое оседание.

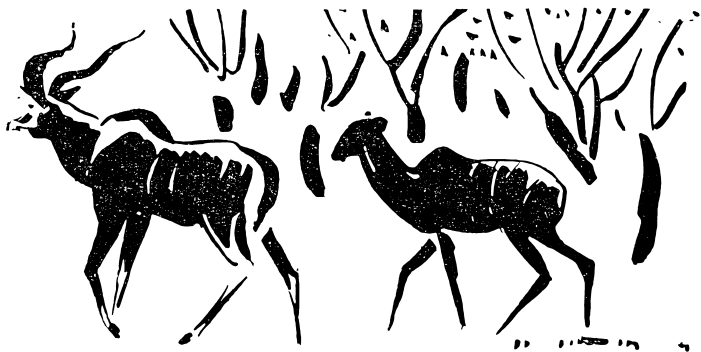
— М'Кола! — зову я и указываю рукой вперед.

— Ндио,— отвечает он, глядя на птиц.— М'узури,— и подает мне новую пачку патронов.

Нам и прежде случалось хорошо поохотиться, но самой добычливой была охота на озере, и потом, в пути, мы целых три дня ели холодных чирков, которые вкуснее всех диких уток,— мясо у них сочное и нежное. Мы их ели с острой приправой и запивали красным вином, купленным в Бабати,— ели, сидя у дороги в ожидании грузовиков, и потом на тенистой веранде маленькой гостиницы в Бабати, и поздней ночью, когда грузовики, наконец, прибыли и мы ужинали в доме отсутствующего друга наших друзей на высоком холме,— ночь была холодная, мы сели за стол в теплых куртках, и так как долго ждали грузовика, который потерпел аварию в пути, то выпили лишнее и теперь ощущали волчий аппетит; Мама танцевала под граммофон с управляющим кофейной плантацией и с Карлом, а я, измученный тошнотой и невыносимой головной болью, сидя со Стариком на террасе, топил все невзгоды в виски с содовой. Было темно и дул сильный ветер. Скоро на столе появились дымящиеся чирки со свежими овощами. Цесарки тоже отличное блюдо, и я даже припрятал одну в машине на вечер, но чирки оказались еще вкуснее.

Из Бабати мы проехали через холмы и лесную равнину до подножия горы, где приютилась небольшая деревушка и миссионерская станция. Здесь мы разбили лагерь для охоты на куду, которые, как нам сказали, водятся на холмах и в лесистых низинах.

* Королевский выстрел (франц.).

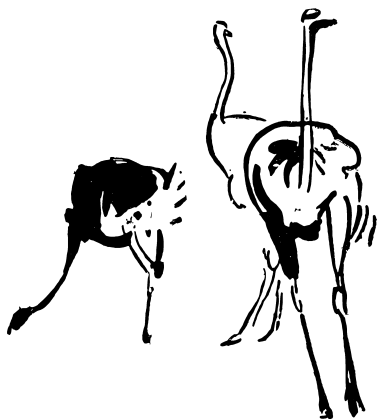
ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В лагере совсем не было тени — он стоял под деревьями, засохшими после того, как их окольцевали, чтобы прогнать мух цеце, а на холмах, поросших кустарником, было трудно охотиться, — приходилось одолевать крутые подъемы. Иначе обстояло дело в лесистых низинах, где мы разгуливали точно по оленьему парку. Но мухи цеце были повсюду: они роились вокруг, жестоко кусали руки, затылок и шею сквозь рубаху. Я не расставался с густой веткой, которой отгонял этих мух все пять дней; мы бродили здесь от зари до зари, возвращаясь домой в сумерках, смертельно усталые, но довольные прохладой и темнотой, с наступлением которой цеце прекращали свои налеты. Мы охотились поочередно в холмах и на равнине, и Карл все больше мрачнел, хотя ему удалось убить очень красивую чалую антилопу. С охотой на куду у него были связаны весьма сложные личные переживания, и, как всегда, растерявшись, он винил в своей неудаче всех и все: проводников, холмы, низины. Холмы его подвели, а в успех на низинах он не верил.

Я с надеждой ожидал, что вот он подстрелит куду и атмосфера разрядится, но каждый день его переживания осложняли охоту.

Карл оказался плохим спортсменом, ему не под силу было карабкаться по крутым склонам. Щадя Карла, я старался большую часть облав в холмах брать на себя. Но он, устав от бесполезных поисков, думал теперь, что куду водятся именно на холмах и, оставаясь внизу, он упускает случай.

За эти пять дней я встретил более десятка самок куду и одного молодого самца с табунком самок. Самки, крупные, серые, с полосатыми боками, со смехотворно маленькими головками и большими ушами, в страхе, спасая шкуру, стремительно и бесшумно скрылись в чаще. У самца на рогах уже появились первые завитки, но самые рога были короткие и нескладные, и когда в сумерках он промчался недалеко от нас по краю прогалины, третий в табунке из шести самок, он походил на настоящего самца не более, чем лосенок на большого, матерого лоса с могучей шеей, темной гривой, изумительными рогами и темно-рыжей шерстью.

В другой раз, на закате, когда мы возвращались в лагерь долиной меж холмами, проводники указали нам двух животных, которые промчались в лучах заходящего солнца по вершине холма, так что среди деревьев лишь на мгновение мелькнули их полосатые, серые с белым, бока. Если верить проводникам, это были самцы куду. Мы не разглядели рогов, а пока взобрались на холм, солнце уже село, и следов на каменистой почве не осталось. Но все же мы успели заметить, что ноги у них длиннее, чем у самок, так что, возможно, это и в самом деле были самцы. Мы рыскали среди каменных гряд до темноты, но ничего не нашли, и та же участь постигла Карла, которого мы послали сюда на другой день.

Мы часто вспугивали водяных антилоп и как-то раз, блуждая по каменистой гряде, над глубокой лощиной, приблизились к антилопе, которая слышала, но не учуяла нас. М'Кола схватил меня за руку, и мы замерли на месте, разглядывая антилопу, которая стояла в каких-нибудь десяти футах, красивая, с темным воротником вокруг мощной шеи, вся дрожа и раздувая поздри. М'Кола усмехался, крепко сжимая пальцами мое запястье, и мы наблюдали, как антилопа трепещет в предчувствии опасности, грозящей неизвестно откуда. Затем вдалеке тяжело

грохнуло старинное ружье туземного охотника, антилопа подпрыгнула и, почти перескочив через нас, понеслась вверх по гряде.

На другой день мы с женой бродили по лесистой равнине и, добравшись до ее края, где росли только группы кустов, слышали низкое, гортанное ворчание. Я взглянул на М'Кола.

— Симба, — сказал он с недовольным видом.

— Вапи? — прошептал я. — Где?

Он показал.

— Это лев, — шепнул я жене. — Должно быть, тот самый, чей рев мы слышали утром. Ступай-ка вон под те деревья.

Львиный рев мы слышали еще до рассвета, как только проснулись.

— Лучше я пойду с тобой.

— Ты забыла, что обещала Старикку? — сказал я. — Подожди там.

— Ну, хорошо, только, пожалуйста, будь осторожен.

— Я буду стрелять только наверняка.

— Хорошо.

— Идем, — скомандовал я М'Кола.

Лицо у него было хмурое и серьезное.

— Вапи симба? — спросил я.

— Там, — мрачно ответил он и указал вперед, на островки густой колючей зелени. Я сделал знак одному из проводников вернуться назад вместе с Мамой, и мы подождали, пока они отошли шагов на двести, к лесной опушке.

— Вперед, — скомандовал я. М'Кола все так же серьезно, без улыбки покачал головой, но повиновался. Мы двинулись очень медленно, вглядываясь в заросли, но ничего не могли разглядеть. Затем рычание послышалось снова, теперь уже подалше и правее нас.

— Нет! — запротестовал М'Кола. — Хапана, Бвана!

— Иди, иди! — шепнул я и, приставив указательный палец к щеке, добавил: «Куфа», — желая этим сказать, что всажу хищнику пулю в шею и уложу его наповал. М'Кола опять затряс головой, лицо его было мрачно и покрылось потом. — Хапана, — твердил он шепотом.

Перед нами был высокий муравейник, мы вскарабкались на него и огляделись. Но сквозь путаницу колючей зелени ничего нельзя было различить. Напрасно я надеялся отсюда увидеть льва, пришлось спуститься и пройти еще шагов двести сквозь заросли колючих растений, похожих на кактусы. Впереди снова послышалось ворчание, потом рык, очень низкий и внушительный. К этому времени мой пыл уже угас. Сначала я надеялся, что смогу с близкого расстояния сделать точный выстрел — ведь сумею я убить льва один, без Старика, такая победа долго радовала бы меня. Я твердо решил стрелять только наверняка; на моем счету было уже три льва, и я приобрел некоторый опыт,

но на этот раз волновался больше, чем за все время охоты в Африке. Я со спокойной совестью убил бы этого льва в отсутствие Старика, но сейчас мы рисковали попасть в беду. Лев отступал по мере нашего продвижения вперед, но отступал медленно. Ему явно не хотелось двигаться с места — должно быть, он наелся ранним утром, когда мы слышали его рев, и отяжелел. М'Кола все это не нравилось. Трудно сказать, что мучило его больше — ответственность за мою жизнь перед Стариком или острое сознание беспомощности в этой опасной охоте, но он был очень расстроен. В конце концов он положил руки мне на плечи, заглянул в лицо и трижды яростно потряс головой.

— Хапана! Хапана! Хапана, Бвана! — он протестовал, сетовал и молил.

«В конечном счете, какой смысл тащить его дальше, раз все равно стрелять невозможно?» — подумал я. Да я и сам рад был вернуться.

— Ладно, — сказал я. Мы вернулись обратно той же дорогой, пересекли открытую степь и добрались до деревьев, у которых ждала Мама.

— Ну что, видели его?

— Нет, — ответил я. — Но слышали рев три или четыре раза.

— Страшно было?

— Самую малость, только под конец. Но я пристрелил бы его с большим удовольствием, чем любого зверя на свете.

— Ох, как я рада, что вы вернулись! — сказала она. Я вытащил из кармана словарь и составил фразу на ломаном суахили. Для этого нужно было отыскать слово «нравиться».

— М'Кола нравится симба?

Теперь М'Кола снова обрел способность улыбаться, и китайские усики по углам его рта задвигались.

— Хапана, — сказал он и помахал рукой у себя перед носом. — Хапана!

«Хапана» означает «нет».

— Попробуем убить куду? — предложил я.

— Хорошо, — с чувством ответил М'Кола на суахили. — Лучше. Много лучше. Тендалла, да, да. Тендалла.

Однако мы не видели ни одного самца куду, пока стояли здесь лагерем, и через два дня двинулись в Бабасти, а оттуда в Кондоа и через всю страну к Хандени, на побережье.

Мне и прежде не по душе был этот лагерь, проводники, да и самая местность. У меня создалось впечатление, что вся лучшая дичь в этих краях уже перебита. Нам было известно, что здесь водятся куду и принц Уэльский застрелил антилопу как раз близ этого лагеря, но в нынешнем сезоне здесь уже побывали три охотничьи экспедиции, да и туземцы тоже охотятся — они якобы защищают свои посевы от бабуинов, но при встрече с туземцем, вооруженным мушкетом, кажется странным, что он преследует бабуинов за десять миль от своей шамбы, до самых

холмов, где обитают куду. Я решительно стоял за то, чтобы ехать дальше и попытать счастья в другом месте, около Хандени, где никто из нас еще не бывал.

— Ну, что ж, едем, — согласился Старик.

Новое место оказалось подлинной находкой. Куду то и дело пробегали через открытые поляны, а мы сидели и ждали, пока появятся еще более крупные, и били их на выбор. К тому же по соседству водились черные антилопы, и мы решили, что первый, кто убьет самца куду, отправится за ними. Я торжествовал, Карл тоже приободрился в этой новой, сказочной местности, где непуганные звери оказались такими доверчивыми, что нам просто совестно было стрелять их.

Едва рассвело, мы тронулись в путь без носильщиков, которые должны были снять лагерь и следовать за нами на двух грузовиках. Добравшись до Бабати, мы остановились в маленькой гостинице над озером, где пополнили свой запас консервов и выпили холодного пива. Затем мы повернули к югу. Дорога была хорошая, ровная, она пролежала через лесистые холмы над бескрайними массайскими степями и дальше прямоком через плантации, где высохшие, сморщенные старухи и старики гнули спины на маисовых полях; одна за другой убегали назад пыльные мили, и, наконец, миновав выжженную солнцем долину, где ветер вздымал на нашем пути тучи песка, мы доехали до немецкого гарнизонного городка Кандоа-Иранджи, где под деревьями белели красивые домики.

Мы велели М'Кола подождать грузовики на перекрестке, поставили свою машину в тень и отправились на военное кладбище, намереваясь затем нанести визит местным властям; но был час завтрака, и, не желая их беспокоить, мы обошли содержащееся в образцовом порядке живописное кладбище, где мертвецам не лучше и не хуже, чем во всяком другом месте, выпили пива в тени дерева, — здесь было так прохладно после нестерпимого солнечного жара, от которого тяжестью наливались шея и плечи, — и, отдохнув, сели в машину и выехали на дорогу, чтобы вместе с грузовиками двинуться на восток, к новым местам.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

То были новые для нас места, но мы то и дело встречали здесь давно знакомые приметы. Сначала мы ехали по дороге, истоптанной караванами и стадами, по скалистым уступам, потом — без дороги, по каменной осыпи, между рядами деревьев, пока не углубились в холмы. Все это очень походило на Арагон*, и я почувствовал, что мы не в Испании, лишь когда вместо вьючных мулов нам попалась навстречу кучка босоногих туземцев с непокрытыми головами. Их одежда состояла из куска белой ткани, завязанной у плеча наподобие тоги. Но туземцы скрылись из виду, и вот уже мне снова казалось, что я в Испании на горной тропе под высокими деревьями еду верхом, глядя, как по крупу передней лошади снует назойливая мошкара — та самая, что здесь, в Африке, одолевает львов. В Испании, если такая мошка заберется под рубаху, приходится раздеться, чтобы убить ее. Иначе она бежит по спине, забивается под мышки, лазает по животу и, если не поймать ее сразу, будет ползать с такой быстротой и ловкостью, не даваясь в руки, что поневоле разденешься догола.

В тот день, видя, как мошкара копошится под хвостом у лошади и сам жестоко страдая от нее, я испытывал такие же мучения, какие до этого испытал лишь раз в жизни, когда лежал в больнице, сломав правую руку пониже плеча, — она висела, как плеть, а острый осколок кости врезался в мышцу, образовалась опухоль и гнойный нарыв, который потом прорвался. Пять недель я не спал и однажды ночью, наедине со своей болью, вдруг подумал о том, что должен испытывать лось, спасаясь от охотника с перебитой лопаткой. В ту ночь я пере-

* Область на северо-востоке Испании.

жил все то же, что и он, от начала до конца, словно сам был ранен пулей, и в бреду воображал, должно быть, что меня постигло возмездие за грехи всех охотников.

Сидя рядом с шофером, я был так погружен в свои мысли, что не заметил, как «Арагон» остался позади и машина спустилась к песчаной реке шириной в полмили, окаймленной зеленью деревьев. По золотистому песку были разбросаны лесные островки; вода в этой реке текла под песком, животные приходили на водопой по ночам и выкапывали острыми копытами лунки, которые быстро наполнялись водой. Когда мы перebraлись через эту реку, день уже клонился к вечеру; навстречу нам то и дело попадались люди, которые покидали голодный край, лежавший впереди, а по сторонам мелькали теперь невысокие деревья да частый кустарник. Но вот, одолев крутой подъем, мы очутились среди голубых холмов, древних выветрелых холмов, где росли деревья, похожие на бук, а по склонам группами лепились хижинки, тянуло дымом, пастухи гнали домой коров, овец и коз, мелькали возделанные участки, и я сказал жене:

— Как похоже на Галисию.

— Да, верно. Сегодня мы побывали в трех испанских провинциях.

— Вот как? — удивился Старик.

— Никакой разницы. Только дома другие. А то место, куда нас привел Друпи, напоминает Наварру. Те же известняковые бугры, тот же рельеф, те же деревья у рек и родников.

— Удивительная это у человека способность — влюбляться в страну, — заметил Старик.

— Ох, как вы оба любите философствовать, — сказала Мама. — Но где же мы все-таки остановимся?

— Да хоть здесь, — отвечал Старик. — Не все ли равно? Была бы вода.

Мы разбили лагерь в тени деревьев, возле трех больших родников, куда здешние женщины ходили по воду, и мы с Карлом, бросив жребий, кому где охотиться, ушли бродить в сумерках вокруг двух ближних холмов, через дорогу от лагеря, над туземной деревушкой.

— Это страна куду, — сказал Старик. — Их можно встретить на каждом шагу.

Но я встретил в лесу только стадо домашнего скота и, поразившись после целого дня езды в машине, к вечеру возвратился в лагерь, где никто еще не спал. Моя жена и Старик в пижамках стояли у костра, а Карл все еще пропадал где-то.

Он вернулся очень серьезный — должно быть не встретил ни одного куду, — бледный, мрачный и молчаливый.

Позже, у костра, он спросил, куда мы ходили, и я объяснил, что мы охотились у подножия своего холма до тех пор,

пока наш проводник не услышал Карла и его спутников; тогда мы перевалили через холм и вернулись в лагерь.

— То есть как это «услышал»?

— Так он сказал. И М'Кола тоже.

— По-моему, мы тянули жребий, кому где охотиться!

— Да, конечно,— ответил я.— Но мы не знали, что забрели на ваш участок, пока не выяснилось, что вы поблизости.

— А сами-то вы нас слышали?

— Слышал какой-то шум,— ответил я.— А когда приставил ладонь к уху, проводник что-то сказал М'Кола, и тот говорит: «Бвана». Я спросил: «Который Бвана?», он ответил: «Бвана Кабор» — то есть вы. Тут мы поняли, что дальше нам путь заказан, и вернулись.

Карл промолчал, но вид у него был сердитый.

— Не обижайтесь,— сказал я.

— Я не обижаюсь. Просто устал.

Я охотно поверил ему, потому что трудно найти человека великодушнее, отзывчивее и самоотверженнее Карла, но, одержимый мыслью о куду, он был просто сам не свой.

— Хоть бы он поскорее добыл себе куду,— сказала Мама, когда Карл ушел в свою палатку принимать ванну.

— Вы забрались на его участок? — спросил Старик.

— И не думали.

— Ну, ничего, он убьет куду там, куда мы едем. Может быть, ему посчастливится даже убить самца с рогами в пятьдесят дюймов.

— Дай ему бог,— отозвался я.— Но, должен признаться, я тоже не прочь уложить такого куду.

— Уложите, дружище,— заверил меня Старик.— Не сомневаюсь в этом.

— Но когда же? Осталось десять дней.

— Мы еще и черных антилоп настреляем, вот увидите. Пусть только начнет везти.

— Сколько времени вам приходилось подстерегать куду, если место удачное?

— Бывает, что и недели три пройдет, а проклятые твари ни разу не попадутся на глаза. А бывает — они сами лезут под пулю в первое же утро. Ничего нельзя знать заранее, как и вообще, когда охотишься на крупного зверя.

— А я такую охоту люблю,— ответил я.— Но почему этому малому так везет, а, Старик? Он убил лучшего буйвола, лучшего носорога, лучшую водяную антилопу...

— Зато у вас будет лучший сернобык.

— Подумаешь, сернобык!

— Его голова очень украсит ваш дом.

— Ладно, я ведь шучу.

— А какая у вас палу, какая газель! Есть и первосортная водяная антилопа. Ваш леопард не хуже, чем у Карла. Но Карл

заткнет вас за пояс там, где все зависит от удачи, потому что он счастливчик, ему поразительно везет. А между тем этот славный парень в последнее время даже аппетит потерял.

— Вы знаете, как хорошо я к нему отношусь. Не хуже, чем к другим. Но хотелось бы, чтобы он был повеселее. Что это за охота, если принимать все так близко к сердцу!

— Имейте терпение. Он подстрелит куду на следующей стоянке и будет на верху блаженства.

— Я просто несносный ворчун,— сказал я.

— Разумеется,— подтвердил Старик.— А не выпить ли нам?

— Пожалуй.

Из палатки вышел Карл, уже спокойный, приветливый и кроткий, как всегда.

— Поскорей бы добраться до новых мест,— сказал он.

— Да, это будет чудесно.

— Расскажите об этих местах, мистер Филипс,— обратился Карл к Старiku.

— Я там не бывал. Но, говорят, там очень приятно охотиться. Антилопы пасутся на открытых местах. Один старый голландец меня уверял, что в тех краях попадаются замечательные экземпляры.

— Надеюсь, вам достанется зверь с рогами дюймов в шестьдесят,— сказал Карл, обращаясь ко мне.

— Это вам он достанется.

— Нет,— возразил Карл.— Не смейтесь надо мной. Я буду доволен, если убью хоть какого-нибудь.

— Думаю, что вы застрелите доброго самца,— заметил Старик.

— Не смейтесь,— повторил Карл.— Мне и так уже достаточно везло все время. Я буду доволен любым куду, хотя бы самым плохоньким.

Он, конечно, читал наши мысли, но по доброте своей мог все понять и простить.

— Славный вы человечище, Карл,— сказал я, воодушевленный виски, нашим взаимопониманием и добрыми чувствами.

— Замечательная у нас жизнь здесь, правда? — воскликнул Карл.— А где же милая Мама?

— Здесь,— отозвалась Мама из темного угла.— Я ведь тихонькая, вы знаете.

— Ей-богу, это верно,— согласился Старик.— Однако вы умеете живо приструнить своего муженька, когда он разойдется.

— За это и любят женщин во всем мире,— ответила Мама.— Скажите мне еще какой-нибудь комплимент, мистер Джексон.

— Ну, например, вот: вы отважны, как маленький терьер (Старик, как и я, в этот вечер, кажется, выпил лишнего).

— Как это мило! — Мама откинулась в кресле, обхватив

руками колени. Подняв глаза, я увидел в свете костра ее голубую фланелевую пижаму и блики огня на черных волосах.— Люблю, когда вы сравниваете меня с терьером. В такие минуты я уверена, что разговоры о войне не заставят себя ждать. А кстати, кто-нибудь из вас был на войне?

— Только не я,— отозвался Старик.— Был там ваш муж, самый отчаянный храбрец на свете, блестящий охотник и гениальный следопыт.

— Теперь, когда он пьян, мы, наконец, слышим истинную правду,— заметил я.

— Давайте ужинать,— сказала Мама.— Я умираю с голоду.

Чуть свет наша машина выбралась на дорогу, миновала деревню, проехала через густой кустарник и очутилась на краю равнины; солнце еще не успело разогнать туман, а далеко впереди паслась антилопа, огромная и серая в слабом утреннем свете. Мы остановили машину около кустов, присели на землю и в бинокль увидели еще ближе к нам целое стадо конгоны и среди них единственного сернобыка, похожего на откормленного масайского осла с темной шерстью и великолепными черными, откинутыми назад рогами, которые показывались над травой всякий раз, как он поднимал голову.

— Хотите попытать счастья? — спросил я у Карла.

— Нет. Лучше вы.

Я знал, что он терпеть не может подкрадываться и стрелять на глазах у других, и поэтому согласился. Меня на это толкал и эгоизм, чуждый Карлу. К тому же у нас давно кончилось свежее мясо.

Я зашагал по дороге, не глядя на животных, притворяясь равнодушным, и закинул ружье за левое плечо, чтобы они не могли его видеть. Они, казалось, не обратили на меня внимания и продолжали пастись. Но я знал, что стоит мне сделать шаг в их сторону, как они обратятся в бегство. Поэтому, заметив краешком глаза, что сернобык опустил голову и снова принялся щипать траву, я решил, что пора стрелять, сел на землю, пропустил руку через ремень, и как только сернобык встрепенулся и прыгнул в сторону, прицелился ему в загривок и спустил курок. Обычно охотник не слышит выстрела, но я слышал, как цокнула пуля, и в то же мгновение сернобык кинулся вправо, и вся равнина, озаренная восходящим солнцем, сразу ожила: точно игрушечные лошадки, поскакали галопом длинноногие, смешные конгоны; раскачиваясь на бегу, помчалась антилопа и второй сернобык, которого я раньше не видел. Среди всего этого движения и переполоха выделялся мой сернобык, который трусил мелкой рысцой, высоко задрав рога. Я встал, чтобы свалить его на бегу — в прорези прицела он казался совсем крошечным,— прицелился в шею, спустил курок, и сернобык упал, дрыгая ногами, раньше чем я услышал треск

пули, раздробившей кость. Вторым, еще более удачным выстрелом я с очень далекого расстояния перебил ему заднюю ногу.

Я бросился было бежать, но затем из осторожности перешел на шаг, чтобы сернобык не сбил меня, если вскочит и пустится наутек. Однако он успокоился навеки. Свалился он так внезапно, и пуля поразила его с таким треском, что я испугался за целостность рогов, но, подойдя, обнаружил, что он был смертельно ранен первой пулей, угодившей ему в хребет, а когда я перебил ему ногу, он упал. Подошли остальные, и Чаро всадил в сернобыка нож, чтобы мясо можно было есть правоверным.

— Куда вы целились во второй раз? — спросил Карл.

— Никуда. Взял чуть выше и вперед.

— Красивый выстрел, — заметил Дэн.

— Вечером он уже будет уверять, что раздробил ему заднюю ногу намеренно и что это его излюбленный прием, — вмешался Старик. — Вы никогда не слышали, как он разглагольствует на такие темы?

В то время как М'Кола возился с головой сернобыка, а Чаро разделывал тушу, подошел длинный, худой масай с копьём, поздоровался и постоял немного на одной ноге, наблюдая за работой. Потом он заговорил со мной, и я позвал Старика. Масай повторил то же самое Старiku.

— Он спрашивает, будете ли вы еще охотиться, — перевел Старик. — Ему нужны шкуры, но не шкуры сернобыков. Они, по его мнению, ничего не стоят. Он спрашивает, не хотите ли вы убить парочку конгони или антилопу. Их шкуры ему больше нравятся.

— Скажите ему, что этим я займусь на обратном пути.

Старик торжественно перевел мои слова. Масай пожал мне руку.

— Скажите ему, что он всегда может найти меня в «Нью-Йоркском баре» у Гарри, — продолжал я.

Масай сказал еще что-то и почесал одну ногу о другую.

— Он спрашивает, зачем вы стреляли в сернобыка два раза.

— Скажите ему, что по обычаям нашего племени мы утром всегда убиваем дважды; днем мы убиваем только раз, а вечером сами уже наполовину мертвы. И еще скажите, что он может найти меня в любое время в Нью-Стэнли или у Торра.

— Он спрашивает, что вы делаете с рогами.

— Скажите ему, что по обычаям нашего племени мы дарим рога самым богатым друзьям. Еще скажите, что это очень волнующее событие, и порой за некоторыми нашими соплеменниками гоняются люди с незаряженными пистолетами. Скажите, что он может найти меня в моей книге.

Старик что-то сказал масаю, мы снова обменялись рукопожатием и расстались самым дружеским образом. Сквозь туман мы разглядели на дальнем краю равнины еще нескольких

масаев, которые шли по дороге сильно сгибая колени, с коричневыми шкурами на плечах, с копьями, поблескивавшими в утреннем свете.

Но вот мы уже в машине. Голова сернобыка завернута в холщовый мешок, туши висят под щитом, очищенные от крови и пыли, равнина кончилась, густой кустарник снова теснится у самой дороги, и мы катим по красному песку, минуя гряды холмов, к маленькой деревушке Кибайя, где есть беленькая гостиница, магазин и множество возделанных участков. Здесь Дэн сидел однажды на стоге сена, поджидая, не придет ли какой-нибудь куду пастись на маисовое поле, как вдруг появился лев и чуть не сцапал Дэна. С тех пор деревушка Кибайя была для нас овеяна славными воспоминаниями, и поскольку прохлада еще держалась и солнце не успело высушить росу, я предложил, для того чтобы деревушка стала нам еще более памятна, распить бутылочку немецкого пива с серебряной фольгой вокруг горлышка и черно-желтой этикеткой, на которой изображен всадник в доспехах. Сказано — сделано. Затем, выяснив, что дорога впереди вполне проезжая, мы попросили передать шоферам грузовиков, чтобы они следовали за нами на восток, и, покинув историческую деревушку, двинулись к побережью, в царство куду.

Все время, пока солнце поднималось к зениту и жара усиливалась, мы ехали по местности, которую Старик охарактеризовал как «миллион миль проклятой Африки». Кустарник подступал вплотную к дороге, образуя непролазный, низкорослый подлесок.

— Здесь попадаются очень крупные слоны, — сказал Старик. — Но охотиться на них нет никакой возможности. Поэтому они такие здоровенные. Просто, не так ли?

После долгого путешествия по «стране миллиона миль» замелькали сухие, песчаные, окаймленные кустарником степи, которые солнце превратило в настоящую пустыню с редкими островками растительности там, где была вода: степи эти, по словам Старика, напоминали северную пограничную область Кении.

Мы высматривали темных, длинношеих геренуков*, своими повадками удивительно напоминающих жуков-богомолов, и мелких куду, которые, как мы слышали, водятся в этих пустынных местах; но солнце стояло уже высоко и все живое попряталось. Наконец, дорога поползла вверх, на низкие синие от леса холмы, отделенные друг от друга целыми милями редкого кустарника, а впереди огромные, точно горы, дыбились два крутых лесистых холма. Они стояли по обе стороны дороги, и, подъехав к тому месту, где красная полоса песка суживалась, мы встретили стадо во много сотен голов, которое гнали

* Геренук — иначе жирафовая газель.

на побережье скупщики скота из Сомали; главный скупщик шел впереди, эффектный в своем белом тюрбане и национальном костюме, в руке он нес зонтик, торжественно, как символ власти. Мы с трудом выбрались из стада, миновали живописные рощицы, проехали между двумя горами и на небольшом низком плато, в полумиле от них, увидели глиняные, крытые тростником хижины туземной деревни. Отсюда горы казались очень красивыми, склоны их были покрыты лесом, а выше виднелись известняковые обнажения, открытые прогалины и луга.

— Это здесь?

— Да, — сказал Дэн. — Нужно отыскать место старой стоянки.

Очень дряхлый, сморщенный дед с седой щетиной на подбородке, одетый в грязный, некогда белый кусок полотна, сложенный на плече на манер римской тоги, вышел из-за хижины и повел нас назад по дороге, а потом влево, к очень удобной лагерной стоянке. Вид у бедняги был жалкий; после того как Старик и Дэн поговорили с ним, он с еще более жалким видом побрел прочь, чтобы привести проводников, чьи имена были записаны на клочке бумаги, — их рекомендовал один голландский охотник, большой приятель Дэна, побывавший здесь год назад.

Мы вынули из машины сиденья, чтобы воспользоваться ими вместо стола и скамеек, расстелили куртки в густой тени высокого дерева, позавтракали и выпили пива, а потом в ожидании грузовиков дремали или просто лежали с книгой. Еще до прибытия грузовиков вернулся дед с самым тощим, голодным и жалким представителем племени вандеробо, который все время стоял на одной ноге и скреб в затылке; он был вооружен луком, колчаном со стрелами и копьем. Когда мы стали расспрашивать, тот ли это проводник, чье имя у нас записано, дед сознался, что не тот, и, совсем уже сконфуженный, отправился за рекомендованными проводниками.

Когда мы проснулись, дед уже стоял рядом с двумя проводниками-профессионалами, с ног до головы одетыми в хаки, и еще с двумя жителями деревни, почти голыми. После долгих переговоров старший из двух проводников в защитных шта-

нах показал бумагу, адресованную «всем заинтересованным лицам» и удостоверявшую, что податель сего хорошо знает местность, надежный человек и способный следопыт. Удостоверение было подписано каким-то охотником. Проводник в хаки назвал этого охотника «Бвана Симба» — «Истребитель Львов», — чем привел нас в бешенство.

— Должно быть, какой-нибудь проходимец, раз в жизни подстреливший льва, — сказал Старик.

— Скажите ему, что я — Бвана Физи, истребитель гиен, — попросил я Дэна. — Бвана Физи душит их голыми руками.

Дэн сказал туземцу что-то явно не то.

— Спросите, хотят ли они увидеть Бвану Жабу, отца всех жаб, и Маму Тзигги, повелительницу саранчи.

Дэн и не подумал перевести это туземцам. Разговор, видимо, шел о деньгах. После того как договорились насчет обычной поденной платы, Старик обещал туземцам за каждого убитого куду по пятнадцати шиллингов.

— Вы хотите сказать — фунт, — возразил старший проводник.

— Я вижу, они себе цену знают, — заметил Старик. — Должен признаться, мне не очень-то по душе этот парень, несмотря на то, что пишет о нем «Бвана Симба».

Кстати, как мы потом узнали, Бвана Симба был прекрасный охотник и пользовался на побережье самой доброй славой.

— Будем тянуть жребий и поделим их между собой, — предложил Старик. — Каждому достанется один голый и один в штанах. Между прочим, я лично предпочитаю голых проводников.

Но когда мы предложили двум обладателям штанов и рекомендации выбрать себе по голому партнеру, обнаружилось, что из этой затеи ничего не выйдет. Главный горлопан, финансовый гений и, как выяснилось, не менее гениальный актер, который представлял в лицах, как Бвана Симба убил в последний раз куду, прервал свою пантомиму и заявил, что будет охотиться только с Абдуллой, коротеньким большеносым грамотеем: они, мол, всегда охотятся вместе, так как сам он не ходит по следу. Потом он возобновил пантомиму, в которой изображались Бвана Симба, еще один персонаж, именуемый Бвана Доктор, и рога-тые твари.

— В таком случае, поделим их по-другому: двое голых следопытов или эти два ученых оксфордца, и будем тянуть жребий, — решил Старик.

— Мне противен этот кривляка, — сказал я.

— А может, он мастер своего дела. — Старик сказал это неуверенно. — Притом вы ведь и сами отличный следопыт. Дед уверяет, что два других — хорошие проводники.

— Покорно благодарю. Ну, жребий так жребий, черт с вами. Держите соломины.

Старик зажал в кулаке две соломинки.

— Кто вытащит длинную — берет Давида Гаррика и его приятеля, — объяснил он. — А кто короткую — двух голых молодцов.

— Хотите тянуть первым?

— Валяйте вы, — ответил Карл.

Я вытащил Давида Гаррика и Абдуллу.

— Эх, мне-таки достался этот проклятый трагик.

— Ну, быть может, вы об этом не пожалеете, — утешил меня Карл.

— Хотите меняться?

— Нет. Но он может оказаться чистейшим золотом.

— Теперь разыграем места охоты. Тот, кто вытянет длинную соломинку, получает право первого выбора, — сказал Старик.

— Ладно, тяните.

Карл вытащил короткую соломинку.

— Что же мы выберем? — спросил я у Старика.

Начались долгие переговоры, во время которых Актер врал, будто он убил полдюжины куду из всевозможных засад или подкрадываясь по открытому месту, устраивая облавы или выпугивая зверей из кустов.

Наконец, Старик сказал:

— Говорят, неподалеку есть что-то вроде солонца, куда антилопы приходят лизать соль, и там их убивают тысячами. Кроме того, бродя вокруг холма, можно чуть ли не в упор стрелять бедняжек на открытом месте. Если у вас железное здоровье, можно карабкаться на скалы, — оттуда их бьют, когда они выходят пастись.

— Я выбираю солонец.

— Но помните — стрелять только самых крупных, — сказал Старик.

— Когда же в путь? — осведомился Карл.

— На солонец нужно идти ранним утром, — сказал Старик. — Но вы, старина Хем, если хотите, можете осмотреть его еще сегодня вечером. До него миль пять по дороге, а дальше — пешком. Берите машину и отправляйтесь первым. А вы, Карл, можете снова отправиться в холмы когда угодно, пусть только немного спадет жара.

— А как же Мемсаиб? — спросил я. — Ехать ей со мной?

— Не советовал бы, — серьезно ответил Старик. — Чем меньше с вами будет людей, тем лучше.

В тот вечер М'Кола, Актер, Абдулла и я вернулись вечером, когда стало уже прохладно, и подошли к костру очень взволнованные: почва на солонце оказалась взрытой и была усеяна глубокими и свежими вмятинами, среди которых мы обнаружили следы нескольких крупных самцов куду. Шалаш там был очень удобный для засады, и я испытывал такую уверенность, что убью куду на другое же утро, словно мне предстояло стре-

лять уток из хорошего укрытия при множестве подсадных и в прохладную погоду, когда стая непременно должна прилететь.

— Дело верное. Нет ничего проще. Даже совестно! Этот актеришка, как бишь его? Бут, Бэррэт, Мак-Кэллоф — ну, вы знаете, о ком я говорю...

— Чарлз Лафтон, — подсказал Старик, попыхивая трубкой.

— Вот, вот! Фред Астэр, местная и мировая знаменитость. Так знаете ли — он просто виртуоз. Сразу отыскал шалаш и все прочее. Привел нас к солонцу. В два счета определил направление ветра, подбросив в воздух пригоршню пыли. Настоящее сокровище. Видно, их обучал этот Бвана Симба. Старик, считайте, что куду уже в нашей кладовке. Важно только суметь сохранить мясо и выбрать наиболее крупных. Завтра я убью на этом солонце двух самцов сразу. Да, друзья мои, я вполне удовлетворен!

— Чего это вы успели хлебнуть?

— Ни капли в рот не брал, ей-богу!..

— Ну, тогда возьмем ему стаканчик в глотку и посмотрим, не замолчит ли он, — предложил Старик Маме.

— Уже молчу! Но, честное слово, я полон радостных чувствий.

Как вы думаете, кто появился в это мгновение в лагере? Разумеется, старина Карл с двумя голыми дикарями и своим коротышкой — ружьеносцем Чаро. В свете костра лицо Карла имело какой-то землистый оттенок. Он молча снял свою широкополую шляпу.

— Ну, как, подстрелили что-нибудь? — осведомился он.

— Нет. Но зверье там есть. А вы что делали?

— Бродил вдоль этой несносной дороги. Откуда взяться куду у дороги, когда там полно скота, везде хижины и люди?

Карл был на себя не похож, и я решил, что он заболел. Он появился, как череп на пиру, в ту минуту, когда нам было весело и мы дурачились всю. Я снова не выдержал и сказал:

— Мы ведь тянули жребий.

— Конечно, — подтвердил Карл с горечью. — И, значит, я должен охотиться у дороги. Чего ж тут ожидать? Разве так охотятся на куду?

— Завтра утром вы убьете куду на солонце, — с нарочитой веселостью заверила его Мама.

Я выпил стакан виски с содовой и услышал свой собственный бодрый голос:

— Да, да, утром вы наверняка убьете куду на солонце.

— Утром туда поедете вы.

— Нет, вы. Я уже побывал там сегодня вечером. Мы будем чередоваться. Так было условлено. Верно, Старик?

— Разумеется, — отозвался Старик. Мы избегали смотреть друг другу в глаза.

— Выпейте виски, Карл, — предложила Мама.

— Спасибо.

Мы ужинали молча. Уже в постели, в палатке, я упрекнул жену:

— Дернуло же тебя ляпнуть, что он будет охотиться утром на солонце!

— Кажется, я не то хотела сказать... Напутала. Не будем говорить об этом.

— Мне так повезло, когда тянули жребий. Нельзя идти против жребия. Ведь это единственный способ уравнять шансы.

— Ладно, оставим это.

— Мне кажется, Карл нездоров, он просто на себя не похож. Он в таком бешенстве от неудач, что способен распугать все зверье на нашем солонце.

— Прошу тебя, не надо больше об этом.

— Не буду.

— Вот и хорошо.

— Что ж, во всяком случае, мы его успокоили.

— Не думаю. Ну, довольно, перестань, пожалуйста.

— Молчу.

— Вот и хорошо.

— Спокойной ночи,— помолчав, сказала она.

— Спи спокойно. К черту всю эту ерунду!

— Спокойной ночи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Наутро Карл со своими людьми отправился на солонец, а Гаррик, Абдулла, М'Кола и я, перейдя дорогу, двинулись вверх по сухому руслу наискосок от деревни и стали подниматься в гору. Мы лезли в тумане по усыпанному галькой сухому дну, так густо поросшему кустарником, что приходилось идти согнувшись как бы по крутому туннелю, образованному ветвями и лианами. Я потел так, что намокли фуфайка и верхняя рубаша; когда же мы взобрались на высокий горный уступ и остановились, глядя вниз, на облака, нависшие над долиной, я озяб от утреннего ветерка и накинул плащ. Я не мог усидеть на месте и подал Гаррику знак идти дальше. Мы одолели склон горы и, поднявшись выше, пошли назад, потом перевалили на противоположный, теневой склон, останавливаясь над каждой долиной, чтобы внимательно осмотреть ее в полевой бинокль. Наконец, мы достигли чашеобразной долины, напоминавшей амфитеатр; по дну ее среди ярко-зеленой травы бежал ручеек, а дальний склон и весь нижний край поросли лесом. Мы сели в тени скал, защищавших нас от ветра, и, глядя в бинокли, увидели на противоположных склонах, освещенных восходящим солнцем, двух самок куду с детенышем — они паслись на опушке леса, торопливо ощиывая листья и молодые побеги, потом внезапно подняли головы, настороженно вглядываясь вдаль, как делают все животные, когда пасутся среди деревьев. На равнине они видят так далеко, что чувствуют себя уверенно и пасутся спокойно, — не то что в лесу. Мы смогли разглядеть даже белые вертикальные полосы на серых боках, и, сидя высоко в горах этим ранним утром, я с удовольствием наблюдал за антилопами. Но вдруг

мы услышали гул, как от обвала. Я подумал сначала, что это рухнула скала, но М'Кола сказал тихо:

— Бвана Кабор! Пига!

Мы прислушивались, ожидая второго выстрела, но кругом было тихо, и я решил, что Карл убил, наконец, куду. Самки, за которыми мы наблюдали, при звуке выстрела замерли было, насторожившись, потом снова стали щипать траву. Однако они все время держались леса. Мне вспомнилась старая пословица индийских охотников: «Один выстрел — есть мясо. Два выстрела — как знать. Три выстрела — кукиш вместо мяса», — и я достал словарь, чтобы перевести эту пословицу М'Кола. Она показалась ему забавной, он засмеялся и покачал головой. Мы осматривали долину в бинокль до тех пор, пока солнце не настигло нас, а потом бродили по противоположному склону горы и в другой красивой долине видели то место, где какой-то Бвана, которого туземцы упорно именовали «Бвана Доктор», подстрелил замечательного самца куду; пока мы смотрели сверху на долину, там показался какой-то масай, и я сделал вид, будто хочу выстрелить в него. Гаррик заволновался и с трагическими жестами стал твердить, что там человек, человек, человек!

— А в человека разве стрелять нельзя? — спросил я.

— Нет! Нет! Нет! — воскликнул он, прикладывая руку ко лбу. Я с притворной неохотой опустил ружье, разыграв эту комедию для того, чтобы позабавить ухмылявшегося М'Кола.

Так как стало очень жарко, мы двинулись через луг, где трава была по колено и буквально кишела крупной красноватой прозрачнокрылой саранчой, которая тучами поднималась вокруг нас, жужжа, как косилка, потом вверх по невысоким холмам, вниз по длинному крутому склону и, наконец, долиной, в которой тоже густо роилась саранча, в лагерь, где мы уже застали Карла с его добычей.

Когда я проходил мимо палатки свежесвалыщика, он показал мне отрезанную голову антилопы, с которой капюшоном свисала шкура, а там, где череп был отделен от позвоночника, сочилась еще не запекшаяся кровь. Это был какой-то странный и жалкий куду. Лишь морда от глаз до ноздрей, гладко серая, с белыми отметинами, да длинные изящные уши были хороши. На глазах, уже затянутых пленкой, сидели мухи, а рога, тяжелые, шершавые, вместо того чтобы завиваться вверх, круто изгибались в стороны. Это была удивительная голова, массивная и уродливая.

Старик сидел под тентом с книгой и курил трубку.

— Где Карл? — спросил я.

— Наверно, в своей палатке. Ну, что вы сегодня поделывали?

— Бродили вокруг холма. Видели двух куду.

— Ужасно рад за вас,— сказал я Карлу, останавливаясь у входа в его палатку.— Расскажите, как это вам удалось?

— Мы караулили в засаде и туземцы подали мне знак пригнуться, а когда я поднял голову, куду стоял уже совсем близко. Он показался мне огромным.

— Мы слышали ваш выстрел. Куда попала пуля?

— Кажется, сначала в ногу. Потом мы погнались за ним, и я стрелял еще несколько раз, пока не свалил его.

— А я слышал только один выстрел.

— Нет, их было три или четыре.

— Наверное, горы заглушали выстрелы, раз вы ушли в сторону... А рога у него массивные и раскидистые.

— Спасибо,— сказал Карл.— Надеюсь, вам достанется еще лучшая добыча. Проводники уверяют, что там был и второй самец, но я его не видел.

Я вернулся к нашему тенту, где сидели Старик и Мама. Оба, видно, были не в восторге от этого куду.

— Что это вы такие невеселые? — удивился я.

— Ты видел голову? — спросила моя жена.

— Конечно.

— Какое уродство!

— Ну, что ж, это куду. На солонце был еще один, надо туда съездить.

— Да, да, Чаро и следопыты уверяют, что там был еще один самец, крупный, с замечательными рогами.

— Вот и прекрасно. Этого убью я.

— Если только он придет опять.

— Как хорошо, что Карлу, наконец, повезло,— сказала Мама.

— Бьюсь об заклад, он еще убьет самого крупного куду на свете,— отозвался я.

— Я пошлю его с Дэном за черными антилопами,— сказал Старик.— Так мы условились: первый, кто убьет куду, идет добывать черных антилоп.

— Что ж, это правильно.

— А потом, как только и вы добудете себе куду, мы отправимся следом за ними.

— Чудесно!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

**НЕУДАЧНАЯ
ОХОТА**

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Все это было раньше, — казалось, целый год прошел с тех пор. И вот теперь, в жаркий солнечный день, после того как я подстрелил цесарку, мы едем в машине на солонец за двадцать восемь миль от лагеря, потеряв попусту пять дней сначала на том солонце, где повезло Карлу, потом в холмах, высоких и низких, потом на равнине, и в довершение всего нам сорвал охоту грузовик этого австрийца. А я все время помнил, что до отъезда остается только два дня! М'Кола тоже помнил это, — мы теперь охотились вместе как равные и не смотрели больше друг на друга с чувством превосходства. Нас мучила одна мысль — что время не ждет, и досада, что мы не знаем местности и всецело зависим от проводников, которые навязались нам на шею.

Наш шофер, Камау, был из племени кикуйу; этот тихий человек лет тридцати пяти в старой суконной куртке, брошенной за негодностью каким-то охотником, в штанах с огромными, уже прохудившимися заплатами на коленях и сильно заношенной рубаше, каким-то чудом ухитрялся всегда выглядеть даже щеголеватым. Скромный и молчаливый Камау отлично знал свое дело; сегодня, когда мы выехали из зарослей на голую пустынную равнину, я посмотрел на него, такого опрятного в старой куртке, заколотой английской булавкой, и вспомнил, как этот человек, чья неизменная приветливость, скромность и мастерство так восхищали меня, едва не умер от лихорадки во время нашего первого путешествия, а я тогда боялся только одного: остаться без шофера. Теперь смерть нашего Камау при любых обстоятельствах глубоко огорчила бы меня...

Отгнав эти сентиментальные мысли о далекой и мало вероятной кончине Камау, я стал размышлять о том, с каким

удовольствием всадил бы хороший заряд дробь в зад Давиду Гаррику, когда он разыгрывает великого следопыта, и поглядел бы, какую он скорчит рожу. И вдруг в эту самую минуту мы подняли вторую стаю цесарок. М'Кола протянул мне ружье, но я отрицательно покачал головой. Он энергично закивал в ответ, сказал: «Правильно! Очень правильно!» — а я велел Камау ехать дальше. Гаррик взволновался и произнес целую речь: «Разве нам не нужны цесарки? Так вот же они. И какие замечательные!» Но я не слушал его. Если верить спидометру, до солонца оставалось не более трех миль, а в мои планы вовсе не входило распугать антилоп стрельбой, как спугнул куду грузовик австрийца в тот раз, когда мы притаились в засаде.

Мы вылезли из машины возле группы чахлах деревьев, милях в двух от места, и по песку зашагали к ближайшему солонцу, расположенному на поляне слева от тропы.

Около мили мы прошли совершенно бесшумно, гуськом — впереди Абдулла, за ним я, за мной М'Кола и Гаррик. Дальше началась слякоть. Там, где песок покрывал глину лишь тонким слоем, стояли лужи, и было ясно, что здесь прошел сильный дождь и впереди такая же грязь. Я не сразу понял, чем это нам грозит, но Гаррик развел руками, глянул на небо и яростно оскалил зубы.

— Плохо,— прошептал М'Кола.

Гаррик заговорил во весь голос.

— Заткнись, бездельник! — прошипел я и приложил палец к губам. Но он продолжал что-то говорить, не понижая голоса, и указывал то на небо, то на размытую дождем дорогу, а я тем временем искал в словаре слово «молчать». Не найдя его, я решительно зажал Гаррику рот ладонью и тут только он замолчал, опешив от удивления.

— М'Кола! — позвал я.

— Да?

— Что он говорит?

— На солонце плохо.

— Ага!

Вот оно что. А я-то думал, дождь только облегчает работу следопыта.

— Когда был дождь? — спросил я.

— Этой ночью.

Гаррик опять что-то залопотал, и я снова зажал ему рот.

— Кола.

— Да?

— Есть другой солонец,— я указал в сторону большого лесного солонца, который, как я знал, был расположен значительно выше,— ведь мы поднялись в гору очень немного.— Другой хорош?

— Может быть.

М'Кола что-то тихо сказал Гаррику, который, видимо, был глубоко обижен, но больше не открывал рта, и мы пошли, обходя лужи, по направлению к глубокой впадине, которая, наверно, была почти затоплена. Гаррик шепотом начал новый монолог, но М'Кола заставил его замолчать.

— Вперед, — скомандовал я, и мы во главе с М'Кола зашагали в сторону верхнего солонца по сырому песку старого речного русла.

Вдруг М'Кола застыл на месте, потом наклонился и шепнул мне: «Человек». Мы увидели след.

— Шенци, — произнес он. Это означало «туземец».

Мы пошли по следу, медленно пробираясь между деревьями, осторожно подкрались к солонцу и укрылись в шалаше, М'Кола покачал головой.

— Нехорошо, — сказал он. — Пойдем.

Мы пошли на солонец. Все, что здесь произошло, можно было без труда прочесть на сырой почве. Мы увидели следы трех крупных антилоп на пригорке — там, где животные спускались на солонец. Рядом другие, глубокие, словно вырезанные ножом следы — тут куду бросились бежать, когда запела тетива лука, — и расплывчатые отпечатки копыт там, где они взбирались наверх, а еще дальше следы вели в чащу. Мы осмотрели землю на всем пути антилоп, но следов человека не обнаружили: охотник с луком упустил добычу.

М'Кола со злостью повторил: «Шенци!» Мы прошли немного по следу человека, который вел обратно к дороге. Потом засели в шалаше и вылезли оттуда, лишь когда смерклось и стал накрапывать дождь. Антилопы так и не пришли. Мы под дождем побрели к машине. Какой-то туземец охотился на наших куду, спугнул их, и теперь на этот солонец нечего было рассчитывать.

Камау соорудил тент из большой брезентовой подстилки, повесил под ним мою москитную сетку и расставил складную койку, М'Кола внес под навес наши продукты, а Гаррик и Абдулла развели костер и вместе с Камау и М'Кола занялись стряпней. Они собирались спать в грузовике. Моросил дождь, и, укрывшись от него под навесом, я разделся, надел теплую пижаму, потом, сев на койку, съел кусок жареной цесарки и выпил две кружки виски пополам с водой.

Вошел М'Кола, серьезный, озабоченный, неуклюже двигаясь в тесной палатке, взял мою одежду, которую я положил в изголовье вместо подушки, развернул, снова сложил ее очень небрежно и сунул под одеяло. Он принес три жестянки и спросил, не нужно ли открыть их.

— Нет, не надо.

— Чай? — спросил он.

— К черту чай.

— Не хочешь чаю?

— Виски лучше.

— Да,— отозвался он с чувством.— Лучше.

— А чай будем пить утром, пораньше.

— Хорошо, Бвана М'Кумба.

— Ночуй здесь, дождь на дворе.— Я указал на брезент, за которым шумел дождь. Я люблю этот шелест дождевых капель — из всех звуков, какие мы, часто живущие под открытым небом, слышим вокруг, это самый приятный. Да, то был приятный шум, хотя он не предвещал нам ничего доброго.

— Хорошо.

— Ступай, поешь.

— Хорошо. Не хочешь чаю?

— К черту твой чай!

— А виски? — спросил он с надеждой.

— Виски все вышло.

— Виски,— повторил он с непоколебимой уверенностью.

— Ладно. Ступай поешь,— сказал я и, налив в кружку виски пополам с водой, забрался под москитную сетку, нашарил свою одежду, снова аккуратно уложил ее в изголовье, а потом повернулся на бок и, опираясь на локоть, медленно выпил виски, поставил кружку на землю, нащупал под койкой спрингфилд, положил фонарь рядом с собой и скоро уснул, убаюканный шелестом дождя. Проснулся я только на минуту, когда пришел М'Кола и стал возиться, устраивая себе постель около меня. Второй раз я проснулся уже среди ночи и слышал его сонное дыхание. Утром он встал и вскипятил чай, когда я еще спал.

— Чай,— сказал он, стягивая с меня одеяло.

— Опять этот проклятый чай,— пробормотал я и сел на койке, еще не проснувшись окончательно.

Было серое, промозглое утро. Дождь перестал, но над землей стлался туман, и когда мы пришли на солонец, оказалось, что он залит водой, а вокруг — никаких следов. Тогда мы обшарили мокрый кустарник и вышли на равнину в надежде найти след на влажной земле и по этому следу настичь какого-нибудь куду. Но все напрасно. Мы перешли через дорогу и двинулись вдоль кустов в обход открытого болотца. Я надеялся встретить носорога, так как нам то и дело попадались кучи свежего носорожьего помета, но после дождя не появилось ни единого следа. Раз мы слышали крики клещеедов и, подняв головы, увидели, как эти птицы неуклюже летели к северу над густым кустарником. Мы описали большой круг, но ничего не нашли, кроме свежих следов гиены и самки куду. М'Кола указал мне на небольшой череп куду с одним великолепным витым рогом, врезавшимся в ствол дерева. Второй рог мы отыскивали в траве, и я водворил его на место,— воткнул в отверстие на голове куду.

— Шенци,— опять сказал М'Кола и сделал такой жест, будто натягивает лук. Череп был совершенно чистый, но в полых рогах скопился какой-то мокрый осадок и они прескверно

пахли. Я притворился, будто не чую этой вони, и протянул находку Гаррику, а тот, не сморгнув глазом, передал ее Абдулле. Абдулла сморщил свой плоский нос и потряс головой. Рога и в самом деле пахли отвратительно. М'Кола и я засмеялись, но физиономия Гаррика хранила самое невинное выражение.

Мне пришла в голову мысль проехать по дороге, высматривая куду и останавливаясь у каждой поляны, которая покажется нам подозрительной. Мы сели в машину и поехали. Однако безуспешно обшаривали мы все прогалины. Между тем взошло солнце и дорога оживилась, по ней то и дело снова шли путники — одни в белой одежде, другие почти голые, — и мы решили вернуться в лагерь. По пути сделали остановку и подкрались еще к одному солонцу. За деревьями мы увидели антилопу-палу, ее шкура казалась красной там, где солнечные лучи, пробиваясь сквозь листву, освещали ее. Вокруг было множество следов куду. Мы заровняли их и двинулись дальше.

Когда мы подъехали к лагерю, над нами вдруг нависла туча саранчи, летевшей на запад, и все небо мерцало, точно кадры из старого кинофильма, только не серые, а красноватые. Моя жена и Старик вышли нам навстречу. Они были очень разочарованы: на лагерь не упало ни капли дождя, и они ожидали, что мы вернемся не с пустыми руками.

— А что, наш любитель литературы уехал?

— Да, отправился в Хандени, — ответил Старик.

— Он говорил со мной об американских женщинах, — сказала моя жена. — Бедный Папа, а я-то была уверена, что тебе сегодня повезет. Гадкий дождь!

— Так что же он говорил про американских женщин?

— Что они ужасны.

— Он рассуждает очень здраво, — заметил Старик. — Ну, рассказывайте, что с вами приключилось.

Мы уселись под тентом, и я рассказал все по порядку.

— Это был вандеробо, — решил Старик. — Они никудышные стрелки. Да, не повезло вам.

— А я думаю, это один из тех бродячих туземцев, которых встречаешь с луком у дороги. Он увидел первый солончак, а потом по тропе добрался до второго.

— Нет, вряд ли, те носят с собой лук и стрелы для самозащиты. Они не охотники.

— Ах, не все ли нам равно, кто это был.

— Да, не повезло. А тут еще дождь. Я поставил дозорных на обоих холмах, но они ничего не видели.

— Что ж, у нас есть еще время до завтрашнего вечера. Когда нам уезжать?

— Послезавтра.

— Черт бы его побрал, этого дикаря!

— А Карл, наверно, уже разогнал всех черных антилоп, там где он охотится.

— Мы не успеем заехать в прежний лагерь за рогами. Знаешь новость?

— Нет.

— Я дала обет не курить полгода, если ты убьешь куду,— сказала Мама.— И уже перестала.

Мы закусили, потом я забрался в палатку, прилег и стал читать. Я знал, что у меня еще есть шансы подстрелить что-нибудь завтра утром на солонце, и старался не нервничать. Но все же я нервничал и боялся уснуть, помня, что после дневного сна человека одолевает вялость, а потому вышел из палатки, уселся на полотняный стул под тентом и принялся за книжку «Жизнеописание Карла II», то и дело отрываясь, чтобы поглядеть на саранчу. То было захватывающее зрелище, и я никак не мог к нему привыкнуть.

В конце концов я уснул на стуле, поставив ноги на ящик из-под консервов, а когда проснулся, около меня стоял Гаррик в пышном развевающемся головном уборе из черных и белых страусовых перьев.

— Проваливай,— сказал я по-английски.

Он не трогался с места, самодовольно ухмыляясь, потом повернулся, чтобы я мог взглянуть на него в профиль.

Тем временем Старик с трубкой в зубах вышел из своей палатки.

— Полюбуйтесь-ка! — крикнул я ему.

Он взглянул, пробормотал «Боже!» и скрылся в палатке.

— Куда же вы? — сказал я.— Не надо обращать на него внимания, вот и все.

Старик снова вышел с книгой, и мы сидели и болтали, словно не замечая Гаррика, который все еще щеголял своим головным убором.

— По-моему, этот болван к тому же выпил,— заметил я.

— Возможно.

— От него несет спиртным.

Старик, не глядя на Гаррика, тихо сказал ему несколько слов.

— Что вы ему сказали?

— Велел одеться по-человечески и быть готовым в путь.

Гаррик удалился, покачивая перьями.

— Не вовремя он нацепил эти перья,— заметил Старик.

— Некоторым они нравятся.

— В том-то и дело. Этих дикарей без конца фотографируют в таком виде.

— Безобразие,— возмутился я.

— Черт знает что,— поддакнул Старик.

— Если мы и в последний день вернемся ни с чем, я готов всадить Гаррику пулю в зад. Что мне за это будет?

— Могут выйти серьезные неприятности. Тогда уж лучше стрелять в нас обоих.

— Ну нет, только в Гаррика.

— Лучше не надо. Помните, что отдуваться придется мне.

— Я же шучу, Старик.

Появился Гаррик, уже без своего убора, а за ним Абдулла, и Старик обменялся с ними несколькими словами.

— Они предлагают охотиться у холма на новом месте.

— Превосходно. Когда же?

— Хоть сейчас. Кажется, будет дождь. Так что поторапливайтесь.

Я послал Моло за своими сапогами и плащом, а М'Кола вынес мне из палатки спрингфилд, и мы вместе пошли к машине. Погода весь день стояла облачная, хотя утром и после полудня солнце время от времени проглядывало сквозь тучи. Надвигались дожди. Вот и сейчас уже начало моросить, и саранча больше не летала в воздухе.

— Страшно хочется спать,— сказал я Старик.— Давайте выпьем.

Мы стояли возле кухонного костра под большим деревом, и мелкий дождик шелестел в листве над нашими головами. М'Кола принес флягу с виски и торжественно вручил ее мне.

— Хотите? — предложил я Старик.

— Что ж, выпить никогда не мешает.

Мы выпили оба, и Старик пробормотал:

— Черт бы их побрал.

— Черт бы их побрал,— повторил за ним и я.

— Может, все-таки наткнетесь на какие-нибудь следы.

— Мы обыщем всю местность.

Наша машина свернула вправо, на дорогу, миновала хижины туземцев, потом свернула влево, на плотно убитую, красную глинистую тропу, огибавшую холмы и с обеих сторон теснимую деревьями. Дождь уже лил вовсю, и мы ехали медленно. В глине, по-видимому, было много песка, так как колеса не буксовали. Вдруг Абдулла, сидевший сзади, пришел в сильное возбуждение и попросил Камау остановиться. Тот затормозил, мы вылезли из машины и прошли немного назад. На сырой глине отчетливо виднелись свежие следы куду. Антилопа прошла здесь каких-нибудь пять минут назад, не больше: края отпечатков были острые, и взрыхленная копытами почва еще не успела размокнуть под дождем.

— Думп,— сказал Гаррик, откинув голову, и широко растопырил руки, чтобы показать, какие огромные рога у этого животного.— Кубва Сана!

Абдулла подтвердил, что это самец и притом большущий.

— Пошли! — скомандовал я.

Идти по следу было легко, и мы знали, что куду где-то близко. Под дождем или снегом подобраться к зверю гораздо проще, и я был уверен, что сегодня удастся поохотиться. След сквозь густой кустарник вывел нас на прогалину. Я остано-

вился, чтобы протереть мокрые очки и продуть прицел моего спрингфилда. Дождь теперь хлестал как из ведра, пришлось надвинуть шляпу на самые глаза, чтобы не заливало очки. Едва мы обогнули прогалину, впереди послышался треск, и я увидел серое с белыми полосами животное, которое продиралось сквозь кустарник. Я вскинул ружье, но М'Кола схватил меня за руку. «Манамуки!» — прошептал он. Это была самка куду. Мы подошли к тому месту, где она только что стояла, но других следов там не оказалось. Сомнений быть не могло: от самой дороги мы шли по следу этой антилопы.

— Вот тебе и «Думи Кубва Сана»! — сказал я Гаррику с ядовитым сарказмом и жестом изобразил здоровенные рога, которые якобы растут у него на голове.

— Манамуки Кубва Сана, — пробормотал он огорченно и кротко. — Какая огромная самка!

— Эх ты, вшивый франт в страусовых перьях, — сказал я ему по-английски, — Манамуки! Манамуки! Манамуки!

— Манамуки, — подтвердил М'Кола, кивнув головой.

Я достал словарь, но не найдя там нужных слов, знаками объяснил М'Кола, что мы вернемся на дорогу кружным путем и поглядим, нет ли других следов. Мы долго бродили под дождем, вымокли до нитки, но ничего не нашли и вернулись к машине; так как дождь стал утихать, а дорогу не развезло, решено было ехать дальше, пока не стемнеет. Облака клубились по склонам холмов, с деревьев капала вода; мы тщетно вглядывались вдаль, но антилоп не было нигде — ни на открытых полянах, ни в зарослях кустарника, ни на зеленых склонах. Наконец, стемнело, и мы вернулись в лагерь. Мой спрингфилд был весь мокрый, и когда мы вылезли из машины, я велел М'Кола хорошенько вычистить и смазать его. М'Кола кивнул, и я, войдя в палатку, где горел фонарь, снял с себя все, вымылся в брезентовой ванне и вышел к костру в халате, надетом поверх пижамы, освеженный и довольный.

Мама и Старик уже сидели у огня. Мама встала, чтобы налить мне виски с содовой.

— М'Кола все нам рассказал...— начал Старик, не двигаясь с места.

— Да, здоровенная была самка,— отозвался я.— Я чуть не уложил ее. Как по-вашему, куда ехать завтра утром?

— Пожалуй, на солонец. Наши дозорные просматривают оба холма. Помните того старого деда из деревни? Он как одержимый ищет куду где-то за холмами. Он и еще второй, вандеробо. Они ушли три дня назад.

— Почему бы нам не попытать счастья на том солонце, где повезло Карлу? Авось и для меня выдастся счастливый день.

— Конечно.

— Беда только, что день этот последний, потом солонец могут затопить дожди. Когда мокро, соли не остается и в помине. Одна грязь.

— В том-то и дело.

— Мне бы только увидеть куду.

— А когда увидите, не забудьте: нужно выждать, пока он подойдет поближе. Выждать и стрелять наверняка.

— Ну, уж на этот счет будьте покойны.

.
После обеда мы посидели немного у костра, а потом пошли спать. Старик, видимо, все время думал о том же; когда я вошел в палатку, он сказал:

— Вы так долго ждете случая для удачного выстрела, смотрите же, когда этот случай представится, не волнуйтесь. Стреляете вы хорошо, так что выждите и не волнуйтесь.

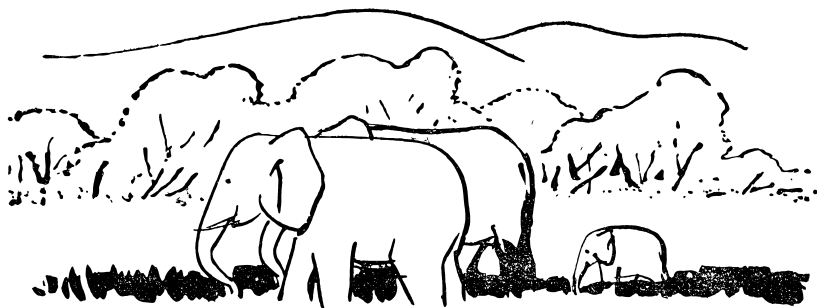
— Постараюсь.

— Я велю разбудить вас пораньше.

— Ладно. Ужасно спать хочется.

— Спокойной ночи, мистер Джексон! — крикнула Мама из палатки.

— Спокойной ночи,— ответил Старик. Он зашагал к себе, двигаясь как скованный, ступая в темноте так осторожно, словно он был откупоренной бутылкой и боялся расплескать свое содержимое.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

У

тром Моло разбудил меня, потянув за одеяло. Я долго одевался, потом вышел из палатки, промыл слипавшиеся глаза и только после этого проснулся окончательно. Еще не рассвело, а у костра уже маячила темная спина Старика. Я подошел к нему, держа в руке обычную утреннюю чашку горячего чая с молоком в ожидании, пока чай немного остынет.

- Доброе утро!
 - Доброе утро, — откликнулся он хриплым шепотом.
 - Хорошо спали?
 - Прекрасно. Как самочувствие?
 - Ничего, только все еще спать хочется.
- Я пил чай и выплевывал чайники прямо в огонь.
- Вы бы погадали на них, — сказал Старик.
 - Ни к чему это.

Мы позавтракали при свете фонаря холодными скользкими абрикосами, подогретым рубленным мясом с острым томатным соусом, яичницей из двух яиц и живительным кофе. После третьей чашки Старик, задумчиво глядя перед собой и покуривая трубку, сказал:

- Помните: хладнокровие — это все.
- Разве вы за меня беспокоитесь?
- Самую малость.
- Полноте. А я так совершенно спокоен. Честное слово.
- Вот и хорошо. Поезжайте.
- Сперва надо сходить кой-куда.

Стоя около нашей походной уборной, я глядел, как и каждое утро, на лучистую звездную россыпь, которую романтики-астрономы называли Южным Крестом. Каждое утро в это самое

время я созерцал Южный Крест — это стало для меня своего рода ритуалом.

Старик был уже возле машины. М'Кола протянул мне ружье, и я влез на переднее сиденье. Трагик и его следопыт сели сзади. М'Кола примостился рядом с ними.

— Ну, счастливой охоты! — сказал Старик. От палаток кто-то шел к нам. Это была моя жена в голубом халате.

— В добрый час, — сказала и она. — От всей души желаю удачи.

Я помахал рукой, и машина с зажженными фарами выехала на дорогу.

Милях в трех от солонца мы оставили машину и осторожно подкрались к нему, но он был пуст. Все утро мы караулили напрасно. Сидели в шалаше скорчившись, каждый наблюдал сквозь ветви за своим участком, и я все ждал, что вот-вот появится сказочный самец куду, величественный и прекрасный, выйдет из-за кустов на черную пыльную поляну, к солонцу, изрытому, истоптанному сотнями копыт. Сюда сбегалось множество лесных тропинок, и по любой из них каждую секунду мог бесшумно подойти куду. Но он не показывался. Когда взошло солнце и мы согрелись после холодного и туманного утра, я сполз пониже в яму и привалился спиной к стенке — в таком положении я мог по-прежнему глядеть в щель между сучьями. Спрингфилд я положил на колени и тут вдруг заметил на стволе ржавчину. Я тихонько подтянул ружье к себе и осмотрел его. Да, ствол был покрыт свежей ржавчиной.

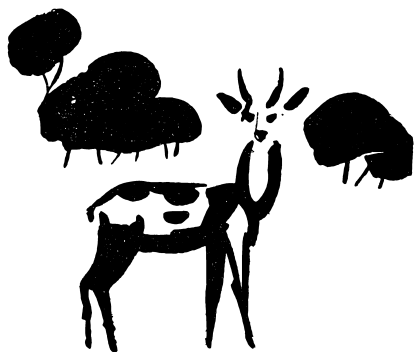
«Мошенник М'Кола и не подумал вчера вычистить ружье после дождя», — с этой мыслью я, разозлившись, вынул затвор. М'Кола исподлобья следил за мной. Двое других туземцев продолжали смотреть в щели. Я одной рукой поднял ружье так, чтобы М'Кола мог заглянуть в ствол, потом снова вставил затвор, осторожно протолкнул его вперед, прижимая спуск указательным пальцем, и взвел курок.

М'Кола видел ржавый ствол. Выражение его лица не изменилось, и я промолчал, хотя был глубоко возмущен; таким образом, обвинительный акт, предъявление вещественных доказательств и осуждение — все последовало без единого слова. Долго сидели мы, он — опустив голову, так что видна была лишь лысая макушка, я — откинувшись назад и глядя в щель. Теперь мы уже не были товарищами и добрыми друзьями. А солонец по-прежнему пустовал.

В десять часов восточный ветер изменил направление, и мы поняли, что дольше ждать бесполезно. Ветер разнес во все стороны наш запах, который, без сомнения, распугал животных, как распугал бы их мощный прожектор в ночном мраке. Мы вылезли из укрытия и пошли на солонец искать следов. Земля, мокрая после дождя, все же не была размыта, и мы увидели несколько мелких следов куду, оставленных, по-видимому, еще

вечером, и один узкий, сердцевидный след крупного самца, весьма отчетливый и глубокий.

По этому следу на сырой красноватой земле мы шли часа два через густые заросли кустарника, напоминавшие мне американский подлесок. В конце концов мы очутились в совершенно непроходимой чащобе и прекратили поиски. Я все время злился на М'Кола за невычищенное ружье, но это не мешало мне с радостным нетерпением ждать, что вот-вот мы поднимем куду и подстрелим его в зарослях. Однако самца не было, а день выдался жаркий, и мы, обогнув трижды какие-то холмы, вышли на луг, где паслось большое стадо низкорослого масайского

скота; дальше тени нигде не было, и мы под палящим полуденным солнцем зашагали к машине.

Оказалось, что Камау, сидевший в кабине, видел куду в какой-нибудь сотне шагов от себя. Зверь шел к солончаку около девяти часов — как раз тогда, когда ветер коварно переменялся. Он, должно быть, почуял нас и повернул обратно в холмы. Усталый, потный и скорее угнетенный, чем рассерженный, я сел рядом с Камау, и мы поехали к лагерю. Оставался всего один вечер, и не было никакой надежды, что нам повезет. Когда мы достигли лагеря и окунулись в прохладную тень деревьев, я вынул затвор и протянул ружье М'Кола, не говоря ни слова и даже не взглянув на него. Затвор я швырнул в палатку на свою койку.

Старик и Мама сидели под тентом.

— Не повезло? — мягко спросил Старик.

— Да, сплошные неудачи. Самец прошел мимо машины в сторону солонца. Должно быть, его спугнули. Мы обшарили все окрестности.

— И неужели все попусту? — спросила моя жена. — А нам показалось, что мы слышали треск выстрела.

— Это Гаррик трещал языком. Дозорные что-нибудь заметили?

— Ничего. Хотя мы держали под наблюдением оба холма.

— От Карла есть вести?

— Ни слуху ни духу.

— Хоть бы что-нибудь попало! — сказал я. Я был измучен и во мне росло чувство горечи. Пропади все пропадом! На кой черт ему понадобилось испортить охоту на солонце в первое же утро, прострелив брюхо паршивому куду, и гоняться за ним повсюду, распугивая дичь!

— Свины! — поддакнула Мама. Она всегда на моей стороне, даже когда я неправ. — Канальи!

— Добрая ты душа, — отозвался я. — Не огорчайся, я совершенно спокоен. Или скоро буду спокоен.

— Мне так обидно за тебя, — промолвила она. — Бедный Папа.

— Выпейте чего-нибудь, — предложил Старик. — Вам это сейчас необходимо.

— Ей-богу, Старик, я просто из кожи лез, наслаждался охотой и ни капли не волновался до сегодняшнего дня. Я был уверен в успехе: ведь столько следов! А что, если мне так и не попадется ни единый куду? Кто знает, вернемся ли мы сюда еще когда-нибудь?

— Вернетесь, — утешил он меня. — Нечего унывать. Вот вам, выпейте-ка лучше!

— Я просто старый ворчун и нытик, но, клянусь, это в первый раз сегодня у меня так расходились нервы.

— Да, ворчать и ныть — скверная привычка, — ответил Старик. — От нее надо избавиться.

— Как насчет завтрака? — спросила Мама. — Неужели вы еще не проголодались?

— К черту завтрак. Понимаете, Старик, мы ни разу не видели антилоп вечером на солонце и не видели самца в холмах. У меня остается только один вечер. Значит, можно считать, что все пропало. Три раза они уже были у меня в руках, и все же Карл, и этот австриец, и вандеробо нас посрамили!

— Ну, ну, мы еще не посрамлены, — сказал Старик. — Пейте!

Мы хорошо позавтракали, а затем явился Кэйти и доложил, что к Старику пришли какие-то люди. Сначала на стене палатки появились две тени, потом люди подошли к нам. Один из них был тот самый старый туземец, что встретил нас в день приезда, но теперь он явился уже в роли охотника, вооруженный длинным луком и колчаном со стрелами.

Он казался еще более дряхлым, изможденным и внушал еще меньше доверия, чем прежде. Вырядился он, по-видимому, только для того, чтобы произвести на нас впечатление. С ним был тощий вандеробо с разрезанными и закрученными сверху мочками ушей; склонив голову набок, он стоял на одной ноге, а пальцами другой почесывал у себя под коленом. Лицо у него было глупое и отталкивающее.

Первый туземец, глядя прямо в глаза Старик, что-то говорил ему серьезно и медленно, без всякой мимики.

— Что это он выдумал? К чему такое снаряжение? Хочет получать с нас деньги в качестве дозорного? — спросил я.

— Погодите, — отмахнулся Старик.

— Нет, вы только взгляните на них, на этого вандеробо и на старого плута! — не унимался я. — Что он говорит, Старик?

— Он еще не кончил.

Наконец, Дед умолк и стоял в ожидании, опираясь на свой бутафорский лук. Вид у обоих туземцев был очень усталый, но, помнится, я тогда видел в них только негодных обманщиков.

— Говорит, что они нашли место, где есть куду и черные антилопы, — сказал Старик. — Он провел там три дня. Они знают, где прячется крупный самец куду, и оставили там человека следить за ним.

— И вы верите этому? — я почувствовал, что хмель и усталость мгновенно испаряются и волнение захлестывает меня.

— Кто их знает! — ответил Старик.

— Далеко ли до места?

— День пути. На машине, думаю, можно добраться часа за три или четыре, если она там пройдет.

— А он как думает — пройдет машина?

— Места неезженные, но он говорит — добраться можно.

— Когда они оставили человека следить за куду?

— Сегодня утром.

— А черные антилопы где?

— Там же, в холмах.

— Как туда попасть?

— Ума не приложу. Разве только пересечь равнину, обогнуть вон ту гору, а оттуда ехать к югу. Он говорит, что в тех местах еще никто никогда не охотился. Только он охотился там в молодости.

— Вы верите этому?

— Конечно, туземцы — ввали отчаянные, но этот говорит с таким искренним убеждением.

— Тогда я еду!

— Да, не теряйте времени. Поезжайте на машине, пока будет возможно, а затем пользуйтесь ею как базой и начинайте охоту. Мемсаиб и я с утра снимем лагерь и вместе с проводниками поедem к Дэну и мистеру Т. За теми черными землями дождь нам уже не страшен. А вы догоните нас позже. Если застрянете, — на худой конец всегда можно отослать легковую машину через Кондоа, а грузовики — в Танга и дальше кружным путем.

— А вы не хотите меня сопровождать?

— Нет. Вам выгоднее ехать одному. Чем больше людей,

тем меньше дичи. На куду нужно охотиться в одиночку. Я перевезу снаряжение и присмотрю за маленькой Мемсайб.

— Ладно,— согласился я.— А Гаррика или Абдуллу тоже не брать?

— Конечно, нет. Возьмите М'Кола, Камау и этих двоих. Я велю Моло упаковать ваши вещи. Поедете налегке.

— Послушайте, Старик, как вам кажется, они правду говорят?

— Не знаю,— ответил Старик.— Надо рискнуть.

— Как по-ихнему черная антилопа?

— Тарагалла.

— Похоже на «Валгаллу»,— я запомню. А у самок тоже есть рога?

— Конечно, но их легко отличить: самцы черные, а самки коричневые. Ошибиться невозможно.

— М'Кола видел когда-нибудь эту антилопу?

— Не думаю. У вас лицензия на четырех. Как только попадется что-нибудь подходящее, действуйте.

— А трудно их убить?

— Да, они живучи, не то что куду. Если свалите такую антилопу, подходите с опаской.

— А сколько времени в моем распоряжении?

— Нам ведь пора уезжать отсюда. Постарайтесь вернуться завтра к вечеру. А в общем — смотрите сами. Мне кажется, наступает решительная минута. Вы убьете куду.

— Знаете, что мне это напоминает? Когда я был еще мальчишкой, мы прослышали, что в черничных зарослях за Пидженом и Стердженем течет река, в которой никто еще никогда не удил рыбу.

— И что же оказалось?

— Вот слушайте. Мы добрались туда с большим трудом, пришли вечером, уже в сумерках, и увидели глубокую заводь, а дальше река текла длинной и ровной полосой. Вода была нестерпимо холодная, просто ледяная, и когда я бросил в нее окурок, на поверхность выскочила большая форель, за ней другая, третья, они хватили и снова выплевывали окурок до тех пор, пока от него не осталась одна труха.

— И крупные были форели?

— Крупнее я в жизни не видывал.

— Господи помилуй! — сказал Старик.— И что же дальше?

— Я размотал удочку, закинул ее, а было уже совсем темно, над нами летал козодой, стоял жуткий холод, и я поймал трех рыб одну за другой — они клевали, едва наживка касалась воды.

— И вы их вытащили?

— Всех трех.

— Бессовестный лгун!

— Клянусь богом, это правда.

— Ну, хорошо, верю. Остальное доскажете, когда вернетесь. Так это были крупные форели?

— Я же сказал — крупнее не бывает.

— Господи твоя воля! — пробормотал Старик. — Как же такому молодцу не подстрелить куду! Ну, в путь!

В палатке я рассказал обо всем жене.

— Ты в самом деле решил ехать?

— Да.

— Тогда живей! — сказала она. — Не теряй времени на разговоры. Собирайся!

Я взял плащ, запасные башмаки и носки, купальный халат, коробочку с хинином, цитронелловое масло от москитов, записную книжку, карандаш, обоймы с патронами, кинокамеру, аварийный набор инструментов, нож, спички, чистую рубашку, книгу, две свечи, деньги, флягу...

— Что еще?

— Мыло взял? Захвати гребень и полотенце. А носовые платки?

— Возьму.

Моло уложил все в рюкзак, я тем временем разыскал свой бинокль, М'Кола взял полевой бинокль Старика и флягу с водой, а Кэйти вынес ящик с провизией.

— Захватите побольше пива, — посоветовал Старик. — Вы можете оставлять его в машине. Виски осталось немного, но одну бутылку так и быть возьмите.

— А вы как же?

— Не беспокойтесь. В том лагере есть еще. Мы послали туда две бутылки с мистером К.

— Мне довольно одной фляжки, — сказал я. — Давайте разольем эту бутылку.

— Тогда возьмите побольше пива. У нас его вдоволь.

— Это еще что такое? — спросил я, указывая на Гаррика, который садился в машину.

— Он говорит, что вы и М'Кола не сможете объясняться с местными жителями. Вам понадобится переводчик.

— Он мне как бельмо на глазу!

— Но вам и впрямь понадобится человек для того, чтобы переводить на суахили то, что будут говорить тамошние жители, которых вы встретите.

— Ну, ладно. Но скажите ему, чтобы он не вздумал командовать и держал свой проклятый язык на привязи.

— Мы проводим вас до вершины холма, — сказал Старик. Вандеробо вскочил на подножку, и машина тронулась. — За Дедом заедем в деревню.

Все обитатели лагеря вышли из палаток.

— Соли взяли достаточно?

— Да.

В деревне нам пришлось ждать, пока Дед и Гаррик выйдут из своих хижин. Только что перевалило за полдень, но небо заволокли тучи. Я глядел то на жену, такую милую, спокойную, изящную в своем защитном костюме, сапогах и надетой набекрень широкополой шляпе, то на Старика, рослого, грузного, в выцветшей вельветовой безрукавке, побелевшей от стирки и солнца.

— Ну, до свиданья! Будь умницей.

— Не беспокойся. Как жаль, что я не могу поехать с тобой.

— Это охота в одиночку, — сказал Старик. — Нужно палестить быстро, сделать свое грязное дело и так же быстро убраться, а у них и без того слишком большой груз.

Вышел Дед и забрался на заднее сиденье рядом с М'Кола, напялившим мою старую защитную куртку, в которой я когда-то охотился на перепелов.

— М'Кола надел вашу куртку, — сказал Старик.

— Он любит таскать в карманах всякую всячину, потому и надел ее, — объяснил я.

М'Кола понял, что мы говорим о нем. Я уже успел позабыть про невычищенное ружье. Теперь я вспомнил об этом и сказал Старiku:

— Спросите, откуда у него куртка.

М'Кола ухмыляясь ответил что-то.

— Говорит, что она его собственность.

Я тоже улыбнулся, а М'Кола потряс лысой головой, и так, по молчаливому уговору, история с ружьем была забыта окончательно.

— Куда же запропастился Гаррик? — спросил я.

Наконец, он вышел с одеялом в руках и примостился на заднем сиденье рядом с М'Кола и Дедом. Вандеробо сел впереди, между мной и Камау.

— Какой у тебя интересный сосед, — сказала Мама. — Смотри же, будь молодцом.

Я поцеловал ее на прощанье, и мы шепотом обменялись несколькими словами.

— Все нежничает да воркует, — буркнул Старик. — Смотреть противно!

— До свиданья, старый ворчун.

— До свиданья, истребитель быков.

— До свиданья, родная.

— Счастливого пути и удачной охоты!

— У вас много горючего, но мы оставим здесь тоже небольшой запас! — крикнул Старик уже вдогонку.

Я помахал рукой, мы двинулись через деревню вниз по холму и выехали на узкую дорогу, которая шла по сухой, поросшей кустарником равнине у подножия двух высоких голубых холмов.

Во время спуска я оглянулся. Двое в широкополых шляпах — один рослый и плотный, другая маленькая и грациозная, шагали назад к лагерю. А я перевел взгляд на расстилавшуюся впереди однообразную равнину.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

**РАДОСТИ
ОХОТЫ**

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Дорога была узкая, а равнина, по которой мы ехали, выглядела довольно уныло. Только раз мы увидели нескольких тощих газелей, мелькнувших белыми пятнами на фоне желтой, выжженной солнцем травы и серых стволов. Мое веселое возбуждение угасло при виде этой равнины, где нечего было и мечтать о хорошей охоте, и вся затея показалась фантастической, совершенно бессмысленной. От вандеробо сильно пахло; я стал разглядывать мочки его ушей, растянутые и аккуратно закрученные, его странное, совсем не негритянское лицо с тонкими губами. Заметив, что я посматриваю на него, он дружелюбно улыбнулся и почесал грудь. Я оглянулся: М'Кола спал. Гаррик сидел очень прямо, подчеркивая свою бдительность, а Дед, вытянув шею, глядел на дорогу.

Дорога теперь перешла в тропу, протоптанную скотом, но, к счастью, мы были уже у края равнины. Скоро она осталась позади, показались высокие деревья, и мы попали в самый очаровательный уголок Африки, какой мне доводилось видеть. Трава здесь была ровная, такая свежая и зеленая, как молодая травка на недавно скошенном лугу, а вековые деревья — развесистые, высокие, без подлеска, под ними лишь ярко зеленел дерн, словно в оленьем парке, и мы ехали в тени, перемежавшейся солнечными полянками, держась едва заметной тропы, которую указывал вандеробо. Мне просто не верилось, что мы попали в этот рай. Такое может лишь пригрезиться в волшебном сне, и я, желая убедиться, что это не сон, протянул руку и дотронулся до уха вандеробо. Он подскочил от неожиданности, а Камау прыснул со смеху. В эту минуту М'Кола коснулся моего плеча и указал на

открытую поляну, где в каких-нибудь двадцати шагах от машины, подняв голову и настороженно глядя на нас горящими глазами, стоял, ошетинившись, огромный дикий кабан с загнутыми кверху длинными, мощными клыками. Я сделал Камау знак остановить машину, и с минуту зверь и мы пристально разглядывали друг друга. Я поднял ружье и прицелился кабана в грудь. Он стоял неподвижно и все глядел на нас. Тогда я знаком велел Камау ехать дальше, машина тронулась и свернула направо, в сторону от кабана, который даже не шевельнулся и не выказал ни малейшего страха.

Я заметил, что Камау возбужден, а М'Кола одобрительно кивает головой. Впервые видели мы кабана, который не бросился бежать от людей во всю прыть, задрав хвост. Да, мы попали в места, где не ступала нога охотника, девственный уголок, затерянный среди бескрайних просторов Африки. Я готов был тут же остановиться и разбить лагерь.

Вокруг расстилался чудесный край, а мы ехали все дальше, лавируя между огромными деревьями, по степи, где тихо колыхалась трава. Но вот впереди, справа, показался высокий частокол масайской деревни. Деревня была очень большая и за околицу навстречу нам повалила толпа длинноногих, темнокожих, вооруженных копьями мужчин; все они на вид казались одного возраста, их прямые волосы были заплетены в тяжелые косы, болтавшиеся на спине. Они окружили машину, смеясь и болтая без умолку. Все они были рослые, белозубые — красавцы как на подбор, волосы их были окрашены в красновато-коричневый цвет и спереди челками спадали на лоб. Эти люди, приветливые и веселые, не в пример угрюмым и надменным северным масаям, хотели знать, зачем мы приехали. Вандеробо, видимо, сообщил им, что мы охотимся на куду и очень спешим. Но они обступили машину плотным кольцом, преграждая нам путь. Один из них что-то сказал, его слова подхватили трое или четверо других, и Камау объяснил мне, что сегодня они видели на тропе двух самцов куду.

— Не может быть, — твердил я про себя. — Не может быть.

Я велел Камау трогаться, и мы медленно проехали сквозь толпу туземцев, которые со смехом и криками заступали дорогу машине, рискуя попасть под колеса. Это были самые рослые, статные, красивые и к тому же самые жизнерадостные и веселые люди, каких я встречал в Африке. Когда мы, наконец, выбрались из толпы, туземцы пустились бежать рядом с машиной, все так же шумно радуясь и, видимо, желая показать, как они легки на ногу, а когда машина, прибавив скорость, двинулась вверх по ровной долине ручья, началось настоящее состязание. Но бегуны отставали один за другим, махали нам вслед и улыбались, и только двое из них, длинноногие, ловкие, все еще горделиво и легко бежали рядом с ма-

шиной со скоростью хорошего рысака, не выпуская из рук копий. Потом нам пришлось взять вправо, и ровная зеленая долина сменилась холмистой местностью. Когда мы на первой скорости ползли вверх, вся ватага снова настигла нас. Бегуны смеялись, делая вид, будто они ничуть не запыхались. Из-за куста выскочил маленький кролик и заметался в ужасе; масай, бежавшие за нами во всю прыть, поймали кролика, и самый рослый из них, нагнав машину, протянул его мне. Я взял зверька и, почувствовав как колотится сердце в мягком, теплом, пушистом тельце, погладил его, а масай дружески похлопал меня по плечу. Взяв кролика за уши, я протянул его обратно масаю. Где там! Масай не брал его — это был подарок. Я передал кролика М'Кола, но тот счел все шуткой и вернул его одному из масаев. Мы продолжали путь, а масай снова побежали следом. Взявший кролика нагнуллся, посадил его на траву, и когда он пустился наутек, все засмеялись. М'Кола только головой качал. Всем нам очень понравились эти люди.

— Хорош масай,— растроганно промолвил М'Кола.— Масай — много скота. Масай не убивает, чтобы есть. Масай убивает только врага.

Вандеробо ударил себя в грудь.

— Вандеробо — масай! — гордо объявил он, утверждая таким образом свое родство с масаями. Уши у него были закручены точно так же, как у них. Глядя, как бегут эти красавцы, развеселились и мы. Никогда еще я не встречал такого бескорыстного дружелюбия, таких милых людей.

— Хорош масай,— повторил М'Кола, выразительно кивая головой.— Хорош, хорош масай.

Только Гаррик, видимо, не разделял наших чувств. И я заподозрил, что, несмотря на защитный костюм и письмо от Бваны Симбы, он сильно обескуражен. Эти масаи его встревожили. Они были наши друзья, а не его. Да, конечно, они были наши друзья. С такими людьми встречаешься как с братьями, они сразу и от всей души принимают тебя за своего, откуда бы ты ни был родом. Такое отношение к людям свойственно лишь лучшим из англичан, лучшим из венгров и самым лучшим из испанцев; оно было отличительным свойством аристократов в те времена, когда еще существовала аристократия. Это — свойство простых сердец, такие люди редки, и нет ничего приятнее общения с ними.

Опять рядом с машиной бежали только двое, но и те уже стали отставать. Они мчались все так же быстро и легко, но угнаться за автомобилем было им не под силу. В конце концов я велел Камау резко увеличить скорость, уверенный, что такой рывок не может обидеть бегунов, гордящихся своей выносливостью. Они тоже прибавили ходу, но, не догнав нас, только засмеялись, и тогда мы высунулись из машины и

замахали им руками, а они стояли, опершись на копыя, и махали в ответ. Мы расстались добрыми друзьями. Теперь наш путь снова лежал по безлюдным местам, по бездорожью, все вперед, через рощи и зеленую долину.

Вскоре деревья стали встречаться чаще, росли теснее, сказочная страна осталась позади, мы ехали теперь по едва заметной тропе через густой молодой лес. Порой мы вынуждены были останавливаться и убирать с дороги пень или даже рубить дерево, преграждавшее путь машине. Порой приходилось задним ходом выбираться из зарослей и искать окольного пути, чтобы снова выехать на тропу, расчищая себе путь длинными охотничьими ножами, которые называются «панга».

Вандеробо работал плохо, да и Гаррик немногим лучше. Зато М'Кола очень ловко орудовал ножом, он рубил быстро, но чересчур сильно, даже с каким-то ожесточением. Я же обращался с пангой неумело. Этот нож требует большой гибкости запястья, и к нему трудно сразу привыкнуть — рука быстро устает, клинок кажется невероятно тяжелым. Я жалел, что у меня нет мичиганского двустороннего топорика, острого, как бритва, которым можно рубить по-настоящему, а не сечь кустарник ножом, словно кавалерийской шашкой.

Прорубая себе дорогу, когда проехать было нельзя, лавируя как только возможно, мы благодаря Камау, который искусно вел машину и великолепно ориентировался, одолели трудную часть пути и снова очутились в открытой степи. Вдали справа от нас виднелась цепь холмов. Но на беду здесь недавно прошел ливень, и приходилось глядеть в оба: в низинах колеса, разрывая дерн, погружались в скользкую грязь и буксовали. Мы рубили кустарник и дважды брались за лопаты, а потом, убедившись на опыте, что нельзя доверять низким местам, выбрались на высокий край равнины и снова углубились в лес. Прокружив довольно долго в поисках удобного пути, мы очутились на берегу ручья, там, где русло его было перегорожено запрудой, напоминавшей сооружения бобров. На другом берегу мы увидели маисовое поле, обнесенное сплошной изгородью из кустов колючей акации, и множество пней, рядом несколько явно заброшенных краалей — огороженных участков с мазанками, а правее, поверх живой изгороди, виднелись конусовидные соломенные крыши хижин. Мы все вылезли из машины, потому что предстояла трудная переправа, да и после нее подняться на тот берег можно было только через маисовое поле, усеянное пнями.

Дед уверял, что дождь пошел только сегодня. Утром, когда они с вандеробо проходили здесь, вода еще не переклестывала через запруды. Я был подавлен. Уехать от чудесного, девственного леса, где масаи видели куду на тропе, только для того, чтобы теперь застрять у жалкого ручейка на чужом маисовом

поле! Встретить здесь возделанные поля я никак не ожидал и был зол на судьбу. Что ж, придется просить позволения проехать через маис, если только мы вообще сможем перебраться через ручей и подняться на тот берег. Я разулся и пошел вброд, чтобы исследовать дно. Поваленные кусты и деревца образовали на дне плотный настил, и я решил, что с хода машина без труда проскочит. М'Кола и Камау согласились со мной, и мы полезли наверх взглянуть, что там. Земля была рыхлая, но под сырым верхним слоем она оказалась сухой, и я решил, что мы расчистим путь лопатами, если машина пройдет среди пней. Но прежде, конечно, надо было ее разгрузить.

От хижины к нам шли двое мужчин и мальчик. Когда они приблизились, я сказал: «Джамбо». «Джамбо», — отвечали туземцы, после чего Дед и вандеробо заговорили с ними. Мы с М'Кола переглянулись, и он покачал головой: он не понимал ни слова. «Наверное, наши просят разрешения проехать через маисовое поле», — подумал я. Когда Дед замолчал, двое мужчин подошли к нам, и мы обменялись рукопожатиями.

Они не походили на негров, которых я встречал до этого. Кожа у них была светлее, а у старшего, человека лет пятидесяти, были тонкие губы, почти греческий нос, высокие скулы и большие умные глаза. Держался он со спокойным достоинством и производил впечатление человека оченьмышленого. Второй туземец помоложе, лет тридцати пяти на вид, был очень похож на первого, и я решил, что они братья. Мальчик, по-девичьи красивый, казался застенчивым и глуповатым. В первый момент, увидев его лицо, я принял его за девочку, потому что все они носят какое-то подобие римской тоги из неотбеленной ткани, сколотой на плече и скрадывающей линии тела.

Они продолжали разговаривать с Дедом, и сейчас, когда они стояли рядом, мне бросилось в глаза некоторое сходство между сморщенной физиономией Деда и классическими чертами хозяина шамбы; точно так же наш вандеробо-масаи казался жалкой карикатурой на красавцев масаев, которых мы встретили в лесах.

Мы все вместе спустились к ручью, я помог Камау обвязать шины веревками вместо цепей, а старший «Римлянин» и другие тем временем разгрузили машину и внесли самый тяжелый багаж на крутой берег. Мы с разгона проскочили ручей, подняв тучу брызг, потом, усердно подталкивая машину, одолели половину подъема, но тут машина застряла. Мы рубили кустарник, копали землю и, наконец, втащили машину наверх, но впереди было еще маисовое поле, и я не представлял себе, куда ехать дальше.

— Куда поедем? — спросил я пожилого Римлянина.

Гаррик перевел мой вопрос, но Римлянин ничего не понял, и на помощь Гаррику пришел Дед.

Римлянин указал влево, на сплошную изгородь у опушки леса.

— Но ведь машина там не пройдет.

— Лагерь,— ответил М'Кола, желая сказать, что мы станем там на ночлег.

— Плохое место,— возразил я.

— Лагерь,— твердо сказал М'Кола, и все закивали головами.

— Лагерь! Лагерь! — подхватил Дед.

— Там будет наш лагерь,— торжественно продекламировал Гарри.

— Убирайся к черту— беззлобно сказал я ему.

Я пошел к изгороди вместе с Римлянином, без умолку говорившим что-то на непонятном мне языке. М'Кола последовал за мной, остальные погрузили вещи в машину и затем догнали нас. Я читал где-то, что близ покинутых туземных селений не рекомендуется разбивать лагерь из-за клещей и других паразитов, и, вспомнив это, решил во что бы то ни стало переменить место. Мы пролезли через пролом в изгороди и увидели за ней постройку из бревен и молодых деревьев, воткнутых в землю и переплетенных ветвями. Жилище это напоминало большой курятник. Римлянин указал рукой на дом, как бы приглашая нас располагаться здесь, и продолжал болтать.

— Клопы,— неодобрительно сказал я, обращаясь к М'Кола на суахили.

— Нет,— ответил он тоном, не допускающим возражений.— Никаких клопов!

— Злые клопы. Много клопов. Зараза.

— Нет клопов,— упорствовал он.

В конце концов М'Кола меня переспорил, и пока Римлянин говорил,— как я надеялся, что-то очень дельное,— подошла машина, остановилась под большим деревом шагах в пятидесяти от изгороди, и туземцы стали выгружать и переносить все необходимое для устройства лагеря. Мою палатку с брезентовым полом раскинули между деревом и «курятником», а я присел на бачок с бензином и завел с Римлянином, Дедом и Гарриком разговор об охоте. Камау и М'Кола тем временем разбивали лагерь, а вандеробо, разинув рот, стоял на одной ноге.

— Где были куду?

— Там,— и он указывает куда-то в сторону.

— Большие?

Римлянин растопыривает руки, чтобы показать, какие у них огромные рога, затем изливает на меня бурный поток красноречия.

При помощи словаря с трудом составляю фразу:

— Где же тот куду, за которым вы следили?

Вместо ответа — длинная речь, смысл которой, по-видимому, сводится к тому, что они следили за всеми куду разом.

День уже клонился к вечеру, и небо заволокли тучи. Я вымок до пояса, носки мои пропитались жидкой грязью. Кроме того, я вспотел, толкая машину и работая лопатой.

— Когда начнем? — спросил я.

— Завтра, — ответил Гаррик, даже не потрудившись перевести мой вопрос Римлянину.

— Нет, — возразил я. — Сегодня!

— Завтра, — упорствовал Гаррик. — Сегодня поздно. До темноты один час. — И он указал на мои часы.

Я порылся в словаре:

— Будем охотиться сегодня. Последний час — лучший час.

Но Гаррик находил, что куда слишком далеко, и мы не успеем вернуться в лагерь. Все это он объяснил жестами, а вслух произнес только:

— Охота завтра.

— Бездельник, — сказал я по-английски. Римлянин и Дед стояли молча. Я ежился: солнце скрылось за тучами, и стало холодно, несмотря на духоту, которая наступила после дождя.

— Дед! — сказал я.

— Что, господин? — откликнулся он. Усиленно листая словарь, я сказал:

— Охота на куду сегодня. Последний час — лучший час. Куду близко?

— Может, и близко.

— Охота сейчас?

Они посоветовались между собой.

— Охота завтра, — опять вмешался Гаррик.

— Заткни глотку, актер, — сказал я. — Послушай, Дед, — поохотимся немного сегодня?

— Да, — согласился он, и Римлянин тоже кивнул. — Только немного.

— Хорошо, — сказал я и пошел за сухой рубашкой, фуфайкой и носками.

— Охота сейчас, — сказал я М'Кола.

— Хорошо, — ответил он. — М'узури.

Переобувшись и надев все сухое и чистое, я блаженствовал, сидя на бачке с бензином и попивая разбавленное виски в ожидании Римлянина. Я предчувствовал, что сегодня непременно буду стрелять по куду, и пил для того, чтобы успокоиться. А еще для того, чтобы уберечься от простуды. А еще я пил виски просто так, потому что я его люблю, и хотя настроение у меня было превосходное, от виски оно становилось еще лучше.

Когда вернулся Римлянин, я застегнул башмаки, посмотрел, есть ли патроны в магазине моего ружья, снял с мушки защитный колпачок и продул прицел. Потом я допил виски из оловянной кружки, стоявшей на земле у бачка, и встал, проверив, лежат ли два носовых платка в карманах рубашки.

Появился М'Кола с охотничьим ножом и биноклем Старика.

— А ты оставайся здесь, — сказал я Гаррику. Он ничего не имел против. Он считал, что глупо выходить на охоту так поздно, и заранее торжествовал, уверенный, что окажется прав. Вандеробо же вызвался пойти с нами.

— Ну и хватит людей, — сказал я, сделав Деду знак остаться, и мы вышли из крааля — впереди Римлянин с копьем, за ним я, следом М'Кола с биноклем и заряженным манлихером, а вандеробо-масай с копьем замыкал шествие.

Был уже шестой час, когда мы двинулись через маисовое поле, затем спустились к ручью, перешли его в сотне ярдов выше плотины, где русло суживалось, медленно и осторожно взобрались на крутой противоположный берег, промокнув до пояса среди буйной травы и папоротников. Не прошло и десяти минут, как Римлянин, неожиданно схватив меня за руку, заставил лечь рядом с ним на землю; я сразу дернул затвор ружья. Затаив дыхание, Римлянин указал на другой берег, и там на опушке леса я увидел большое серое животное с белыми полосами по бокам и огромными витыми рогами; животное стояло боком к нам, подняв голову и, видимо, прислушивалось. Я поднял ружье, но мне мешал куст впереди. Чтобы выстрелить по верх него, пришлось бы встать во весь рост.

— Пига, — прошептал М'Кола. Я погрозил ему пальцем и пополз вперед, огибая куст. Я очень боялся спугнуть зверя, прежде чем подползу на выстрел, но не забывал наказа Старика: «Сумейте выждать». Подкравшись поближе, я встал на одно колено, взял куду на мушку и, восхищенный его размерами, твердя себе, что волноваться не надо, что случай самый обыкновенный, по всем правилам выцелил куду чуть пониже лопатки и нажал спуск. Грянул выстрел, куду сделал скачок и кинулся в заросли, но я знал, что не промахнулся. Я выстрелил вторично по серому пятну, мелькавшему среди деревьев. М'Кола орал: «Пига! Пига!», то есть: «Попал! Попал!», а Римлянин хлопнул меня по плечу, обмотал свою «тогу» вокруг шеи и побежал нагишом, а следом за ним и мы четверо понеслись во весь дух, как гончие, через ручей, вздымая фонтаны воды, потом вверх по откосу. Голый Римлянин уже продирался впереди сквозь заросли, потом нагнулся и, подняв листок, обрызганный алой кровью, шлепнул меня по спине, а М'Кола крикнул: «Даму! Даму!» — «Кровь! Кровь!». Чуть подальше мы нашли глубокий след, уводивший вправо, и я, на ходу перезаряжая ружье, вместе со всеми ринулся в полумрак леса, где Римлянин, сбившись было со следа, вдруг снова нашел кровь и дернул меня за руку, заставляя лечь.

Все мы затаили дыхание — куду стоял на полянке в какой-нибудь сотне шагов, должно быть тяжело раненный, насторожив уши, большой, серый, с чудесными рогами, и, повернув голову, глядел прямо на нас. Я подумал, что теперь уж надо стрелять наверняка, пока совсем не стемнело, задержал дыхание и при-

целился зверю в лопатку. Послышался хряск пули, и куду тяжело встал на дыбы. М'Кола закричал «Пига! Пига! Пига!», но куду скрылся из виду, а мы снова понеслись, как гончие, и чуть не упали, споткнувшись обо что-то. Это и был наш огромный, прекрасный самец куду, он лежал на боку, мертвый, и рога его, дивные, разлетистые рога, изгибались темными спиралями; он свалился в пяти шагах от того места, где его настиг мой выстрел, и лежал большой, длинноногий, серый с белыми полосами, увенчанный огромными рогами орехового цвета, на концах словно выточенными из слоновой кости, с густой гривой на высокой красивой шее, с белыми отметинами между глаз и на носу — и я, нагнувшись, дотронулся до него, чтобы убедиться, что это не сон. Куду лежал на том боку, куда вошла пуля, вся шкура была целехонька, и от него исходил нежный приятный запах — так благоухает дыхание телят и тимьян после дождя.

Римлянин бросился мне на шею, М'Кола что-то кричал неожиданно высоким, певучим голосом, а вандеробо-масай все похлопывал меня по плечу и прыгал от радости. Потом все по очереди торжественно пожали мне руку — престранным способом, неизвестным мне до того времени: хватали меня за большой палец, зажимали его в кулаке, трясли и тянули, потом снова энергично сжимали и при этом пристально смотрели мне в глаза.

Мы снова полюбовались добычей, а М'Кола стал на колени, провел по рогам пальцем, измерил руками их размах, не переставая напевать: «Оо-оо-иии-иии», иногда восторженно взвизгивая и поглаживая то морду, то гриву куду.

Я хлопнул Римлянина по спине, а он снова совершил церемонию с большим пальцем; я отвечал ему тем же. Я обнял вандеробо-масая и он, сильно и с большим чувством потянув меня за палец, ударил себя в грудь и сказал гордо:

— Вандеробо-масай — самый лучший проводник.

— Вандеробо-масай молодчина! — подтвердил я.

А М'Кола все тряс головой, глядел на куду и повизгивал. Потом он сказал:

— Думи, Думи, Думи! Бвана Кабор Кидого, Кидого. — Это значило, что перед нами король всех куду, а добыча Карла — мелочь, пустяк.

Все мы понимали, что убит не тот куду, по которому я стрелял сначала, а тот лежит где-нибудь, сраженный первым выстрелом, но это не имело значения, потому что перед нами было настоящее чудо. Однако мне захотелось взглянуть и на первого.

— Пошли, там еще один куду, — сказал я.

— Он мертв, — ответил М'Кола. — Куфа.

— Все равно идем.

— Этот лучше всех.

— Пошли.

— Мерять падо! — взмолился М'Кола.

Я протянул стальную ленту рулетки по изгибу рога, М'Кола придерживал ее снизу. Рог был значительно длиннее пятидесяти дюймов. М'Кола смотрел на меня с жадным нетерпением.

— Большой! Большой! — сказал я. — Вдвое больше, чем у Бваны Кабора.

— Иии-иии, — затынул он опять.

— Ну, идем, — сказал я. Римлянин уже скрылся из виду.

Мы поспешили к тому месту, где видели куду перед первым выстрелом, и сразу же заметили на уровне груди испачканные кровью листья кустарника. А в сотне шагов оттуда лежал мертвый куду. Этот оказался поменьше первого. Рога такие же длинные, но менее раскидистые, и все ж этот тоже был хорош. Он лежал на боку, подмяв под себя куст, на который свалился.

Снова пошли рукопожатия с дерганьем за палец, что, видимо, было у туземцев выражением крайнего восторга.

— Это аскари, — пояснил М'Кола. Он хотел сказать, что этот куду — страж или телохранитель того, что покрупнее. Видимо, он был в лесу, когда мы увидели первого куду, пустился бежать вместе с ним, а потом остановился, недоумевая, почему тот отстал.

Я хотел сфотографировать свою добычу и велел М'Кола вместе с Римлянином сходить в лагерь и принести два аппарата — Графлекс и кинокамеру, а также электрический фонарь. Я знал, что лагерь на этом же берегу, ниже по течению, и надеялся что Римлянин сообразит, как сократить путь, и вернется еще до заката.

Они ушли, а мы с вандеробо при ярком свете солнца, взглянувшего из-за облаков, осмотрели второго куду, измерили рога, вдыхая его запах, даже более приятный, чем запах оленебыка, погладили шею, морду, подивились величине ушей, гладкости и чистоте шкуры, осмотрели копыта, такие длинные, узкие и упругие, что ходил он, должно быть, как на цыпочках, нащупали под лопаткой пулевое отверстие... После этого мы с вандеробо еще раз пожали друг другу руки, причем он не преминул опять похвастать своими талантами, а я сказал, что отныне мы друзья, и подарил ему свой лучший нож с четырьмя лезвиями.

— Пойдем, вандеробо-масай, взглянем на первого, — сказал я по-английски.

Вандеробо прекрасно меня понял, и мы вернулись туда, где на краю полянки лежал большой куду. Мы обошли вокруг него, полюбовались, затем вандеробо, запустив ему руку под брюхо, пока я, приподняв куду, держал его на весу, нащупал пулевое отверстие и сунул туда палец. Окровавленный палец он поставил ко лбу и произнес целую речь на тему о том, что «вандеробо-масай — лучший проводник».

— Вандеробо-масай — король проводников, — сказал я. — Вандеробо-масай — мой друг.

Я весь вспотел и, надев плащ, который М'Кола захватил для меня, а уходя, оставил на полянке, поднял воротник. Теперь я все поглядывал на солнце и беспокоился, что оно зайдет раньше, чем принесут фотоаппарат и кинокамеру. Но скоро в кустах послышался шум, и я крикнул, давая знать, где мы. М'Кола отозвался, слышно было, как они разговаривают и продираются сквозь кусты, а я, переключаясь с ними, глядел на солнце, которое было уже у самого горизонта. Наконец, я увидел их, крикнул М'Кола: «Живей, живей!» и указал на солнце, но у них уже не было сил бежать. Они и так одолели бегом крутой холм и прошли через густые заросли. Когда я взял аппарат, открыл диафрагму до предела и навел объектив на куду, солнце освещало уже только самые верхушки деревьев. Я сделал полдюжины снимков и запустил кинокамеру, пока куду перетаскивали на более освещенное место, затем солнце село, снимать стало невозможно, и я спрятал аппарат в футляр — на этом и кончились мои обязанности, с темнотой наступило блаженное безделье победителя; меня заботило только одно — надо, чтобы М'Кола, свежущая голову антилопы, не обкарнал «воротник».

М'Кола отлично управлялся с ножом, и мне всегда нравилось глядеть, как он свежует животное, но сегодня, указав, где сделать первые надрезы — над копытами, в нижней части груди, почти у самого брюха, и на холке, — я отошел в сторону, потому что хотел сохранить куду в памяти таким, каким он предстал передо мной в первое мгновение, и побрел в сумерках ко второму куду. Когда следом пришли туземцы с фонарем, я подумал, что всегда либо сам свеживал свою добычу, либо смотрел, как это делают другие, и тем не менее помнил каждого зверя таким, каким увидел его живого. Значит, одно воспоминание не заслоняет другое, а сегодня меня просто лень одолела и я стараюсь увильнуть от работы.

Я взял фонарь и стал светить М'Кола, пока он свеживал второго куду, и, невзирая на усталость, любовался, как всегда, его быстрыми, уверенными, точными движениями до самого конца, когда он, отогнув «воротник», разрубил хрящ, соединяющий череп с позвоночником, а потом, ухватившись за рога, отделил голову, с которой тяжело свисала кожа, влажно побле-

скивая в свете фонаря, озарявшего окровавленные руки и грязный защитный френч М'Кола. Вандеробо, Гаррик, Римлянин и его брат остались, чтобы при свете керосинового фонаря разделить тушу, а М'Кола с головой первого куду, Дед с головой второго, и я с электрическим фонарем и двумя ружьями двинулись к лагерю.

В темноте Дед упал, и М'Кола засмеялся; потом шкура, которую он нес на голове, развернулась и покрыла ему лицо так, что он чуть не задохнулся. Мы с М'Кола расхохотались и Дед тоже. Потом упал М'Кола и смеялись мы с Дедом. Немного погодя я попал одной ногой в какую-то западню и шлепнулся ничком на землю, а вставая, услышал, как М'Кола фыркает и захлебывается от смеха, да и Дед тихонько хихикает.

— Что это, комедия Чаплина? — сердито сказал я по-английски. Но оба они продолжали тихонько посмеиваться у меня за спиной. Наконец, после кошмарного пути через лес, мы увидели свой костер, и М'Кола, казалось, был очень доволен, когда Дед упал, пролезая в темноте сквозь колючую изгородь. Только когда я осветил ему фонарем, указав пролом в изгороди, он встал, ругаясь, и с трудом поднял свою ношу — голову куду.

Когда мы подошли к костру и Дед положил череп куду около хижины, я увидел, что лицо у него в крови. М'Кола, тоже сложив свою ношу, указал на Деда и со смехом затряс головой. Бедный Дед совершенно обессилел, лицо было все исцарапано, покрыто грязью и кровью, но он благодушно посмеивался.

— Бвана упал, — проговорил М'Кола и изобразил, как я повалился на землю. Оба фыркнули.

Я шутливо замахнулся на него и сказал:

— Шенци!

Он снова изобразил, как я падал, но тут появился Камау. Он вежливо и почтительно пожал мне руку, сказал: «Хорошо, Бвана! Очень хорошо, Бвана!», — потом подошел к головам; глаза у него заблестели, он встал на колени и, поглаживая рога куду, ощупывая уши, затянул ту же монотонную песню, похожую на вздохи: «Ооо-ооо!», «Иии-иии!», — что и М'Кола.

Я вошел в палатку и в темноте — фонарь мы оставили в лесу свежевальщикам — умылся, снял мокрую одежду, затем, порывшись в рюкзаке, достал пижаму и купальный халат. Выйдя к костру переодетый, я положил мокрую одежду и башмаки у огня, и Камау развесил все на жердях, а башмаки, каждый в отдельности, надел на колья, которые воткнул в землю на некотором отдалении от огня, чтобы кожа не покорибилась.

Я присел на бачок, прислонясь спиной к дереву, а Камау принес бутылку и налил мне в кружку виски, я добавил туда воды из фляги и стал пить, глядя в огонь, ни о чем не думая, в полном блаженстве, чувствуя, как тепло равливается по телу и под влиянием виски все во мне расправляется, как рас-

правляют смятую простыню, ложась в постель; Камау тем временем принес банки с консервами и спросил, что приготовить на ужин. У нас было три банки особого «рождественского» фарша высшего качества, три банки лососины и три — с консервированным компотом, а еще много шоколада и коробка рождественского пудинга с изюмом, тоже высшего качества. Я велел унести все, недоумевая, зачем Кэйти положил нам фарш. А пудинг этот мы тщетно искали и не могли найти вот уж целых два месяца.

— Где мясо? — спросил я.

Камау принес толстое жареное филе газели, которую Старик подстрелил, когда охотился на дальнем солонце, и хлеб,

— А пиво?

Он принес одну из больших литровых бутылок немецкого пива и откупорил ее.

На бачке было не очень удобно сидеть, поэтому я разостлал свой плащ около костра, где земля уже подсохла, вытянул ноги и прислонился спиной к деревянному ящичку. Дед поджаривал мясо, насадив его на прут. Этот отборный кусок он принес, завернув в полу своей тоги. Вскоре один за другим появились и остальные туземцы с мясом и двумя шкурами; я лежал на земле, потягивая пиво и глядя в огонь, а они оживленно болтали и жарили на прутьях мясо. Становилось прохладно, ночь была ясная, пахло жареным мясом, дымом, сырой кожей от моих башмаков и ко всему этому присоединялся запах нашего милого вандеробо, который сидел на корточках неподалеку от меня. Но я еще живо помнил приятный запах куду, лежавшего в лесной чаще.

Каждый туземец насадил для себя на вертел большой кусок или несколько маленьких кусочков: они все время поворачивали прутья и, не переставая болтать, следили, как жарится мясо. Из хижин вышли еще двое незнакомых мужчин и с ними тот мальчик, которого мы видели днем. Я ел кусок жареной печени, который снял с одного из вертелов вандеробо-маса, и недоумевал про себя, куда же девались почки. Печенка была замечательно вкусная. Я как раз размышлял, стоит ли встать, чтобы взять словарь и спросить насчет почек, когда М'Кола сказал:

— Пива?

— Что ж, давай.

Он принес бутылку, и я залпом осушил ее до половины, запивая жареную печенку.

— Вот это жизнь! — сказал я по-английски.

М'Кола улыбнулся и спросил на своем языке:

— Еще пива?

Когда я заговаривал с ним по-английски, он воспринимал это как милую шутку.

— Гляди, — сказал я, приставил ко рту бутылку и осушил

ее единым духом. Это был старый фокус, которому мы научились в Испании, где пили так вино из мехов. Римлянин был поражен. Он подошел, присел на корточки и начал что-то говорить. Говорил он довольно долго.

— Совершенно верно, — сказал я ему по-английски. — И как-тись ты от меня подайше!

— Еще пива? — спросил М'Кола.

— Вижу, ты хочешь спить меня, старика.

— Н'Дио, — да, — ответил он, делая вид, что понимает по-английски.

— Смотри, Римлянин, — я начал лить пиво себе в рот, но, увидев, что Римлянин, глядя на меня, делает горлом глотательные движения, чуть не поперхнулся и опустил бутылку.

— Хватит. Больше двух раз за вечер не могу: вредно для печени.

Римлянин продолжал говорить что-то на своем языке. Дважды я услышал слово «симба».

— Симба здесь?

— Нет, — ответил Римлянин. — Там, — он махнул рукой в темноту, и я так ничего и не понял. Но слушал его с удовольствием.

— Я убил много симба, — сказал я. — Я — истребитель симба. Не веришь — спроси у М'Кола. — Я чувствовал, что меня, как всегда по вечерам, одолевает желание похвастаться, но рядом не было Старика и Мамы. А хвастать, когда тебя не понимают, куда менее приятно. Все же это лучше, чем ничего, особенно после двух бутылок пива.

— Поразительно, — сказал я Римлянину. Он продолжал рассказывать что-то. На дне бутылки оставалось немного пива.

— Дед, — позвал я. — Мзи!

— Что, Бвана?

— Выпей пива. Ты уже стар, оно тебе не повредит.

Я видел глаза Деда, когда осушал бутылку, и понял, что ему тоже хочется пива. Он выпил все, что оставалось, и склонился над прутьями с мясом, нежно прижимая к себе бутылку.

— Еще пива? — спросил М'Кола.

— Да, — ответил я. — И патроны.

Римлянин продолжал разглагольствовать. Видно, он был еще больший говорун, чем Карлос, которого я встречал на Кубе.

— Все это необычайно интересно, — сказал я ему. — Ты молодчина. И я тоже — оба мы славные парни. Послушай-ка...

М'Кола принес пиво и мою охотничью куртку, в карманах которой лежали патроны. Я отпил глоток, заметил, что Дед не сводит с меня глаз, и выложил перед ним шесть патронов.

— Хочу похвастать, — заявил я. — Придется вам потерпеть. Глядите!

Я по очереди дотронулся до каждого патрона: — симба, симба, фаро, ньяти, тендалла, тендалла. Каково? Хотите верьте,

хотите нет. Гляди, М'Кола! — И я снова перебрал все шесть патронов: лев, носорог, буйвол, куду, куду.

— Айяй! — взволнованно ахнул Римлянин.

— Н'Дио, — торжественно подтвердил М'Кола. — Да, это правда.

— Айяй! — снова воскликнул Римлянин и ухватил меня за большой палец.

— Святая правда, — сказал я. — Хоть и трудно поверить.

— Н'Дио, — повторил М'Кола и сам принялся перечислять: — симба, симба, фаро, ньяти, тендалла, тендалла!

— Можешь рассказать это им всем, — сказал я по-английски. — А с меня на сегодня хватит.

Римлянин снова заговорил, обращаясь ко мне, и я внимательно слушал его, прожевывая новый кусок жареной печенки. М'Кола занялся головами куду, освеживал одну и показал Каммау, что делать со второй. Это была кропотливая работа, они вдвоем при свете костра осторожно очистили глаза, нос и уши, потом удалили все мясо, не повредив шкуры, искусно и аккуратно. Не помню, когда я лег спать и ложились ли мы вообще в ту ночь.

Помнится, я достал словарь и велел М'Кола спросить мальчика, есть ли у него сестра, а М'Кола серьезно и твердо ответил мне за него:

— Нет, нет.

— Да пойми ты, я ведь без всякой задней мысли спрашиваю. Просто из любопытства.

Но М'Кола был непоколебим.

— Нет, — сказал он и покачал головой. — Хапана! — Таким же тоном он говорил «нет», когда мы выслеживали льва в густых зарослях.

На этом прервался наш светский разговор, и я стал разыскивать почки; брат Римлянина выделил мне кусок из своей доли, я насадил почку на прут между двумя кусками печени и начал поджаривать их над костром.

— Будет отличный завтрак, — сказал я вслух. — Куда вкусней фарша.

Потом мы долго беседовали о черных антилопах. Римлянин не называл их «тарагалла» и вообще не знал этого слова. Сперва я думал, что речь идет о буйволах, потому что Римлянин все время повторял «ньяти», но, оказывается, он хотел этим сказать, что они черны, как буйволы. Потом он начал рисовать их на золе костра, и стало ясно, что он говорит именно о черной антилопе. Рога ее изогнуты, как восточная сабля, и концами касаются загривка.

— Самцы? — спросил я.

— Самцы и самки.

С помощью Деда и Гаррика я выяснил, что поблизости бродят два стада.

— Завтра?

— Да,— ответил Римлянин.— Завтра.

— Кола,— сказал я.— Сегодня куду. Завтра — черные антилопы, буйволы, симба.

— Не надо буйволов! — ответил он, отрицательно качая головой.— Не надо симба!

— Мы с вандеробо-масаем пойдем на буйволов.

— Да, да,— радостно подтвердил вандеробо-масай.

— Тут близко есть большие слоны,— ввернул Гаррик.

— Завтра на слонов,— сказал я, поддразнивая М'Кола.

— Нет! — Он понимал, что я его поддразниваю, но и слышать не хотел ничего подобного.

— Да, да, на слонов,— сказал я.— На буйволов, на симба и на леопарда.

Вандеробо-масай взволнованно кивал.— И на носорога — добавил он.

— Хапана! — сказал М'Кола уже страдальчески.

— На тех холмах много буйволов,— перевел Дед слова Римлянина, который в сильном возбуждении вскочил на ноги и указывал куда-то вдаль, за хижины.

— Хапана! Хапана! Хапана! — твердил М'Кола решительно.— Еще пива? — он отложил нож.

— Ну, ну, не сердись, я пошутил.

М'Кола присел рядом со мной и заговорил, пытаясь объяснить что-то. Он упомянул имя Старика — видимо, хотел сказать, что Старика это не понравилось бы, что он не допустил бы этого.

— Я пошутил,— сказал я по-английски. Потом добавил на суахили: — Завтра на антилоп?

— Да,— горячо подхватил он.— На антилоп.

Потом мы с Римлянином долго беседовали, я говорил по-испански, а он уж не знаю по-каковски, и так мы с ним, кажется, разработали весь план кампании на завтрашний день.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Не помню, ложился ли я в ту ночь, припоминая лишь, что сидел у костра в сером предрассветном сумраке с кружкой горячего чая в руке, а мой завтрак на вертеле имел не очень-то привлекательный вид и был весь покрыт золой. Рядом стоял Римлянин и ораторствовал, указывая в ту сторону, где занималась заря, и, помнится, я подумал: неужели этот болтун проговорил всю ночь?

Шкуры, снятые с голов куду, были разложены на земле и густо посыпаны солью, а черепа с рогами прислонены к бревенчатой стене хижины. М'Кола уже свертывал шкуры. Камау принес мне консервы, и я велел открыть банку с компотом. Ночной холод еще не рассеялся, и я быстро поел консервированных фруктов со сладким прохладным соком, выпил еще кружку чая, пошел в палатку, оделся и переобулся.

Все были готовы в путь. Римлянин сказал, что мы вернемся к полудню.

Вести нас должен был брат Римлянина. Насколько я понял, Римлянин решил выследить одно стадо черных антилоп, а отыскать второе предоставил нам. Мы выступили. Впереди шел брат Римлянина в «тоге» и с копьём, за ним — я со спрингфилдом на ремне и цейсовским биноклем в кармане, а за нами — М'Кола с биноклем Старика через одно плечо и флягой через другое, с охотничьим ножом, точильным камнем, запасной коробкой патронов и плитками шоколада в карманах и с ружьем за спиной, Дед с фотоаппаратом, Гаррик с кинокамерой и вандеробо-масай с копьём, луком и стрелами.

Когда мы, простясь с Римлянином, вышли за колючую изгородь, в просвете между холмами показалось солнце и озарило поле, хижины и голубые холмы. День обещал быть погожим и безоблачным.

Проводник повел нас через густую чащу, в которой одежда мгновенно намокла, потом по редколесью, потом — по крутому подъему, пока мы не очутились на вершине холма, который высился у края того поля, где мы стали лагерем. Отсюда наш путь лежал по удобной ровной тропе через другие холмы, еще не освещенные солнцем. Немного сонный, я наслаждался прохладой раннего утра и шагал машинально, однако меня начинала беспокоить мысль, что нас слишком много и мы неизбежно спугнем дичь, хотя каждый делает все, чтобы двигаться без шума. Вдруг на тропе показались двое людей, шедших нам навстречу.

Впереди шел рослый, красивый мужчина, лицом похожий на нашего Римлянина, но с менее благородной внешностью, в «тоге», с луком и колчаном, а за ним — его жена, очень миловидная, скромная, женственная, одетая в коричневую дубленую шкуру, с ожерельем из медных колец на шее и со множеством таких же проволочных колец на руках и лодыжках. Мы остановились, сказали «Джамбо», и наш проводник заговорил со своим соплеменником, у которого был деловой вид человека, спешащего на службу.

Пока они обменивались быстрыми вопросами и ответами, я разглядывал юную женщину, видимо недавно вышедшую замуж: она стояла вполоборот, и мне видны были ее красивые удлиненные груди и стройные шоколадные ноги; вдруг муж что-то резко сказал ей, потом добавил еще несколько слов тихим, но повелительным тоном, и тогда она обошла нас, потупив глаза, и зашагала по тропинке, по которой мы пришли, а мы все смотрели ей вслед. Я понял, что муж ее намерен присоединиться к нам. Он этим утром видел черных антилоп и теперь с некоторым недоверием, явно недовольный тем, что пришлось оставить без присмотра красавицу жену, которую мы только что пожирали глазами, повел нас вправо по другой торной и ровной тропе через лес. Вокруг все напоминало мне оцепеневший американский пейзаж, и я невольно ожидал, что вот-вот у нас из-под ног вспорхнет куропатка и, хлопая крыльями, улетит на соседний холм или камнем упадет в долину.

Мы действительно спугнули стаю перепелок; я следил за ними взглядом и думал о том, что природа во всем мире — та же природа и все охотники одинаковы. Скоро мы заметили у самой тропы свежий след куду, а подальше, в пробуждавшемся от сна лесу, где не было подлеска и где первые солнечные лучи уже проникали сквозь кроны деревьев, мы набрали на слоновьи следы, огромные, в целый обхват, а глубиной они были не менее фута. Охотник всегда воспринимает это как какое-то чудо;

здесь после дождя, очевидно, прошел слон, судя по размерам — самец. Глядя на след, тянувшийся через живописный лес, я подумал о мамонтах, когда-то давно живших на земле, — среди холмов южного Иллинойса они оставляли такие же следы. Но Америка — древняя страна, и самая крупная дичь там уже перевелась.

Некоторое время мы двигались по живописному плато, потом оно кончилось, а за ним лежала долина и большой открытый луг, в дальнем конце поросший лесом, еще дальше — кольцо холмов, а от него влево тянулась другая долина. Мы остановились на холме, у лесной опушки, оглядывая ближнюю долину, которая у холмов образовала обрывистую, поросшую травой впадину. Слева от нас высились крутые, лесистые холмы с известняковыми обнажениями, они тянулись до самого начала долины, откуда шла другая цепь холмов. Справа под нами местность была неровная, с множеством бугров и полей, а дальше начинался лесистый отлог, тянувшийся до голубых холмов, тех самых, которые мы видели на западе, за хижинами, где жил наш Римлянин со своими сородичами. Я сообразил, что лагерь внизу, прямо под нами, и лесом до него около пяти миль в северо-западном направлении.

Муж красавицы разговаривал с братом Римлянина, объясняя жестами, что он видел на лугу пасущихся черных антилоп и они ушли либо вверх, либо вниз по долине. Мы расположились под прикрытием деревьев и послали вандеробо-масая в долину поискать следов. Он вернулся и сообщил, что под нами, вниз по долине и к западу, следов нет, после чего стало ясно, что животные ушли вверх по долине.

Теперь нам предстояло, приноровляясь к местности, выследить стадо и незаметно подобраться к нему на выстрел. Над холмами вставало солнце, слепившее нам глаза, тогда как долина тонула в густой тени. Я велел всем оставаться на месте, взял с собой только М'Кола и мужа красавицы, и мы, прячась за деревьями, поднялись повыше, откуда можно было осмотреть в бинокль местность за поворотом.

Вы спросите, каким образом мы, говоря на разных языках, могли все обсудить и решить; но, представьте себе, мы понимали друг друга так легко и свободно, словно я командовал конным патрулем, все солдаты которого говорят на одном языке. Все мы были охотники, кроме, пожалуй, Гаррика, и смогли договориться и решить все без единого слова, при помощи лишь указательного пальца и предостерегающих жестов.

Итак, мы втроем осторожно двинулись вперед, в глубь леса, с намерением подняться как можно выше. Отойдя довольно далеко, мы ползком взобрались на каменистый уступ и спрятались за ним; прикрыв бинокль шляпой от солнца, — М'Кола при этом кивнул и что-то одобрительно пробормотал, — я оглядел дальний конец луга и впадину у начала долины; там действительно пас-

лись антилопы. М'Кола увидел их раньше, чем я, и дернул меня за рукав.

— Н'Дио,— сказал я и, затаив дыхание, стал наблюдать. Все они, как мне показалось, были совершенно черные, крупные, с могучими шеями, у всех рога загибались назад. Они были очень далеко от нас. Несколько антилоп лежало, одна стояла. Всего мы насчитали семь голов.

— А где же самец? — прошептал я.

М'Кола протянул левую руку и загнул четыре пальца. Самец вместе с другими лежал в высокой траве и казался очень крупным, да и размах рогов у него был немалый. В глаза нам било утреннее солнце, и мы не могли как следует разглядеть зверя. Позади стада к самому холму подступал овраг, замыкавший долину.

Теперь мы знали, что делать: надо вернуться назад, пересечь луг в дальнем конце, чтобы нас не увидели антилопы, войти в лес и под прикрытием деревьев подняться выше того места, где находилось стадо. Но прежде необходимо было убедиться, что на этом пути в лесу или на лугу нет других антилоп.

Я послунил палец и поднял его. Ощувив холодок, я знал теперь, что ветер дует вниз по долине. М'Кола подобрал несколько сухих листьев, искрошил их и подбросил в воздух. Падая, они летели в нашу сторону. Значит, ветер нам благоприятствовал, оставалось внимательно осмотреть опушку леса и тогда решить, как быть дальше.

— Хапана,— сказал, наконец, М'Кола. Я тоже ничего не обнаружил, глаза у меня уже болели оттого, что я долго смотрел в восьмикратный бинокль. Теперь можно было попытаться пройти лесом. Правда, мы рисковали поднять по дороге какое-нибудь животное и спугнуть стадо, но другой возможности обойти их и подобраться сверху у нас не было.

Мы спустились обратно вниз и рассказали остальным о том, что видели. Здесь можно было перейти долину незаметно для антилоп; я снял шляпу, и мы, низко пригнувшись, двинулись в высокой траве через луг, а потом вброд через глубокий ручей, протекавший по самой его середине. Дальше наш путь лежал по каменистому уступу, а затем вверх по противоположному берегу, вдоль края долины, под прикрытием деревьев. Отсюда пришлось идти согнувшись, гуськом,— мы хотели лесом подняться выше антилоп.

Двигались мы быстро, но бесшумно. Мне часто случалось подкрадываться к крупным рогатым животным, и не раз они успевали уйти далеко, пока я обходил горный уступ, поэтому я не рассчитывал, что антилопы останутся на месте, и старался выйти на них как можно скорее, но в то же время не запыхаться перед стрельбой.

Фляга в кармане М'Кола постукивала о патроны, и я, остановившись, велел передать флягу вандеробо. Слишком много

людей было со мной, но, впрочем, все они двигались бесшумно, как змеи, и я был уверен, что антилопы не заметят и не учуют нас.

Наконец, я решил, что мы уже достаточно высоко, и теперь стадо впереди нас, и позади, где солнце ярко освещало лесную прогалину, и внизу, у подножия холма. Я проверил, не засорился ли прицел, вытер очки и лоб, а мокрый платок положил в левый карман, чтобы потом не воспользоваться им вторично. М'Кола, я и «муж» стали пробираться к опушке; вскоре мы подползли почти к самому краю гряды. Между нею и лугом кое-где еще росли деревья; мы притаились, за кустом возле поваленного дерева и, подняв головы, увидели антилоп шагах в трехстах от себя — в тени они казались очень темными и крупными. Нас разделял редкий, залитый солнцем лесок и открытая лощина. Вдруг две антилопы встали и повернули головы в нашу сторону. Я мог бы выстрелить, но они были очень уж далеко, я не хотел рисковать и медлил, наблюдая за ними. Тут кто-то тронул меня за плечо — это Гаррик подполз ко мне вплотную и хрипло прошептал: «Пига! Пига, Бвана! Думи! Думи!», что означало: «Стреляй, это самец». Я оглянулся и увидел весь свой отряд — одни лежали на животе, другие привстали на четвереньки, вандеробо-масай весь дрожал от нетерпения, как гончазя. Я рассердился и знаком велел им лечь.

Итак, там есть самец, и он куда крупнее того, которого мы с М'Кола недавно видели. Две антилопы глядели в нашу сторону, и я пригнул голову, боясь, как бы меня не выдал блеск моих очков; потом я опять осторожно приподнял голову, заслонив глаза ладонью. Обе антилопы успокоились и мирно пощипывали траву. Но вот одна снова тревожно вскинула голову; это была крупная антилопа с рогами, кривыми, как восточные сабли.

До этого я никогда не видел черных антилоп и понятия не имел, какое у них зрение — острое, как у горного барана, который видит не хуже охотника, или слабое, как у лося, который и в двухстах шагах не разглядит неподвижного человека. Не знал я и истинных размеров этих животных, но мне показалось, что до них не менее трехсот ярдов. Я был уверен, что не промахнусь, если выстрелю сидя или лежа, однако не мог сказать заранее, в какое именно место попаду.

Гаррик снова зашептал: «Пига, Бвана, пига!» Я повернулся, готовый дать ему оплеуху, — с каким наслаждением я сделал бы это! Правда, я нисколько не взволновался, когда увидел антилоп, но этот Гаррик действовал мне на нервы.

— Далеко? — шепнул я М'Кола, который подполз и лег рядом со мной.

— Да.

— Стрелять?

— Нет. Поглядим.

Мы с некоторыми предосторожностями приложили к глазам бинокли. Я увидел только четырех антилоп. А ведь их было семь. Если тот, на которого указал Гаррик, был самец, значит, и все остальные тоже: в тени все они казались одного цвета. И рога у всех были одинаково длинные. Я знал, что горные бараны обычно держатся вместе и только к весне присоединяются к овцам, а лоси в конце лета, перед течкой, ходят отдельно от лосих, но после течки все снова собираются в одно стадо. Мы видели в Серинее стадо самцов палу не менее чем в двадцать голов. Ну, что ж, ведь и здесь могли быть одни самцы! Мне нужен был очень хороший самец, самый лучший, и я пытался вспомнить все, что читал о черных антилопах, но в памяти всплыла только глупая история о человеке, который каждое утро видел одного и того же зверя на том же месте и никак не мог к нему подобраться. И еще я помнил пару чудесных рогов, которые мы видели в охотничьей инспекции в Аруша. Но сейчас передо мной были живые антилопы, и я хотел непременно подстрелить лучшую из них. Мог ли я думать, что Гаррик тоже в жизни не видел черной антилопы и знал о ней не больше, чем М'Кола или я?

— Слишком далеко,— сказал я М'Кола.

— Да.

— Вперед! — Я знаком велел остальным не двигаться с места, и мы с М'Кола поползли к подножию холма.

Наконец, мы залегли под деревом и я осмотрелся. Теперь в бинокль я отчетливо различал рога животных, и мы увидели остальных трех антилоп. Та, что лежала на земле, была безусловно крупнее других, и ее высокие рога, как мне показалось, далеко загибались назад. Я был слишком взволнован, чтобы радоваться, как вдруг послышался шепот М'Кола: «Бвана».

Я опустил бинокль, повернул голову и вдруг увидел Гаррика, который, нисколько не скрываясь, полз к нам на четвереньках. Я сделал рукой предостерегающий знак, но он как ни в чем не бывало продолжал ползти, бросаясь в глаза, как человек, среди бела дня ползущий на четвереньках по городской улице. Я увидел, что одна антилопа уже смотрит в нашу сторону, нет, вернее, прямо на Гаррика. Потом поднялись еще три, а за ними и самая крупная: она стояла боком, повернув голову к нам. Гаррик тем временем подполз ко мне и зашептал: «Пига, Бвана! Пига! Думи! Думи! Кубва сана».

Выбора не было — животные явно встревожились. Я лег, продел руку сквозь ремень, поставив локти поудобнее, уперся в землю носком правой ноги и спустил курок, целясь антилопе в лопатку. Но когда грохнул выстрел, я уже знал, что промахнулся. Слишком высоко! Все антилопы повскакали и стояли неподвижно, не понимая, откуда этот грохот. Я выстрелил вторично, пуля взметнула землю около самца, и стадо обратилось в бегство. Я вскочил на ноги, выстрелил снова, и самец

упал. Потом он поднялся, но я опять попал в него, он рванулся вперед, к стаду. Стадо умчалось, а я выстрелил и промахнулся. Выстрелил снова. Теперь он еле плелся, и я знал, что он не уйдет от меня. М'Кола подавал мне обоймы, а я, не сводя глаз со зверя, который переходил ручей, поднимая в нем целую бурю, засовывал патроны в магазин ружья, чертыхаясь, потому что они не лезли в этот проклятый магазин. Да, теперь ему не уйти! Я видел, что он тяжело ранен. А стадо бежало к лесу. На другом берегу в солнечном свете шерсть антилоп казалась уже гораздо светлее, и у раненого мною самца тоже. Все они были как будто темно-каштановые, а мой самец почти черпый. Однако то не был настоящий черный цвет, и я почуял неладное. Я засунул в магазин последнюю обойму, и Гаррик уже норовил схватить меня за руку и поздравить, как вдруг под нами, на открытое место, где невидимый сверху овраг пересекал долину, выскочил перепуганный самец и бросился бежать с невероятной быстротой.

— Боже правый! — мысленно ахнул я. Все антилопы были похожи друг на друга, и я выбрал самую крупную, принимая ее за самца. Все они бежали стадом, но только теперь появился настоящий самец! Даже в тени я видел, что этот совсем черный, на солнце шкура его блестела, рога, большие и темные, круто загибались назад, они почти касались концами середины спины. Да, вот это действительно был самец! И какой красавец!

— Думи,— шепнул мне на ухо М'Кола.— Думи!

Я выстрелил и самец упал. Потом он вскочил на ноги и кинулся вслед за стадом, которое бежало то враспынную, то сбиваясь в кучу. Я потерял его из виду. Но вот он показался снова — бежал вверх по долине, в высокой траве,— я вторично ранил его, и он скрылся из виду. Все стадо теперь несло вверх по холму над долиной, все выше и выше, справа от нас, несло стремительно, враспынную, к лесу по ту сторону долины. Теперь, увидев настоящего самца, я знал, что все это самки, и раненная мною антилопа тоже. Самец больше не показывался, но я был уверен, что мы найдем его в высокой траве, там, где он упал.

Все туземцы уже вскочили, пожимали мне руки, тянули за палец. Потом мы со всех ног кинулись вниз, мимо деревьев, через овраг к лугу. Глаза, мозг, все во мне было зачаровано чернотой этого самца, изгибом его длинных рогов, и я благодарил бога, что успел перезарядить ружье, прежде чем зверь выскочил. Но я потерял хладнокровие и в волнении стрелял куда попало, лишь бы ранить антилопу, вместо того чтобы точно выцелить уязвимое место, поэтому мне теперь было стыдно. Зато все остальные были опьянены успехом. Я предпочел бы идти медленно, но их невозможно было удержать, они неслись вперед, как свора гончих. Когда мы пересекли луг, на котором впервые увидели стадо, и достигли того места, где самец

скрылся из виду, оказалось, что трава здесь выше человеческого роста, и тогда все замедлили шаг. К ручью сбегали два размытых, заросших оврага в десять-двенадцать футов глубиной, и то, что представлялось нам сверху гладкой травянистой чащей, оказалось очень неровной коварной впадиной, где трава была по пояс, а порой даже выше головы. Мы сразу же заметили кровавые следы, которые вели влево, через ручей и дальше по склону холма. Я подумал было, что это след первой раненой антилопы, но она как будто описала не такой широкий круг, когда мы глядели на нее сверху. Я пошарил вокруг, но не мог отыскать следов самца среди всей этой путаницы; здесь, на пересеченной местности, среди буйной травы, трудно было определить, куда он скрылся.

Все туземцы хотели идти по кровавому следу, и отговорить их было столь же трудно, как заставить плохо обученных собак искать убитую птицу, когда они рвутся вслед улетевшей стае.

— Думи! Думи! — сказал я. — Кубва сана! Самец. Большой самец.

— Да, — подхватили они. — Вот! Вот! — они указывали на кровавый след, который вел через ручей.

Наконец, я согласился идти по этому следу, надеясь отыскать обеих антилоп и зная, что самка тяжело ранена, а самец в силах еще продержаться. Кроме того, я мог ошибиться: а вдруг это действительно след самца, вдруг он незаметно свернул в высокой траве и пересек ручей здесь, пока мы бежали вниз по склону? Ведь я уже ошибся один раз.

Мы поднялись на холм и в лесу увидели обильные брызги крови; тогда мы свернули вправо, карабкаясь по крутому откосу, и над долиной, среди скал, спугнули черную антилопу. Она понеслась вскачь по камням. Я сразу понял, что животное не ранено, и, несмотря на темные, загнутые назад рога, по каштановому цвету шкуры определил, что это самка. Определил как раз вовремя: я уже было слегка нажал на спуск, но тут сразу опустил ружье.

— Манамуки, — сказал я. — Это самка.

М'Кола и оба местных проводника подтвердили это. А ведь я чуть было не выстрелил. Не прошли мы и пяти шагов, как подняли вторую антилопу. Но эта отчаянно мотала головой и не могла прыгать по скалам. Она была тяжело ранена, и я, тщательно прицелившись, перебил ей шею.

Мы подошли к антилопе; она лежала на камнях, большая, темно-коричневая, почти черная, с черными рогами, красиво загнутыми назад, с белыми отметинами у глаз и белым брюхом. Но это был не самец.

М'Кола, все еще сомневаясь, ощупал короткие, недоразвитые соски, сказал: «Манамуки» и печально покачал головой.

Это была та первая антилопа, на которую мне указал Гаррикс.

— Самец там, внизу, — сказал я.

— Да, — согласился М'Кола.

Я решил выждать, пока раненый зверь ослабеет — если только он действительно ранен, — а потом спуститься в долину и отыскать его. Поэтому я велел М'Кола сделать первые надрезы, чтобы Дед мог освежевать добычу, пока мы будем разыскивать самца.

Я сделал несколько глотков воды из фляги. После бега и лазанья по холмам мне хотелось пить, к тому же солнце поднялось уже высоко, и становилось жарко. Мы спустились по другому склону долины и стали искать в высокой траве след самца. Но найти его нам не удалось.

Антилопы сначала бежали стадом, и все следы были запутаны или стерты. Мы обнаружили пятна крови на траве, где я впервые ранил самца, потом эти пятна исчезли и снова появились там, где кровавый след самки свернул в сторону. Но дальше следы расходились веером, — отсюда животные уже врассыпную бежали вверх по долине и через холмы. Мы снова потеряли было след, потом шагах в пятидесяти вверх по долине я нашел брызги крови на травинке, нагнулся и сорвал ее, но тут же пожалел об этом. Нужно было бы привести сюда остальных: ведь все они, кроме М'Кола, уже теряли веру в то, что я ранил самца.

Мы не нашли его. Он исчез. Сгинул. А, может, его и не существовало вовсе? Как доказать, что это действительно был самец? Не сорви я окровавленную травинку, мне удалось бы убедить их, у меня было бы доказательство. Сорванная, она имела значение лишь для меня и М'Кола. Но больше я нигде не нашел крови, и туземцы работали без особого усердия. Оставалось одно: обшарить каждый фут высокой травы, каждый фут в оврагах. Стало уже жарко, и туземцы только притворялись, будто ищут.

Подошел Гаррик.

— Все самки, — сказал он. — Самца не было. Просто очень большая самка. Ты убил большую самку. Ее мы нашли. А другая, поменьше, убежала.

— Слушай, ты, безмозглый болтун! — сказал я и стал объяснять ему на пальцах: — Семь самок. Потом пятнадцать самок и один самец. Самец ранен. Ясно?

— Нет, все самки, — упорствовал Гаррик.

— Подранена одна большая самка. И один самец.

Я сказал это таким уверенным тоном, что они согласились со мной и некоторое время усердно шарили в траве, но я видел, что постепенно все теряют надежду.

«Эх, будь со мной хорошая собака! — подумал я. — Одна только хорошая собака!»

Опять подошел Гаррик.

— Все самки, — сказал он. — Очень большие коровы.

— Сам ты корова,— ответил я.— Очень большая корова.

Мои слова рассмешили вандеробо-масая, уже являвшего собой настоящее олицетворение скорби. Брат Римлянина, по-видимому, еще верил в существование самца. «Муж» теперь уже не верил ничему и никому. Пожалуй, он не верил даже, что я накануне убил куду. Впрочем, после моей сегодняшней стрельбы я не мог осуждать его за это.

Подошел М'Кола.

— Хапана,— сказал он мрачно. Потом добавил: — Бвана, ты попал в этого быка?

— Да,— ответил я. На мгновение я и сам уже усомнился в существовании самца. Потом снова вспомнил густую, лоснящуюся черноту его шкуры и высокие рога, которые он сразу же откинул назад, вспомнил, как он бежал, выделяясь среди всего стада, черный как смоль, и М'Кола вслед за мной в своем воображении увидел этого самца сквозь туман недоверия, свойственного дикарю, который верит только в то, что видит.

— Да,— подтвердил он.— Я видел его. Ты его ранил.

Я снова начал считать:

— Семь самок. Я убил самую крупную. Пятнадцать самок, один самец. Я подранил самца.

На миг все опять поверили мне и принялись за поиски, но вера их мгновенно испарилась под палящими лучами солнца, среди высокой, колыхавшейся травы.

— Все самки,— снова объявил Гаррик. Вандеробо-масай кивнул, разинув рот. Я чувствовал, как спасительные сомнения овладевают и мной. Ведь легче всего было махнуть рукой и не бродить под солнцем по этой голой ложбине и крутому скату. Я сказал М'Кола, что мы осмотрим долину с обеих сторон, кончим свежевать самку, а там уж вдвоем спустимся вниз и разыщем самца. При таком недоверии со стороны моих спутников не имело смысла продолжать с ними поиски.

Мы с М'Кола снова спустились в долину, обрыскали ее вдоль и поперек, как легавые собаки, осмотрели и проверили каждый след. Я очень страдал от жары и жажды. Солнце пекло не на шутку.

— Хапана,— сказал М'Кола. Поиски оказались напрасными. Самец то был или самка, мы ничего не нашли.

«Может быть, это все-таки самка. Может быть, игра не стоит свеч»,— утешал я себя. Мы решили осмотреть еще холм справа от нас, а потом махнуть на все рукой, забрать голову самки и вернуться в лагерь узнать, что нашел Римлянин. Я умирал от жажды и выпил всю флягу до дна. Мы знали, что в лагере воды вволю.

Мы двинулись вверх по холму и в кустах спугнули антилопу. Я чуть было не выстрелил, но увидел, что и это самка. «Вот как они умеют прятаться! — подумал я.— Надо созвать наших людей и еще раз осмотреть все кругом».

Вдруг раздался радостный возглас Деда.

— Думи! Думи! — кричал он пронзительно.

— Где? — Я бросился к нему.

— Там! Там! — кричал Дед, указывая на лес по другую сторону долины. — Вот он! Вот! Вон бежит!

Мы мчались во весь дух, но зверь уже скрылся в лесу на склоне холма. Дед уверял, что это был огромный черный самец с длинными рогами и пробежал он в десяти шагах от него. Несмотря на две раны в брюхе и в спине, он бежал быстро, пересек долину, миновал валуны и поднялся на холм.

Значит, я ранил его в брюхо. А когда он убегал, вторая пуля настигла его сзади. Обессилев, он упал на землю, а мы его не заметили. Когда же мы прошли дальше, он поднялся.

— Вперед! — скомандовал я. Все вошли в азарт и теперь готовы были следовать за мной. Дед, без умолку болтая о самце, сложил шкуру, снятую с головы антилопы, водрузил эту голову на свою собственную, и мы, перебираясь через камни, принялись обшаривать холм. Там, куда указывал Дед, мы нашли очень большой след антилопы — отпечатки широких копыт, которые вели в лес, — и кровь, много крови.

Мы быстро пошли по этому следу, надеясь настигнуть самца и добить его, — в тени деревьев по свежим пятнам крови идти было легко. Но самец продолжал бежать вверх по холму все выше и выше. Мы шли по кровавому следу, который еще не успел подсохнуть, но не могли настичь беглеца. Я упорно смотрел вперед, надеясь увидеть его, если он оглянется, или упадет, или вздумает лесом спуститься с холма; М'Кола и Гаррик отыскивали след, им помогали все, кроме Деда, который плелся в хвосте, неся на седой голове череп и шкуру убитой антилопы. М'Кола нагрузил его еще и пустой флягой, а Гаррик — кинокамерой. Для старика это была нелегкая ноша.

Один раз мы нашли место, где самец отдыхал, и видели его след, а за кустами, где он стоял, на камне растеклась лужица крови. Я проклинал ветер, который нес наш запах далеко вперед, и понимал, что мы не сможем захватить самца врасплох: ведь запах распугает все зверье на нашем пути. Я хотел было пойти с М'Кола в обход, а остальных послать по следу, но мы двигались быстро, капли крови ярко алели на камнях, на траве, на опавших листьях, а склоны были слишком круты, и я решил, что самец и так не уйдет.

Потом мы вышли на каменистую возвышенность с множеством расселин; мы двигались с трудом, часто теряя след. «Здесь, — подумал я, — мы поднимем его в какой-нибудь лоцине». Но пятна крови, уже не такие яркие, вели нас все выше через камни и скалы и, наконец, пропали у крутого уступа. Отсюда антилопа, вероятно, двинулась вниз. Выше подняться она не смогла бы — уступ слишком крут. Только вниз — другого пути у нее не было. Но в какую сторону, по какому

ущелью? Я послал людей обследовать все три возможных пути, а сам забрался на уступ в надежде увидеть беглеца сверху. Сначала мои помощники не нашли никакого следа, но вдруг вандеробомасай крикнул, что справа под нами видит кровь. Сойдя по крутому спуску, мы тоже увидели ее на скале и находили подсыхающие капли по дороге до самого луга. Я приободрился и повел свой отряд на луг, где в высокой по колено траве выслеживать самца снова стало легко, потому что он брюхом задевал травинки, и если самые следы можно было увидеть, лишь согнувшись в три погибели и раздвигая траву, то кровь на этой траве сразу бросалась в глаза. Но она уже запеклась и потемнела, и я понял, что мы слишком замешкались около уступа.

Наконец, след пересек русло высохшего ручья недалеко от того места, откуда мы утром впервые увидели луг, и привел нас на почти безлесную кручу другого берега. Небо было безоблачно, и солнце здорово давало о себе знать. Я страдал не только от зноя — какая-то невыносимая свинцовая тяжесть давила мне голову, сильно хотелось пить. Жара была страшная, но не она меня мучила, а вот эта тяжесть в голове.

Гаррик перестал всерьез выслеживать зверя, и лишь когда мы с М'Кола останавливались, он с театральными ужимками демонстрировал свои успехи — найденные кое-где брызги крови. Он не желал заниматься черной работой, а предпочитал отдыхать, время от времени раздражая нас своими наскоками. От вандеробомасая толку было мало, и я сказал М'Кола, чтобы он хотя бы дал ему нести тяжелое ружье. Брат Римлянина явно не был охотником, а «муж» не проявлял особого интереса к этому делу. Он тоже, наверное, никогда не охотился. Земля, высушенная солнцем, была твердой, кровь запеклась черными пятнами и подтеками на низкой траве, и пока мы медленно шли по следу, брат Римлянина, Гаррик и вандеробомасай один за другим остановились и сели в тени под деревьями.

Солнце жгло невыносимо, и так как приходилось идти согнувшись, то, несмотря на носовой платок, прикрывавший затылок, в голове у меня так и гудело и она налилась болью.

М'Кола шел по следу неторопливо, сосредоточенно, весь поглощенный этим занятием. Его непокрытая лысая голова блестела от пота, а когда пот заливал глаза, он срывал горсть травы, брал ее то в одну, то в другую руку и сгонял ею капли со лба и голого черного темени.

Мы медленно брели дальше. Я всегда уверял Старика, что я более искусный следопыт, чем М'Кола, но сейчас мне стало ясно, что до сих пор я, подобно Гаррику, только изображал из себя следопыта, случайно находя потерянный след, — теперь же, когда пришлось долго пагать по жаре, когда солнце пекло не на шутку, обрушивая на голову потоки раскаленных лучей,

когда отыскивать след надо было на сухой и твердой почве, в низкой траве, где пятнышко крови превращается в сухой черный волдырь, неприметный на какой-нибудь былинке; когда эти пятнышки попадались порой шагах в двадцати друг от друга и один охотник оставался на месте и ждал, пока другой не найдет следующий почерневший сгусток крови, и дальше они шли по обе стороны следа; когда следопыты, чтобы не говорить лишних слов, указывали друг другу кровь былинками, а сбившись со следа, рыскали вокруг, стараясь не потерять из виду последнего пятнышка, и подавали друг другу знаки; когда из пересохшего горла не выжать было ни одного звука, а знойное марево маячило над землей и я с трудом разгибался, чтобы дать отдых онемевшей шее, — я понял, что М'Кола неизмеримо выше меня как человек и следопыт. «Надо будет сказать об этом Старику», — подумал я.

Тут М'Кола вздумал подшутить надо мной. Во рту у меня так пересохло, что я еле ворочал языком.

— Бвана, — сказал М'Кола, когда я выпрямился и откинул голову назад, чтобы расправить шею.

— Ну?

— Виски? — он протянул мне флягу.

— Ах ты каналья! — сказал я по-английски, а он хихикнул и потряс головой.

— Хапана виски?

— Злодей! — сказал я на суахили.

Мы двинулись дальше, но М'Кола долго еще тряс головой, очень довольный своей шуткой; вскоре опять пошла высокая трава, и находить след стало легче. Мы прошли все редколесье, которое видели утром с холма, и спустились вниз, где снова попали в высокую траву. Здесь я обнаружил, что стоит мне прищурить глаза, как я вижу примятую траву там, где пробирался зверь, и, к удивлению моего спутника, быстро пошел вперед, не разыскивая больше следов крови. Но скоро мы опять вышли на каменистую почву, поросшую низкой травкой, и находить след стало труднее прежнего.

Самец, проходя здесь, терял уже мало крови: видно, солнце и горячий воздух подсушили его раны, и нам лишь изредка попадались теперь мелкие звездчатые брызги на камнях.

Гаррик нагнал нас, сделал несколько «драгоценных находок» — пятнышек крови — потом снова уселся под деревом. Под другим деревом спасался от солнца бедный вандеробо-массай, в первый и последний раз выполнявший обязанности ружьеносца. Под третьим расположился Дед — он был весь обвешан ружьями и голова антилопы лежала рядом с ним, подобно какому-то черному символу. Мы с М'Кола продолжали медленно и с трудом продвигаться по длинному каменистому склону, потом вышли на соседний луг, кое-где поросший деревьями, пересекли его и увидели длинное поле, на краю усеянное крупными

камнями. Посреди этого поля след совсем затерялся, и мы кружили на месте около двух часов, прежде чем снова нашли брызги крови.

Отыскал их Дед возле камней, в полумиле от нас. Он пошел туда, рассудив по-своему, куда должен был деваться самец. Да, наш Дед оказался настоящим охотником!

Мы очень медленно одолели еще милью по твердой каменной почве, а потом застряли окончательно. На твердом грунте следов не оставалось, а крови нигде не было. Каждый высказывал свои предположения насчет того, куда направился зверь, но путей было слишком много. Нам не везло.

— Ничего не выйдет, — сказал М'Кола.

Я сел отдохнуть в тени большого дерева. Здесь можно было расправить усталую спину, было прохладно, как в воде, и ветерок охлаждал кожу сквозь взмокшую рубашку. Я не переставал думать о самце. Лучше бы уж я промахнулся! А то ранил и не сумел выследить. Должно быть, он уходит сейчас все дальше и дальше. Ведь он ни разу не обнаружил намерения повернуть назад. Вечером он издохнет и его сожрут гиены. Или, еще того хуже, набросятся на живого, перегрызут ему поджилки, потом вырвут внутренности... Первая же гиена, напав на кровавый след, не успокоится, пока не нагонит раненого зверя. Потом она начнет скликать остальных... Я ругал себя последними словами за то, что ранил, но не добил антилопу. Я со спокойной душой убивал всяких зверей, если мне удавалось сделать это без промаха, сразу: ведь всем им предстояло умереть, а мое участие в «сезонных» убийствах, совершаемых каждый день охотниками, было лишь каплей в море. Да, совесть моя молчала, когда я убивал зверей наповал. Мы съедали мясо и забирали шкуры и рога. Но этот самец черной антилопы причинил мне немало терзаний. Кроме всего прочего, мне очень хотелось добыть его. Хотелось мучительно — я даже себе самому не сознавался, насколько сильно мне этого хотелось, но игра была проиграна. Удобный момент был в самом начале, когда самец упал, а мы этот момент упустили. Впрочем, нет — наилучшая возможность, какую только может пожелать охотник, представилась мне, когда нужно было стрелять, а я послал пулю наугад. Это была грубейшая ошибка. Я сделал подлость, прострелив ему брюхо. Вот что бывает, когда человек слишком уверен в себе и пренебрегает чем-либо, без чего нельзя довести дело до конца. Ну что ж, мы потеряли этого самца. Во всем мире вряд ли можно было найти собаку, которая выследила бы его сейчас, в такую жару. И все же ничего другого не оставалось. Заглянув в словарь, я спросил у Деда, есть ли на шамбе собаки.

— Нету, — ответил Дед. — Хапана.

Мы описали большой круг, а местных проводников я послал на поиски в другую сторону. Но мы не нашли ничего — ни

следов, ни крови, и я сказал М'Кола, что пора возвращаться. Проводники отправились за мясом убитой самки. Итак, мы признали себя побежденными.

Мы с М'Кола, а за нами и все остальные по самому солнцепеку пересекли открытую равнину, потом сухое русло и очутились в благодатной тени леса. Мы шагали по тропе, кое-где расцвеченной солнечными пятнами, и напрямик, по ровному пружинистому настилу, как вдруг увидели в какой-нибудь сотне шагов от себя целое стадо черных антилоп, которые неподвижно стояли меж деревьев, глядя на нас. Я оттянул затвор и стал высматривать лучшую пару рогов.

— Думи,— прошептал Гаррик.— Думи кубва сана!

Я взглянул туда, куда он указывал. Там стояла очень крупная самка, темно-каштановая, с белыми отметинами на морде, белым брюхом, могучая, с красиво изогнутыми рогами. Она стояла боком, повернув голову, и разглядывала нас. Я внимательно оглядел всех антилоп. Одни только самки. Должно быть, это то самое стадо, в котором я подранил самца,— оно перевалило через холм и снова собралось здесь.

— Пошли в лагерь,— сказал я М'Кола.

Когда мы тронулись, антилопы побежали и перескочили тропу впереди нас. При виде каждой хорошей пары рогов Гаррик повторял: «Самец, Бвана, большой, большой самец! Стреляй, Бвана, стреляй же скорее!»

— Все самки,— сказал я, когда стадо в страхе промчалось по обрызганному солнцем лесу и скрылось из виду.

— Да,— согласился М'Кола.

— Дед! — позвал я. Он подошел.

— Пусть Гаррик понесет голову антилопы,— сказал я.

Дед опустил свою ношу на землю.

— Нет! — запротестовал Гаррик.

— Да! — возразил я.— Понесешь, черт тебя побери!

Мы продолжали путь через лес к лагерю. Настроение у меня было прекрасное. За весь день я ни разу не вспомнил о куду. А теперь мы возвращались туда, где они ждали меня.

Обратный путь показался мне очень долгим, хотя обычно, когда возвращаешься другой дорогой, время проходит незаметно. Я смертельно устал, голову сильно напекло и от жажды все у меня внутри пересохло. Но неожиданно в лесу стало прохладнее. Солнце спряталось за облака.

Мы вышли из лесу, спустились на равнину и увидели колючую изгородь. Солнце было уже скрыто грядой облаков, а скоро и все небо заволокли зловещие тучи. Я подумал, что сегодня, быть может, последний ясный и жаркий день. Такая жара не часто бывает перед дождями. Сначала я сказал себе: «Вот если б прошел дождь, но почва сохранила бы следы! Тогда мы смогли бы охотиться за этим самцом без помех». Но, поглядев на тяжелые, мохнатые облака, которые быстро по-

крыли все небо, я вспомнил, что нужно еще догнать своих, а потом на машине одолеть десять миль по черным землям до Хандени, и решил ехать сейчас. Я указал на небо.

— Плохо,— сказал М'Кола.

— Поедем в лагерь Бваны М'Кубва?

— Хорошо.— Потом, энергично одобряя мое решение, он добавил: — Н'Дио! Н'Дио!

— Едем! — решил я.

Добравшись до хижины за колючей изгородью, мы быстро сняли палатки. Нас здесь ждал гонец из прежнего лагеря, он принес мою москитную сетку и записку, написанную моей женой и Стариком перед отъездом. В записке они желали мне удачи и сообщали только, что выезжают. Я напился воды и, присев на бачок с бензином, взглянул на небо. Нет, рисковать было нельзя. Если бы дождь застиг нас здесь, мы, вероятно, не смогли бы даже выбраться на дорогу. Если бы он застиг нас в пути, мы не попали бы на побережье до конца дождливого сезона. Об этом мне еще раньше в один голос твердили австриец и Старик. Нужно было ехать.

Итак, решено. Ни к чему больше думать о том, как мне хотелось бы остаться. Усталость помогла мне решиться. Туземцы стали грузить все в машину и снимать куски мяса с палок, натканых вокруг кострища.

— Ты не хочешь есть, Бвана? — спросил у меня Камау.

— Нет,— ответил я. Потом добавил по-английски: — Я слишком устал.

— Все-таки поешь, ты голоден.

— Потом, в машине.

Мимо прошел М'Кола с грузом, его широкое плоское лицо снова было бесстрастно. Оно оживало лишь во время охоты или от какой-нибудь шутки. Отыскав у костра кружку, я велел М'Кола принести виски, и его каменное лицо у глаз и рта раскололось в улыбку. Он вынул флягу из кармана.

— Лучше с водой,— сказал он.

— Ах ты, черномазый китаец!

Люди работали быстро, а из хижины вышли две женщины и остановились поодаль — поглядеть, как мы укладываем вещи в машину. Обе были красивы и хорошо сложены, обе застенчивы, но любопытны. Римлянин еще не вернулся. Мне было очень неприятно уезжать, не простясь, не объяснив ему причины отъезда. Он мне нравился, этот Римлянин, я питал к нему глубокое уважение.

Я пил виски с водой, засмотревшись на две пары рогов куду, прислоненных к стене «курятника». Рога плавными спиралями поднимались над белыми, хорошо очищенными черепами и, расходясь в стороны, делали изгиб, потом другой, а концы у них были гладкие, словно выточенные из слоновой кости. Одна пара имела меньший размах и была повыше. Дру-

гая, почти столь же высокая, была шире и толще. Их темно-ореховый цвет ласкал глаз. Я прислонил спрингфилд к стене между этими рогами, и концы их оказались выше дула. Когда мимо проходил Камау, я попросил его принести фотоаппарат и постоять около рогов, а сам сделал снимок. Потом Камау перенес головы к машине, каждую отдельно — такие они были тяжелые.

Гаррик, важный, как индюк, разговаривал с женщинами. Насколько я мог понять, он предлагал им наши пустые бензиновые бачки в обмен на что-то.

— Иди сюда,— крикнул я ему. Он подошел, все с тем же наглым и самоуверенным видом.

— Слушай,— сказал я ему по-английски.— Если до конца этой поездки я не вздую тебя, это будет чудом. А уж если стукну, то выбью все зубы, можешь не сомневаться. Вот и все.

Он не понял слов, но тон мой делал их яснее любой фразы из словаря. Я встал и жестом объяснил женщинам, что они могут взять себе бачки и ящики.

— Полезай в машину,— сказал я затем Гаррику.— В машину! — повторил я, когда он захотел сам отдать женщинам один из бачков. Он повиновался.

Мы все уложили и были готовы в путь. Витые рога торчали над задним сиденьем, привязанные к багажу. Я оставил мальчику деньги для Римлянина и одну шкуру куду. Потом мы влезли в машину. Я сел впереди, рядом с вандеробо-масаем. Сзади разместились М'Кола, Гаррик и гонец, житель придорожной деревни, откуда был и Дед. Дед забрался на багаж, под самую крышу.

Помахав всем на прощанье, мы проехали мимо домочадцев Римлянина, пожилых неказистых туземцев, жаривших огромные куски мяса на костре около тропы, которая вела через майсовое поле к ручью. Мы благополучно переправились через ручей — вода в нем спала, а берега подсохли; я оглянулся на хижины, на ограду, за которой был наш лагерь, на холмы, синевшие под пасмурным небом, и снова пожалел, что придется уезжать, не простившись с Римлянином и ничего не объяснив ему.

Потом мы двинулись через лес, по знакомой дороге, торопясь засветло выбраться на открытое место. Дважды мы застревали в болоте, и Гаррик с азартом начинал командовать, пока остальные рубили кусты и копали землю, так что в конце концов мне ужасно хотелось задать ему трепку. Ему необходимо было телесное наказание, как шлепки распалившемуся ребенку. Камау и М'Кола посмеивались над ним, а он разыгрывал вождя, который возвращается с удачной охоты. Не хватало только страусовых перьев!

Один раз, когда мы застряли и я лопатой расчищал путь, Гаррик в пылу увлечения, распоряжаясь и подавая советы,

нагнулся, а я как бы нечаянно ткнул его черенком лопаты в живот, так что он даже присел. Я и глазом не моргнул, и мы все трое — М'Кола, Камау и я — боялись взглянуть друг на друга, чтобы не расхохотаться.

— Больно, — протянул он удивленно и встал.

— А ты не подходи близко, когда человек копает, — сказал я по-английски. — Это опасно.

— Больно! — повторил Гаррик, держась за живот.

— Потри его, — посоветовал я и показал, как это делается. Но когда мы снова сели в машину, мне стало жаль этого бедного смешного позера и бездельника. Я спросил у М'Кола пива. Он достал бутылку из-под багажа, откупорил ее, и я стал медленно пить. Мы проезжали теперь по местности, похожей на олений парк. Я обернулся и увидел, что Гаррик уже оправился и снова болтает без умолку. Он потирал живот и, видимо, рассказывал, какой он молодец — даже не почувствовал боли. Я поймал взгляд Деда — он следил сверху, как я пью.

— Дед! — окликнул я его.

— Что, Бвана?

— Вот возьми. — Я протянул ему бутылку, в которой осталось немного пива и пена.

— Еще пива? — спросил М'Кола.

— Конечно, — ответил я.

Машина обогнула излучину реки, пересекла зеленый луг, и впереди показалась масайская деревня.

Масаи, едва завидев нас, высыпали за изгородь и окружили машину. Были здесь молодые воины, которые недавно соревновались в скорости с нашим автомобилем, были и женщины с детьми — все вышли поглядеть на нас. Ребятишки были все маленькие, а мужчины и женщины — как будто одного возраста. И ни одного старика!

Масаи встретили нас как старых друзей, и мы устроили целый пир, угостив их хлебом, который сначала мужчины, а потом уже женщины ели с веселым смехом. Я велел М'Кола открыть две банки с фаршем и одну с пудингом, разделил все это на порции и роздал масаям. Я слышал и читал, будто они питаются только кровью скота, смешанной с молоком, а кровь эту берут из шейной вены, которую вскрывают выстрелом из лука почти в упор. Однако наши друзья масаи охотно ели хлеб, консервированное мясо и пудинг. Один из них, рослый и красивый, все просил чего-то на непонятном мне языке, потом его слова подхватили еще пять или шесть голосов. Видимо, они чего-то страстно желали. Наконец, рослый масай сделал странную гримасу и издал звук, похожий на визг недорезанного поросенка. Тут только я сообразил в чем дело и нажал кнопку клаксона. Ребятишки с криком разбежались, воины смеялись до упаду, а когда Камау, уступая общей просьбе, еще и еще

раз нажал клаксон, я увидел на лицах женщин выражение полнейшего восторга, настоящего экстаза и подумал, что, плененная клаксоном, ни одна из них не устояла бы перед Камау, стоило ему только пожелать этого.

Пора было ехать и, раздав пустые пивные бутылки, этикетки, и, наконец, жестяные колпачки от бутылок, которые М'Кола подбирал в машине, мы тронулись в путь, опять вызвав ревом клаксона восторг женщин, испуг ребятишек и бурное веселье мужчин. Воины довольно долго сопровождали машину, но нам надо было спешить, а дорога через «олений парк» была хорошая, и вскоре мы послали прощальный привет последним масаям, которые стояли, опершись на копья, статные, высокие, в коричневых шкурах, с прямыми косами, и глядели нам вслед с улыбками на раскрашенных красновато-коричневой краской лицах.

Солнце уже почти скрылось, и я, не зная дороги, уступил переднее место гонцу, а сам пересел к М'Кола и Гаррику.

Еще засветло мы проехали «олений парк» и очутились на сухой, поросшей редким кустарником равнине; я достал еще бутылку немецкого пива и, глядя по сторонам, заметил вдруг, что все деревья буквально усеяны белыми аистами. Сели они отдохнуть во время перелета или охотились за саранчой — как бы то ни было, в сумерках они представляли красивое зрелище; очарованный им, я расчувствовался и отдал Деду бутылку, в которой оставалось пива на добрых два пальца от доньшка.

Следующую бутылку я, забыв про Деда, выпил один. Аисты все еще сидели на деревьях, а справа от машины пасся табунок газелей. Шакал, похожий на серую лисицу, рысцой перебежал дорогу. Я велел М'Кола откупорить еще бутылку, а тем временем равнина осталась позади, мы поднимались теперь к деревне по отлогому склону, откуда видны были две высокие горы; уже смеркалось и стало прохладно. Я протянул бутылку Деду, а он поднял ее наверх под крышу и нежно прижал к груди.

Уже в темноте мы остановились на дороге возле деревни, и я уплатил гонцу, сколько было сказано в записке. Деду я тоже дал столько, сколько наказал Старик, с небольшой надбавкой. Потом между туземцами разгорелся спор. Гаррик должен был поехать с нами в главный лагерь и там получить деньги. Абдулла тоже непременно хотел ехать с нами: он не доверял Гаррику. Вандеробо-масай жалобно просил взять и его. Он боялся, что они оба его надуют и не отдадут его доли, и я был уверен, что с них это станется. А тут еще бензин, который нам оставили для того, чтобы мы воспользовались им в случае необходимости или привезли с собой. Словом, машина была перегружена, а я к тому же не знал, какая впереди

дорога. Однако я решил, что можно взять Абдуллу и Гаррика и втиснуть как-нибудь вандеробо. Но о том, чтобы взять Деда, не могло быть и речи. Он получил деньги, остался доволен, но не желал выходить из машины. Он залез под крышу и ухватился за веревки, твердя: «Я поеду с Бваной».

М'Кола и Камау вынуждены были силой стащить его, чтобы переложить груз, а он все кричал: «Хочу ехать с Бваной!»

Пока они возились в темноте, он взял меня за руку и стал тихо говорить что-то.

— Ты получил свои шиллинги,— сказал я.

— Да, Бвана,— ответил он. Но совсем не в деньгах было дело. Платой он был доволен.

Когда мы сели в машину, он снова стал карабкаться наверх. Гаррик и Абдулла стащили его.

— Нельзя. Нет места.

Он снова стал что-то говорить мне жалобно, умоляюще.

— Нет места.

Я вспомнил про свой перочинный ножик, достал его из кармана и протянул Деду. Но он сунул мне нож обратно.

— Нет,— сказал он.— Нет.

Потом он умолк и смиренно стоял в стороне. Но когда машина тронулась, он побежал следом, и я слышал в темноте его крик:

— Бвана! Хочу с Бваной!

Мы ехали по дороге, которая после всех мытарств казалась нам в свете фар настоящей аллеей бульвара. Несмотря на темноту, мы благополучно проехали пятьдесят пять миль. Я бодрствовал, пока мы не одолели самую трудную часть пути, где приходилось при свете фар отыскивать дорогу в зарослях,— а потом уснул, и, просыпаясь время от времени, видел то освещенную фарами стену высоких деревьев, то обнаженный бугор, то — когда машина на первой скорости одолевала крутой подъем — почти вертикальные столбы электрического света впереди.

Наконец, когда спидометр показывал уже пятьдесят миль, мы остановились у какой-то хижины, и М'Кола, разбудив хозяина, спросил, как проехать к лагерю. Я снова заснул, а когда проснулся, мы уже сворачивали с дороги, и впереди между деревьями виднелись костры лагеря. Как только фары осветили зеленый брезент палаток, я закричал, мой крик подхватили остальные, взревел клаксон, я с грохотом разрядил ружье в воздух, и вспышка прорезала темноту. Машина остановилась, и я увидел Старика — он выскочил из палатки, грузный и нескладный в своем халате, обхватил меня за плечи и сказал: «Ах вы, проклятый истребитель быков», а я хлопал его по спине.

Потом я сказал:

— Взгляните, какие рога, Старик.

— Видел! Они занимают полмашины.

Через минуту я уже крепко обнимал жену, такую маленькую, совсем затерявшуюся в стеганом просторном халате, и мы говорили друг другу всякие нежные слова. Потом вышел Карл, и я крикнул:

— Здорово, Карл!

— Я так рад,— сказал он.— Чудесные рога.

М'Кола уже вытащил рога из машины, он и Камау держали их на виду в свете костра.

— Ну, а у вас как дела? — спросил я Карла.

— Убил еще одного из этих... как они называются? Тендалла.

— Вот хорошо! — я был спокоен, зная, что лучших рогов, чем у моей антилопы, не бывает, и охотно допускал, что у Карла неплохая добыча.— Сколько дюймов?

— Э, пятьдесят семь,— ответил Карл.

— Покажите.— Я почувствовал, что внутри у меня все похолодело.

— Они вон там,— сказал Старик, и мы подошли ближе. То были самые большие, самые раскидистые и красиво изогнутые, самые темные, самые массивные и прекрасные рога в мире! Внезапно, ужаленный острой завистью, я почувствовал, что и смотреть не смогу теперь на свою добычу. Нет, нет, никогда.

— Чудесно! — я хотел сказать это весело, но у меня вырвалось какое-то хрипкое карканье. Я попытался исправить неловкость.— Ох, и здорово же! Как это вам удалось?

— Их там было три,— сказал Карл.— Все такие же крупные, как этот. Я не мог решить, какой самый крупный. Туго нам пришлось! Я стрелял по нему четыре или пять раз.

— Какой дивный куду! — сказал я. Это прозвучало уже чуточку лучше, но я знал, что обмануть никого не удастся.

— Очень рад, что и вы вернулись не с пустыми руками,— сказал Карл.— Какие красавцы! Утром вы мне непременно все расскажете. Сейчас вы, наверно, слишком устали. Спокойной ночи.

Деликатный, как всегда, он отошел, чтобы дать нам возможность поговорить на свободе.

— Пойдемте выпьем,— крикнул я ему.

— Нет, благодарю, я, пожалуй, лягу. У меня что-то голова болит.

— Спокойной ночи, Карл.

— Спокойной ночи. Спокойной ночи и вам, милая Мама.

— Спокойной ночи,— отозвались мы все хором.

У костра за виски с содовой я рассказал им все наши приключения.

— Быть может, они еще найдут этого самца,— сказал Старик.— Мы им предложим деньги за его рога. Пусть при-

шлют их в охотничью инспекцию. Сколько дюймов в тех рогах, что побольше?

— Пятьдесят два.

— Над изгибом?

— Да. Мсжет быть, даже чуть больше.

— Несколько дюймов ничего не значат. У вас замечательные куду.

— Конечно. Но почему Карлу всегда удается так поспра-
мить меня?

— Ему везет, — ответил Старик. — Боже, какой куду! Я только раз в жизни видел рога длиннее пятидесяти дюймов. Это было в Калале.

— Мы еще до отъезда из прежнего лагеря узнали, что Карл убил куду — привез эту новость шофер его грузовика, — сказала Мама. — А я все время молилась за тебя. Спроси у мистера Джексона.

— Вы себе не представляете, что мы почувствовали, когда увидели торчавшие из вашей машины здоровенные рога, — сказал Старик. — Ах вы, старый плут!

— Просто чудо, какие рога, — сказала моя жена. — Пойдемте, поглядим на них еще раз.

— Теперь вам будет что вспомнить, а это самое главное, — заметил Старик. — Ей-богу, отличные куду.

Но мне было досадно, я не мог успокоиться всю ночь. Только утром все прошло. Прошло и никогда больше не возвращалось.

Мы со Стариком встали еще до завтрака и пошли взглянуть на рога. Было серое, хмурое, холодное утро. Приближался дождливый сезон.

— Три чудесных трофея, — сказал Старик.

— Ну, сегодня даже рядом с добычей Карла мои куду очень недурны, — отозвался я.

Да, как ни странно, это было так. Я примирился с удачей Карла и радовался за него. Право же, все три пары рогов были хороши, и такие длинные!

— Я рад, что вам полегчало, — сказал Старик. — Мне тоже.

— Право, я очень рад за Карла,— сказал я от всей души.— С меня хватит того, что я добыл.

— Как все-таки сильны в нас первобытные инстинкты,— отозвался Старик.— Дух соперничества побороть невозможно. А он все портит.

— Я от него избавился. Теперь все в порядке. Очень интересная была поездка.

— Ну еще бы!

— Скажите, Старик, что это за обычай у туземцев, когда жмут руку и тянут за большой палец?

— Это значит, что они как бы признают вас кровным братом. А кто тянул вас за палец?

— Все, кроме Камау.

— Вот это здорово! Вы становитесь в Африке своим человеком,— заметил Старик.— Ну и молодчина! А скажите, вы в самом деле такой превосходный следопыт и стрелок?

— Идите к черту!

— А М'Кола тоже тянул вас за палец?

— Да.

— Так, так. Ну, идемте, позовем маленькую Мемсаиб и будем завтракать. Хотя, по правде сказать, я не очень проголодался.

— А я — очень. Почти два дня ничего не ел.

— Но пиво пили, конечно?

— Разумеется.

— А пиво — та же еда.

Мы позвали Мемсаиб и Карла и весело позавтракали всей компанией.

Месяц спустя Мама, Карл и его жена — она присоединилась к нам в Хайфе — сидели на солнышке у каменной стены на берегу Тивериадского озера, закусывали, пили вино и смотрели на гагар. Холмы отбрасывали тень на озеро, такое тихое и недвижимое, что оно казалось стоячим. Стаи гагар, плавая, оставляли круги на поверхности. Я пробовал сосчитать этих птиц и размышлял, почему о них не упомянуто в библии. В конце концов я решил, что те, кто писал библию, не были натуралистами.

— Нет, я не намерен ходить по воде,— сказал Карл, глядя на унылое озеро.— Один раз это было сделано и хватит!

— Знаете,— сказала Мама,— я уже многого не помню. Не помню даже лица Джексона. А оно так прекрасно! Я все думаю, думаю о нем, но не могу себе его представить. Это ужасно. На фотографии он совсем не тот. Еще немного, и я совсем забуду его лицо. Уже и сейчас я его помню смутно.

— Вам не следует его забывать,— сказал Карл моей жене.

— А я его отлично помню,— вмешался я.— Вот погоди, напишу для тебя когда-нибудь повесть и расскажу в ней о старике Джексоне.

О «ЗЕЛЕННЫХ ХОЛМАХ АФРИКИ» ЭРНЕСТА ХЕМИНГУЭЯ

«Зеленые холмы Африки» — литературное произведение особого рода. Это повесть без фабулы. Как пишет в предисловии автор, он задался целью выяснить, может ли быть интересной книга, в которой правдиво, без всякого вымысла, описан месяц, проведенный охотничьей экспедицией в Африке. Нам трудно судить, удался ли эксперимент Хемингуэя с чисто художественной стороны. Несомненно, однако, что все, кто интересуется природой и животным миром, жизнью и охотой в далеких странах, с удовольствием прочтут эту небольшую книгу.

Хемингуэй, неутомимый и любознательный путешественник, немало лет своей жизни посвятил странствиям. Африка привлекала его с детства. В этой стране он, по его собственным словам, чувствовал себя счастливым, обогащаясь свежими впечатлениями и наблюдая природу:

«Очутившись в Африке, я жаждал узнавать ее все больше и больше, и мне все было интересно — смена времен года, дожди, когда можно оставаться на месте, неудобства, которыми расплачиваешься за подлинное знакомство со страной, названия деревьев, зверей и птиц, даже самых мелких; я хотел изучить язык и неторопливо бродить повсюду, имея довольно времени, чтобы вникнуть во все».

Рассказывая о своей поездке по Африке, Хемингуэй с большим искусством рисует природу этой чудесной страны, ее выжженные солнцем равнины, лесистые холмы, реки и озера, густые заросли. Африка показана просто, без прикрас, скупыми и точными штрихами, которые порой ярче и образнее любых многословных повествований. В мировой литературе не часто можно встретить описания путешествий, сделанные пером такого большого художника.

Для нас, советских читателей, не очень избалованных литературой об Африке, книга Хемингуэя имеет и немалый чисто познавательный интерес. Чтобы эта познавательная ее сторона стала яснее читателю, остановимся прежде на современном состоянии животного мира Африки.

В прошлом веке не было на земле другого места, где животный мир был бы столь же богат, как в Восточной Африке. Особенно изобиловала она крупным зверем и прежде всего — копытными. Зебра, носороги, кабаны, жирафы, различные виды газелей и крупных антилоп бродили здесь стадами, а спасаясь от засухи, двигались огромными скопищами в десятки тысяч голов. Копытные привлекали разнообразных хищников, прежде всего львов. Много было гиен, шакалов,

встречались большие стада слонов. Все путешественники и зоологи, побывавшие в Африке, с восторгом писали об этом поистине поразительном разнообразии и обилии крупного зверя.

По уже в 70-х годах девятнадцатого столетия в результате резкого усиления европейской колонизации количество дичи стало уменьшаться. Особенно пострадали слоны, которых и до этого истребляли ради их бивней — ценной «слоновой кости».

И все же в то время Восточная Африка еще оставалась истинным царством крупного зверя, о котором мечтали охотники. В годы первой мировой войны Леттов-Форбек, о котором Хемингуэй упоминает в этой книге, мог в некоторых местах даже пополнять продовольственные запасы своей армии охотой на бегемотов.

В двадцатом столетии европейские колонизаторы продолжали хищническую эксплуатацию природных богатств страны; проводились усовершенствованные дороги, возникали новые поселки и города. Распашка земель и уничтожение лесов продолжались непрерывно, и диких животных отесняли во все более глухие и неблагоприятные для обитания места.

Особую роль в истреблении африканской фауны сыграли охотники, приезжавшие сюда со всего света. С конца прошлого столетия сначала из Европы, а потом из Америки стали снаряжаться специальные охотничьи экспедиции в Восточную Африку. Вскоре такая охота стала излюбленным и модным спортом. На месте, в Африке, появились фирмы, которые снабжали экспедиции лагерным снаряжением, продовольствием, оружием, носильщиками, проводниками, выбирали места для охоты и т. п. Участнику такого «сафари», как назывались эти экспедиции, оставалось только охотиться. Спортивный успех таких экспедиций определялся добытыми трофеями — размерами рогов антилоп или буйволов, размерами и весом слоновых бивней, а кроме того, самим числом убитых животных. Естественно, что при столь безжалостном отношении к дикой фауне даже, казалось бы, неисчислимые запасы ее стали резко уменьшаться.

Необходимость ограничения охоты скоро сделалась очевидной. Одной из таких ограничительных мер стала продажа лицензий. Лицензия давала охотнику право за определенное время застрелить определенное количество животных того или иного одного вида. Однако, несмотря на всевозможные ограничения (лицензии, охотничьи инспекции, заповедники, о которых упоминается в книге Хемингуэя), некоторые животные оказались выбитыми настолько, что охоту на них пришлось совсем запретить, другие находятся на грани полного исчезновения. Так, к сороковым годам нашего века белых носорогов осталось во всей Африке около ста голов.

Хотя в большинстве случаев «сафари» превращались в простое избиение зверей, не следует думать, что они были лишены романтики африканских путешествий и настоящих ярких впечатлений. Они требовали силы, выносливости, охотничьего искусства и подчас были серьезным испытанием характера и мужества. Иногда не спало ни самое совершенное оружие, ни присутствие помощников; немало охотников погибло в зубах льва, на рогах буйвола или убито слонами. Среди людей, охотившихся в Африке, были и ученые, и путешественники, и спортсмены. Им приходилось сталкиваться с теми же трудностями, о которых подробно рассказывает Хемингуэй в этой книге: недостатком воды во время засухи, бездорожьем во время дождей, жарой, москитами, болезнями, недостатком пищи.

Разумеется Хемингуэй, рассказывая о своей экспедиции, не ставил перед собой цели дать картину состояния крупной дичи в Восточной Африке. Тем не менее его реалистическое и правдивое описание позволяет очень ярко представить себе тот упадок, до которого доведены богатейшие в мире охотничьи угодья. Лучшее этого не мог бы сделать ни зоолог, ни охотовед. Достаточно оценить те труды и усилия, которые

автор тратил на добычу животных, в конце концов не представляющих особой редкости (только зебры давались ему легко), чтобы понять, что животный мир Африки теперь — увы! — совсем не тот, каким мы его себе еще часто представляем.

В целом «Зеленые холмы Африки» — чисто охотничья и притом глубоко личная книга. В ней много кратких, но точных и живописных зарисовок, отображающих те или иные стороны жизни африканцев. Вот по дороге непрерывным потоком движутся люди, неся с собой свое имущество — они спасаются от голода и засухи. Вот рядом с автомобилем легко и горделиво бегут масаи — представители большого восточноафриканского племени — «красавцы как на подбор, приветливые и веселые». Вот у хижин Хемингуэя встречается хозяин «шамбы» — у него «тонкие губы, почти греческий нос, высокие скулы и большие умные глаза...»

Такие зарисовки составляют фон, на котором показаны охотничьи приключения. Превосходно, очень скупыми черточками, частью через характерные хемингуэевские диалоги, показаны спутники автора: Джексон Филипс по прозвищу «Старик» — «белый охотник», сопровождавший автора в его поездке, деликатный и застенчивый Карл, случайный знакомый Кандиский — африканский старожил и любитель литературы, в свое время участвовавший в походах Леттова-Форбека, замечательный следопыт Друпси, честный и старательный М'Кола, комичный болтун и бездельник «Гаррик», развращенный охотничьими экспедициями и так похожий на наших дореволюционных «егерей при господах», описанных Маминым-Сибиряком, и другие. Частью фона являются также многочисленные разговоры и размышления на литературные темы*.

Великолепно, как это мог сделать только большой художник, переданы личные охотничьи переживания автора. В современной охотничьей литературе, пожалуй, не найти ничего подобного по точности и выразительности. Особое состояние сосредоточенности, которое владеет человеком на охоте, гордость после хорошего выстрела, досада из-за промаха, восхищение отличным трофеем, упорные поиски зверя, злость, вызванная «невезением», торжество при неожиданном успехе, тяжелое и мрачное настроение, когда раненый зверь безнадежно пропал («Лучше бы я промахнулся...»), даже зависть к удачливому товарищу и, наконец, радость за него — все это дано хотя подчас и сухо (автор не восторженный юноша, а старый, бывалый охотник), но так ярко и точно, что каждый охотник в этих описаниях узнает себя.

Для Хемингуэя охота не была временным увлечением («Настоящий охотник бродит с ружьем пока он жив и пока на земле не перевелись звери...»), он любил ее с тех пор, как отец, в детстве подарил ему ружье. Не одни только трофеи привлекали его: охота давала ему возможность шире узнать мир, наблюдать природу. Недаром Хемингуэй, попробовав охотиться с автомобиля, отдал потом предпочтение пешим путешествиям:

«Вот такая охота была мне по душе. Пешеходные прогулки вместо поездок в автомобиле, неровная, труднопроходимая местность вместо гладких равнин — что может быть чудеснее!»

И все-таки книга Хемингуэя при всех ее достоинствах порой вызывает чувство неудовлетворенности. На охоте жестокость, к сожалению, неизбежная вещь. Однако каждый настоящий охотник старается свести ее до минимума. Отсюда, а не только из спортивного чувства, возникает, например, стремление «положить» зверя одним выстрелом — «мертво».

* Некоторые из них, в большинстве уже опубликованные ранее (см. журнал «Иностранная литература» № 7 за 1959 г.) и не связанные непосредственно с поездкой Хемингуэя по Африке, в настоящем издании опущены.

Хотя Хемингуэю, по его словам, сам процесс охоты доставляет массу удовольствия независимо от результатов, к сожалению, он порой выступает в роли чрезмерно жестокого охотника: то он без всякой необходимости убивает антилопу, то с ожесточением расстреливает газель, то стреляет гиен лишь потому, что ему противен их вид и образ жизни. Правда, делает он это, охваченный охотничьим азартом, стремлением завладеть первенством, и потом сам иронизирует над своими «подвигами» («Я вел себя как последний дурак...»). Образец настоящего охотника для него Джексон Филипс, который «ненавидел всякое бессмысленное убийство — и убийство, совершаемое между прочим, ради эффекта, и убийство ради убийства». В рассказе «Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера» африканский охотник Уилсон, у которого много общих черт с Филипсом, рискуя жизнью, добывает раненого льва, чтобы зверь не мучился понапрасну.

В последнее время многое переменилось в деле охраны африканской природы: тревога за судьбу животного мира все сильнее охватывает прогрессивно мыслящих людей. В Африке местами кое-что еще можно спасти, а кое-что восстановить почти в естественном виде. Международные и местные организации по охране природы, а в некоторых странах правительства и местная администрация уже принимают кое-какие меры: вводятся различные ограничения охоты, устраиваются заповедники. Достигнуты известные успехи в охране отдельных видов африканской фауны. Так, упомянутый выше белый носорог сейчас спасен от гибели — численность его возросла до нескольких сот голов; по-видимому, так же обстоит дело с южноафриканским слоном; отведена угроза гибели от гориллы и т. п. Все это, правда, еще только начало. Положение африканской фауны остается тяжелым, и деградация крупных зверей там продолжается.

Будем надеяться, что в дальнейшем усилия энтузиастов охраны природы увенчаются успехами и удастся сохранить богатства африканской природы.

В. Г. Гептнер

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Часть первая. Охота и разговоры

Глава первая	9
Глава вторая	21

Часть вторая. Начало охоты

Глава третья	29
Глава четвертая	40
Глава пятая	51
Глава шестая	69
Глава седьмая	75
Глава восьмая	80
Глава девятая	92

Часть третья. Неудачная охота

Глава десятая	97
Глава одиннадцатая	106

Часть четвертая. Радости охоты

Глава двенадцатая	117
Глава тринадцатая	133
<i>В. Г. Гептнер. О «Зеленых холмах Африки» Эрнеста Хемингуэя</i>	<i>156</i>

Эрнест Хемингуэй

ЗЕЛЕННЫЕ ХОЛМЫ АФРИКИ

Редактор *С. Н. Кумкес*
 Художественный редактор *С. С. Верховский*
 Технический редактор *С. М. Кошелева*
 Корректор *О. П. Горшкова*

Т-11717. Сдано в производство 18/V—1959 г. Подписано в печать 8/X—1959 г. Формат 60 × 92¹/₁₆. Печатных листов 10. Условных листов 10. Издательских листов 9,26. Тираж 240 000. Цена 2 р. 80 к.

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15. Географгиз
 Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата
 Министерства культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.
 Заказ № 459.

Сканирование - Беспалов, Николаева
DjVu-кодирование - Беспалов

2 р. 80 к.

ЭРНЕСТ
ХЕМИНГУЭЙ

ЗЕЛЕННЫЕ

ХОЛМЫ

АФРИКИ

